

А. ГЕТТНЕРЪ.
ЕВРОПЕЙСКАЯ
РОССІЯ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО
Л. Д. СИНИЦКАГО.

ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА „ЗЕМЛЕВѢДѢНІЕ“.

<http://landscape.edu.ru>

ЕВРОПЕЙСКАЯ РОССИЯ.

АНТРОПОГЕОГРАФИЧЕСКІЙ

ЭТЮДЪ

АЛЬФРЕДА ГЕТТНЕРА.

СЪ 21 КАРТОЙ ВЪ ТЕКСТЪ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО Л. Д. СИНИЦКАГО.

ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА „ЗЕМЛЕВѢДѢНІЕ“.

МОСКВА — 1907. ✓

А с
т

ЗТП (2)
Г446

1

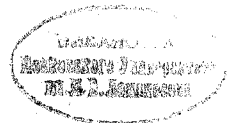
2

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Поводъ къ этому этюду дало мнѣ посѣщеніе VI международнаго геологическаго конгресса въ Петербургѣ осенью 1897 г. и участіе въ сопровождавшихъ его экскурсіяхъ, устроенныхъ организаціоннымъ комитетомъ конгресса, при щедрой поддержкѣ русскаго правительства. Мы тогда лишь мелькомъ видѣли Россію, и такое мимолетное путешествіе въ большой компании мало пригодно для того, чтобы привести къ глубокому изученію сущности народа и государства; но оно пробуждаетъ интересъ и ставитъ вопросы, отвѣты на которые стараюсь найти въ существующей литературѣ.

Лишь послѣ многократныхъ перерывовъ, этюдъ былъ доведенъ до конца; онъ былъ окончательно переписанъ въ первые мѣсяцы японской войны и опубликованъ въ 4-хъ послѣднихъ выпускахъ „Geographische Zeitschrift“ за истекшій годъ. Теперь онъ является въ исправленномъ и дополненномъ видѣ (особенной благодарностью за рядъ замѣчаній я обязанъ проф. Leskien'у въ Лейпцигѣ)—является отдѣльной книгой, такъ какъ именно теперь не одни только географы интересуются безпристрастной картиной Россіи и русскихъ отношеній.

Къ сожалѣнію, я не былъ въ состояніи воспользоваться литературой на русскомъ языкѣ, а она содержитъ массу богатаго матеріала по географіи населенія и культурѣ Россіи. Но и на нѣмецкомъ, французскомъ и англійскомъ языкахъ есть рядъ превосходныхъ сочиненій, частью оригинальныхъ, частью переводныхъ съ русскаго, при помощи которыхъ возможно составить себѣ правильное представленіе о землѣ и людяхъ. Для того, чтобы составить понятіе объ общихъ отношеніяхъ, знакомство съ этими сочиненіями часто даже важнѣе, чѣмъ литература на русскомъ языкѣ.

246 569

нр. 92

ТИПО-ЛИТОГРАФІЯ Т-ВА И. Н. КВШНЕРЕВЪ и К^о.
ПИМЕНОВСКАЯ УЛИЦА, СОБСТВ. ДОМЪ.

1966

Предлагаемый этюд не имѣетъ цѣлью дать новые факты о Россіи и русскихъ. Нѣтъ, его цѣлью является рассмотреть съ географической точки зрѣнія тѣ факты, которые сообщаютъ и освѣщаютъ по своему этнологи, историки, политико-экономы, публицисты и др. Другими словами, цѣлью этюда является выясненіе географическихъ факторовъ, обуславливающихъ своеобразие русскаго народа, русскаго государства, русской культуры, а вмѣстѣ съ тѣмъ установленіе основаній для той справедливой оцѣнки, которая приводитъ не къ похвалѣ или осужденію, а къ пониманію.

Эскизы картъ, приведенные для поясненія текста, позаимствованы изъ подготавливаемыхъ мною „Основъ страновѣдѣнія“ и любезно предоставлены въ мое распоряженіе книгоиздательствомъ *Spamer*'а. При ихъ составленіи мнѣ оказали дружеское содѣйствіе господа д-ръ *Horn*, студ. *Muckle* и студ. *Spitz*.

Гейдельбергъ, начало апрѣля 1905.

А. Геттнеръ.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	<i>Стр.</i>
Введеніе.	
Значеніе Россіи. Точки зрѣнія географическаго изслѣдованія.	1
Литература.	6
I. Природа страны.	
Положеніе. Пространство и расчлененіе. Строеніе береговъ. Вертикальное расчлененіе. Внутреннее строеніе. Свойство почвы. Рѣки. Климатъ. Растительность. Животный міръ.	7
II. Историческое развитіе и его результаты.	
<i>Историческое развитіе.</i> Доисторическій періодъ. Начальныя стадіи культуры въ лѣсу и степи. Образованіе государства варягами. Византійское вліяніе и христіанство. Западно-европейское вліяніе въ отдаленнѣйшія времена. Татары. Россія въ началѣ новаго времени. Европеизація.	26
<i>Расширеніе Россіи.</i> Распространеніе среди финскихъ народностей. Колонизація степей. Завоеванія на Западѣ. Завоеванія въ Азіи.	39
<i>Внутреннее развитіе.</i> Смѣшанная культура Россіи.	42
III. Народы.	
Принципы этнографическаго изслѣдованія. Область русскаго народа. Русскія племена. Позднѣйшее распространеніе и развитіе русской народности въ лѣсу и въ степи. Дух русскаго народа. Примѣсы другихъ народностей въ области русскаго племени. Литовско-латышская область. Западно-финскіе народы. Лопари и самоѣды. Восточно-финскіе народы. Татарскіе или тюркскіе народы—монголы.	46
IV. Религіи.	
Географическій взглядъ на религіи. Распространеніе христіанства. Противоположность Западной Европѣ въ религіозномъ отношеніи. Русская церковь. Суевѣріе и секты. Языческо-шаманскія религіи. Исламъ. Буддизмъ.	19

V. Государство.

<i>Территория государства.</i> Географические законы образования государства. Польско-литовское государство. Древнейшее развитие русских государств. Завоевание татарских царств. Борьба съ польско-латышским государством и приближение къ Балтійскому морю. Распространение на югъ. Географическій характеръ русской государственной области. Этнической характеръ и русская политика по отношенію къ національностямъ	70
<i>Вопросы внешней политики.</i> Финляндія. Стремление къ Атлантическому океану. Балтійское море. Балтійскія провинціи. Западная граница и польскій вопросъ. Богемія и Моравія. Галиція. Положеніе на Черномъ морѣ и притязанія на Балканскій полуостровъ и Константинополь. Сибирь. Движеніе впередъ въ Туркестанъ и въ Азію	79
<i>Размѣры и сила.</i> Значеніе континентальной цѣльности. Трудность одолѣнія пространства. Войско. Флотъ. Финансы	88
<i>Внутренняя сушность русскаго государства.</i> Общій характеръ. Самодержавіе и бюрократія. Централизація. Территориальное дѣленіе. Полицейское государство. Что дѣлается государствомъ для народнаго хозяйства и народнаго образованія	94

VI. Заселеніе и населеніе.

<i>Заселеніе и преобразование страны.</i> Характеръ заселенія. Тундра. Сѣверная лѣсная область. Южная лѣсная область. Переходная область отъ лѣса къ степи. Травяная степь. Полупустыня. Крымъ	99
<i>Движеніе и распределеніе населенія.</i> Увеличеніе населенія. Характеръ его роста. Внутреннія передвиженія. Отношеніе половъ. Движеніе населенія въ различныхъ частяхъ страны. Распределеніе плотности населенія	106
<i>Села и города.</i> Хутора и села. Величина и характеръ сель. Значеніе городовъ. Ихъ видъ. Столица. Важнѣйшіе города	112
<i>Организованныя формы заселенія и населенія.</i> Свободное крестьянство и крѣпостное право. Общинное владѣніе. Дворяне, мѣщане и рабочіе	112

VII. Сообщенія.

Общій характеръ сообщеній	122
<i>Мореплаваніе.</i> Сѣверный Ледовитый океанъ. Балтійское море. Черное море. Каспійское море	123
<i>Рѣчное судоходство.</i> Рѣки. Каналы. Сплавы. Судоходство	126
<i>Сухопутные способы сообщенія.</i> Дороги. Транспортныя средства. Желѣзнодорожная сѣть. Характеръ желѣзныхъ дорогъ. Почта и телеграфъ	131

VIII. Народное хозяйство.

<i>Общій характеръ народнаго хозяйства.</i> Хозяйственное состояніе въ старину. Основныя черты развитія. Переходъ отъ натуральнаго хозяйства къ денежному. Нынѣшнее состояніе. Сравненіе съ колониальными странами	136
<i>Сельское хозяйство.</i> Общій характеръ сельскаго хозяйства. Географическое распределеніе. Тундра. Сѣверная лѣсная область. Балтійскія провинціи. Западная область. Центральная Россія. Восточная лѣсная область. Малорусскій черноземъ. Великорусскій черноземъ. Бессарабія. Новороссійскія степи. Крымъ	141
<i>Рыболовство.</i>	152
<i>Горный промыселъ.</i> Добываніе рудъ. Каменный уголь	152
<i>Ремесла и промышленность.</i> Сельская кустарная промышленность. Фабричная промышленность. Главнѣйшія промышленныя области, особенно великорусская область промышленности и область желѣзныхъ заводовъ юга и Урала	154
<i>Торговля.</i> Торговля въ древности и въ средніе вѣка. Торговля настоящаго времени. Направленіе торговли. Транзитная торговля. Организация торговли	161
Сужденіе о состояніи народнаго хозяйства	164

IX. Матеріальная и духовная культура.

Большое различіе по классамъ населенія	165
<i>Матеріальная культура.</i> Образъ жизни высшихъ классовъ и народа. Питаніе. Одежда. Жилище. Здоровье. Нищета и голодъ	165
<i>Духовная культура.</i> Образованіе высшихъ классовъ. Образованіе народа. Искусство. Поэзія. Наука	169

Заключеніе.

Общіе итоги. Виды на будущее	171
--	-----

УКАЗАТЕЛЬ КАРТЪ.

	<i>Стр.</i>
Виды почвъ	15
Линіи равныхъ годовичныхъ колебаній температуры.	18
Изотермы января.	19
Изотермы іюля.	19
Карты растительнаго покрова.	21
Народы восточно-европейской низменности въ X вѣкѣ.	27
Этнографическая карта восточно-европейской низменности въ настоящее время.	49
Этнографическая карта Прибалтійскаго края	57
Этнографическая карта восточной Россіи.	59
Распредѣленіе религій	63
Государства восточно-европейской низменности въ 1500 г.	71
Ростъ Россійской имперіи со временъ Петра Великаго	75
Россія и распространеніе русскихъ	79
Нѣмецко-русская граница и крѣпости.	82
Польша въ XVIII вѣкѣ и въ ея нынѣшнемъ видѣ	83
Русскія владѣнія въ Европѣ и Азіи	89
Плотность населенія	111
Продолжительность замерзанія рѣкъ въ дняхъ	127
Водные пути между Волгой и Невой	129
Области сельскаго хозяйства.	143
Горное дѣло и промышленность.	153

Введеніе.

При всѣхъ различіяхъ въ частностяхъ всѣ страны Западной Европы близки другъ другу по составу своего населенія и по сущности своей культуры. Восточная же Европа, и особенно Россія является по отношенію къ нимъ чѣмъ-то совершенно постороннимъ, чуждымъ. Прошло всего лишь 200 лѣтъ, какъ Россія вошла въ кругъ культурныхъ европейскихъ странъ. Еще Лейбницъ ставилъ ее на одинъ уровень съ Персіей и Абиссиніей. Еще и теперь языкъ, письмо, религія, нравы, государственный строй ставятъ между Россіей и Западной Европой большую преграду, чѣмъ между послѣдней и европеизировавшимися странами остальныхъ частей свѣта. Нѣтъ ничего неудачнѣе, какъ цѣликомъ переносить на Россію западно-европейскія понятія и представленія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя отрицать большого значенія, какое имѣетъ Россія для Западной Европы. Въ первой половинѣ истекшаго столѣтія Россія оказывала прямо опредѣляющее вліяніе на политическія судьбы нашей части свѣта. Одни смотрѣли на нее съ упованіемъ, какъ на оплотъ консервативныхъ идей, другіе ненавидѣли, какъ самаго сильнаго и опаснаго противника свободы. Но всѣ чувствовали зависимость отъ могущественной воли царя. Это чувство зависимости уменьшилось во второй половинѣ вѣка. Главнымъ факторомъ, освободившимъ Европу отъ власти Россіи, было могучее развитіе Германіи *). Сама Россія стала отдавать меньше вниманія Западу и больше Юго-Востоку и Востоку. Однако и до сихъ поръ эта огромная имперія является во многихъ отношеніяхъ державой, задающей тонъ Европѣ. Она медленно, но

*) Зап. Европа стала освобождаться отъ власти Россіи съ Крымской кампаніи, въ которой проявили свою силу Франція и Англія. Германія выступила во всей своей мощи только съ конца 70-хъ годовъ. *Прим. ред.*

неизмѣнно пробирается впередъ, что является однимъ изъ важнѣйшихъ, если не важнѣйшимъ фактомъ мировой политики. Именно теперь *) глаза всѣхъ съ напряженіемъ устремлены на Дальній Востокъ, гдѣ движеніе Россіи впередъ наткнулось на сильное сопротивление восточно-азиатской островной державы.

По обоимъ указаннымъ основаніямъ, отдать себѣ отчетъ въ существѣ и мощности Россіи является особенно интересной и важной задачей не только для историка, политико-эконома и публициста, но и для географа.

Задача интересуетъ меня не только съ фактической, но и съ методологической ея стороны. Именно, на разсмотрѣніи въ цѣломъ своеобразнаго народа и своеобразной культуры мнѣ хочется испытывать пути и границы географическаго метода изслѣдованія. А именно Россія кажется мнѣ особенно пригодной для такого изслѣдованія: вся ея культура настолько отлична отъ западно-европейской, настолько своеобразна, что самъ собою встаетъ вопросъ о причинахъ такого отличія; притомъ эта культура намѣчается крупными широкими штрихами, безъ того пестраго разнообразія западно-европейскихъ странъ, которое такъ поучительно для изученія вліянія природы въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, но такъ затрудняетъ пониманіе обыденныхъ фактовъ.

Когда началась спасительная реакція противъ обычной прежде компиляціи разнообразнѣйшихъ этнографическихъ, историческихъ, политико-экономическихъ и другихъ фактовъ, стали изслѣдовать вліяніе разнообразныхъ факторовъ природы—каждаго изъ нихъ въ отдѣльности—на человѣка. Но этимъ, по моему мнѣнію, не можетъ ограничиваться географическое изученіе человѣка. При переплетающемся взаимодействіи вліяній, этимъ путемъ нельзя получить того завершеннаго познанія, которое является цѣлью каждой самостоятельной науки. Задачей же географіи человѣка, такъ же какъ и географіи животныхъ и растений, представляется прежде всего установленіе пространственной группировки и распредѣленія различныхъ проявленій человѣческой жизни и затѣмъ изслѣдованіе естественныхъ причинъ этихъ фактовъ.

Географическія отношенія человѣка могутъ только отчасти быть объяснены изъ условій настоящаго. Въ значительной своей долѣ

*) Писано въ 1904 г.

они зависятъ и отъ условій прошлаго. Что случилось разъ, продолжается дѣйствовать и тогда, когда давно исчезли условія, вызвавшія его существованіе, и не перестаетъ вліять на настоящее и будущее. Русская исторія моложе исторіи другихъ европейскихъ странъ, но и въ Россіи настоящее развивалось изъ условій ранняго средневѣковья, хотя и не непрерывно, но такъ, что вліяніе этихъ условій все еще сказывается въ обстоятельствахъ настоящаго. Разсмотрѣніе географическихъ фактовъ должно быть поэтому генетическимъ, но оно не должно превращаться въ историческій рассказъ. Географъ, поступающій правильно съ методологической точки зрѣнія, при разсмотрѣніи устройства поверхности, становится на почву исторической геологіи, но избѣгаетъ историко-геологическаго разсказа. Такъ и въ географіи человѣка онъ пользуется исторіей, не беря на себя роли историка. Если примѣнять генетическій методъ разсмотрѣнія и при этомъ твердо помнить о внутренней связи различныхъ сферъ человѣческой жизни, если обратить также надлежащее вниманіе на условія распространенія человѣка и началъ культуры, на ихъ возникновеніе и водвореніе, то можно—думается мнѣ—пойти дальше, чѣмъ это дѣлалось до сихъ поръ, въ дѣлѣ сведенія антропогеографическихъ отношеній къ ихъ естественнымъ причинамъ.

Явленія человѣческой жизни только въ небольшой своей части могутъ быть сведены непосредственно къ вліяніямъ природы; большей же частью они зависятъ другъ отъ друга и могутъ поэтому лишь косвенно получить географическое объясненіе. Но относительно характера этого взаимодействія мнѣнія еще очень расходятся.

Первымъ возникаетъ вопросъ относительно значенія для историческаго развитія отдѣльныхъ *личностей* и относительно необходимости считаться съ этимъ факторомъ въ географическомъ изслѣдованіи. Здѣсь собственно два вопроса: вопросъ метода и вопросъ содержанія изслѣдованія. Методологически географія занимаетъ по отношенію къ этому вопросу другое положеніе, чѣмъ исторія. Исторія имѣетъ дѣло съ историческимъ процессомъ, какъ таковымъ; для географіи его изученіе необходимо лишь для пониманія наступившаго. Для исторіи отдѣльныя происшествія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и отдѣльныя личности составляютъ существенный предметъ изслѣдованія. Географія же, напротивъ того, считается

со всѣмъ этимъ лишь постольку, поскольку это необходимо для уразумѣнія условій настоящаго. Со стороны содержанія вопросъ для географическаго изслѣдованія сводится къ тому, творили ли отдѣльныя личности какъ бы изъ ничего, были ли ихъ цѣли и дѣйствія независимы отъ данныхъ условій мѣста и времени, и не оказали ли, при всемъ томъ, эти дѣйствія и происшествія, являющіяся въ этомъ смыслѣ случайными, длительного вліянія на страну и народъ. Отвѣтъ на этотъ вопросъ является, однако, принципиальнымъ вопросомъ научнаго міросозерцанія и зависитъ отъ оцѣнки значенія принципа причинности въ жизни человѣка. Міропониманіе, признающее, что и въ человѣческой жизни вездѣ сказывается причинная связь, не будетъ, само собою, отрицать значенія личностей, но будетъ видѣть въ нихъ носителей идей и мотивовъ, вытекающихъ изъ данныхъ условій, и будетъ стремиться объяснить ихъ силу и вліяніе, исходя изъ матеріальныхъ и духовныхъ условій народа и времени. Географическое изслѣдованіе, считающееся не съ процессомъ совершенія, а съ совершившимся фактомъ, при такомъ отношеніи къ дѣлу, по возможности отодвинетъ въ сторону отдѣльную личность, какъ бы высоко ни ставила она ее, какъ факторъ историческаго процесса, и будетъ держаться общихъ факторовъ человѣческой жизни.

Но и относительно значенія и взаимной зависимости этихъ общихъ факторовъ не существуетъ еще единства взглядовъ.

Модная теорія выдвигаетъ впередъ *расу* и выводитъ изъ нея всѣ остальные явленія человѣческой жизни. Съ извѣстной наивно-стью, безъ долгихъ размышленій, она принимаетъ физическія свойства человѣка за расовые признаки и просматриваетъ при этомъ или, по крайней мѣрѣ, не обращаетъ достаточнаго вниманія на то, что многія изъ этихъ свойствъ приобрѣтены въ данной странѣ, и что еще большая часть ихъ зависитъ отъ уровня и характера культуры. Она не считаетъ съ тѣмъ фактомъ, что расы и народы вели борьбу за существованіе при посредствѣ своей культуры, которую они къ тому же часто восприняли, какъ нѣчто постороннее, что такимъ образомъ сохраненіе или гибель расъ, ихъ большее или меньшее значеніе зависитъ отъ того воспріятія культуры, которое обусловливается прежде всего географическими причинами.

Въ эпохи господства церкви выше всего ставили значеніе рели-

ги, и многіе церковные изслѣдователи дѣлаютъ то же до сихъ поръ. И это воззрѣніе является одностороннимъ. Нерѣдко религія была дѣйствительно опредѣляющимъ фактомъ развитія, и антропо-географическое изслѣдованіе сдѣлаетъ, конечно, большую ошибку, если не считается съ этимъ въ достаточной степени. Но въ другихъ случаяхъ распространеніе и развитіе религій является лишь побочнымъ и вторичнымъ явленіемъ сношеній и культуры вообще.

Большая часть историковъ и изслѣдователей государственнаго права дѣлаютъ исходнымъ и центральнымъ пунктомъ изученія *государства* и волю государственныхъ властей, и при этомъ доходятъ до того, что смотрятъ на государство, какъ на нѣчто данное. Дѣйствительно, государство оказываетъ опредѣляющее вліяніе на всю хозяйственную и духовную жизнь. Но часто дѣйствія государства являются лишь выраженіемъ и внѣшней формой мотивовъ, исходящихъ изъ другихъ областей жизни. И если мы обратимъ вниманіе на образованіе государствъ, то не можемъ не признать, что государство часто было лишь сопутствующимъ явленіемъ народности и религіи, и что всѣ высшія формы государственнаго развитія были возможны лишь на почвѣ высшаго развитія сношеній и народнаго хозяйства, которыя со своей стороны развивались почти независимо отъ данныхъ государственныхъ формъ.

Матеріалистическое направленіе историографіи усмотрѣло самыя могучія двигательныя силы міровой исторіи *въ сношеніяхъ* и *въ народномъ хозяйствѣ*, и, конечно, ихъ вліяніе на государственный строй и культуру гораздо больше, чѣмъ это предполагалось прежде. Но и ихъ значенія не нужно преувеличивать. А для географа особенно велика опасность именно этого искушенія, благодаря тѣсной связи указанныхъ факторовъ съ природой страны. Во многихъ случаяхъ они подчинены чисто государственнымъ формамъ, а также религіи, духовнымъ идеаламъ, распространяются и развиваются въ ихъ соупутствіи и подъ ихъ вліяніемъ.

Духовный прогрессъ часто предшествовалъ прогрессу техники и, слѣдовательно, прогрессу сношеній и народнаго хозяйства, онъ вызвалъ ихъ; но, съ другой стороны, онъ и самъ былъ возможенъ лишь при опредѣленныхъ хозяйственныхъ и государственныхъ отношеніяхъ. Развитіе *нравственныхъ силъ* часто давало побѣду въ борьбѣ и этимъ содѣйствовало государственному и хозяйственному

благополучію; но высшая нравственность предполагаетъ известныя экономическія основы и наличность политической свободы.

Такимъ образомъ мы видимъ, что на передній планъ выступаетъ то одинъ, то иной рядъ явленій, опредѣляющихъ другія. Было бы односторонне отдавать предпочтеніе однимъ, все равно, каковы бы эти явленія ни были, видѣть преимущественно въ нихъ причины и смотрѣть на остальные, какъ на слѣдствія. Такое воззрѣніе не отдаетъ должнаго антропогеографической причинности. Географическое изслѣдованіе должно, наоборотъ, послѣ оцѣнки природныхъ условій, прежде всего обратить вниманіе на совокупность человѣческихъ проявленій, въ ихъ взаимной зависимости, и объяснить ихъ изъ естественныхъ условій и уже на этой основѣ перейти къ изслѣдованію отдѣльныхъ рядовъ явленій.

Литература.

Изъ богатой литературы объ Европейской Россіи здѣсь могутъ быть названы лишь важнѣйшія сочиненія.

Изъ общихъ географическихъ описаній восточно-европейской низменности слѣдуетъ назвать какъ болѣе старыя вещи: *Schmitzler'a*, „L'empire des Tsars, 4 vol. Paris, 1856—69 и 5-й томъ *E. Reclus*, „Nouvelle géographie universelle“, р. 277—918, Paris, 1880 (къ русскому переводу—дополненія русскихъ авторовъ); затѣмъ—издаваемый подъ редакціей *Семенова* большой сборный трудъ „Россія: Полное описаніе нашего отечества“. С.-Петербургъ, 1899 (и слѣд.). Въ будущемъ въ издаваемой Kirchhoff'омъ серіи „Länderkunde von Europa“ долженъ появиться очеркъ Краснова.

Лучшими научными изслѣдованіями существа Россіи представляются мнѣ книги: *D. M. Wallace*, „Russia“, London, 1877, и *Anatole Leroy Beauclieu*, „L'empire des Tsars et les Russes, 3 vol. Paris, 1881 (нѣм. пер. Pezold, Berlin, 1884) и, съ политико-экономической стороны, ф. Шульце-Гэверницъ (v. Schulze-Gaevernitz) „Politiko-экономическіе этюды о Россіи“ (Leipzig, 1899). Много другихъ сочиненій новѣйшаго времени, напримѣръ, *E. v. d. Brüggen*, „Das heutige Russland. Kulturstudien“, Leipzig, 1902, содержатъ значительное количество цѣннаго матеріала, хотя часто въ нихъ нѣтъ достаточной объективности или болѣе глубокой научной обоснованности. Для того, чтобы получить живое представленіе о

сущности Россіи и о русской культурѣ, нужно прочесть описанія путешествій, вродѣ *I. Legras*, „Au pays Russe“, Paris, 1895, такія сочиненія, какъ „Воспоминанія революціонера“ *кн. Кропоткина*, и романы *Тургенева*, *Толстого*, *Гоголя*, *Достоевскаго*, являющіеся, по своей реалистической изобразительности, настоящимъ культурно-историческимъ источникомъ.

Сочиненія, касающіяся преимущественно отдѣльныхъ круговъ явленій, будутъ названы въ дальнѣйшихъ главахъ. Здѣсь, какъ и тамъ, я долженъ ограничиться указаніемъ лишь такихъ сочиненій, которыя содержатъ болѣе богатый антропогеографическій матеріалъ. Я просмотрѣлъ и пользовался въ отдѣльныхъ случаяхъ многими изъ такихъ сочиненій, перечислять которыя здѣсь было бы неумѣстно.

I. Природа страны (*).

Европейская Россія почти совпадаетъ съ восточно-европейской низменностью. Это обширная, цѣльная масса суши, протянувшаяся отъ Балтійскаго моря и Сѣвернаго Ледовитаго океана до Чернаго и Каспійскаго морей. На Западъ она переходитъ безъ рѣзкихъ границъ, приблизительно по линіи, идущей отъ устья Нѣмана до устья Дуная, въ болѣе узкую и отличающуюся болѣе сложнымъ строеніемъ Среднюю Европу. На востокъ ея границей—довольно произвольно—принимаются Уральскія горы съ ихъ южнымъ продолженіемъ: на восточной сторонѣ ихъ раскинулась низменность того же характера, какъ и восточно-европейская. Для насъ важно здѣсь не отграниченіе области со строго опредѣленной площадью, что необходимо было бы для цѣлей географическаго сравненія, а просто указаніе того, къ какой области будутъ относиться всѣ дальнѣйшія разсужденія. Я въ особенности подчеркиваю это потому, что польскій Привислянскій край, Финляндія и Кавказъ не входятъ въ рамки настоящаго этюда. Область, которою онъ занимается, охватываетъ приблизительно $5\frac{1}{4}$ мил. кв. кил., т.-е. болѣе половины всей Европы.

Названіемъ *Восточная Европа* указывается важнѣйшій признакъ географическаго положенія нашей области, именно противоположность ея Западно-Европейскимъ странамъ и болѣе далекое отстояніе отъ Атлантическаго океана. Это не приморская, а континентальная или, по крайней мѣрѣ, полуконтинентальная страна. Ея

*) Богатую мыслями характеристику страны и ея вліянія на человѣка даютъ *Leroy-Beaulieu, L'empire des Tsars*, т. I, стр. 1—39, и *Брюкнеръ* въ 2-мъ томѣ своей исторіи Россіи. Отъ указанія специальной физико-географической литературы приходится отказаться.

климатъ не измѣряется вліяніемъ океана, а отличается крайними колебаніями. На ея исторіи и культурѣ не отразились океанъ и за-океанскія страны; исторія и культура Россіи носятъ отпечатокъ, свойственный внутри-материковымъ странамъ.

Съ названіемъ Восточная Европа легко ассоціируется мысль о конечной восточной области Европы, какъ будто къ востоку оттуда лежитъ нѣчто иное, чуждое. Противопоставленіе Азіи и Европы, вытекшее изъ исторической ошибки, возбуждаетъ совершенно ложную мысль, будто бы, дѣйствительно, можно провести рѣзкое различіе между азіатской и европейской природой и культурой. Въ дѣйствительности же, существуетъ долная однородность между Восточной Европой и сопредѣльными азіатскими странами: онѣ проявляютъ тѣ же черты природы и культуры, какъ и Восточная Европа, только болѣе рѣзко выраженные. Совершенно такъ же, какъ черезъ Уралъ и его южныя развѣтвленія въ Сибирь и Киргизскія степи заходятъ на Сѣверѣ тундры и необъятные лѣса, а на югѣ степи Россіи,—такъ и для историческихъ движеній Уралъ никогда не являлся преградой. Они направлялись изъ Азіи въ Вост. Европу—что особенно часто происходило въ болѣе отдаленныя времена,—или изъ Восточной Европы въ сосѣднія азіатскія страны,—что чаще бываетъ теперь,—не подвергаясь при этомъ какимъ либо глубокимъ измѣненіямъ. Для исторіи и современнаго состоянія Россіи особенно важно именно это промежуточное положеніе между Западной Европой и Азіей, ея отношенія къ той и другой сторонѣ, и названіе *полу-Азія*, которое далъ одинъ остроумный писатель Россіи и другимъ восточно-европейскимъ странамъ, лучше всего выражаетъ эту черту ея природы и культуры.

Второй чертой природы страны представляется намъ *огромное протяженіе* Европейской Россіи между ближайшими морями, въ противоположность богатой расчлененности и, вслѣдствіе этого, небольшой величинѣ странъ, заключенныхъ между морями на Западѣ Европы. Москва, культурный центръ восточно-европейской низменности, удалена отъ ближайшаго моря на 650 килом. Пермь,—приблизительно самый отдаленный отъ моря пунктъ,—болѣе чѣмъ на 1100 кил. При томъ слѣдуетъ оговорить, что Сѣверный Ледовитый океанъ и внутреннее Каспійское море—послѣднее вслѣдствіе своей замкнутости, а первый вслѣдствіе своего почти постояннаго ледяного покрова—едва ли и слѣдовало бы считать за моря. Въ

восточномъ направленіи, чтобы дойти до моря, нужно пройти Азію во всю ея ширину. Восточно-европейская низменность не только, такимъ образомъ, недоступна непосредственному вліянію океана, но даже и по отношенію къ болѣе мелкимъ морямъ она является болѣею частью материковой страной. Вліяніе моря, столь содѣйствующее культурѣ, ограничивается лишь немногими береговыми полосами, большая же часть страны, именно коренная Россія, и въ политическомъ, и въ экономическомъ, и въ духовномъ отношеніяхъ лишена животворящаго дыханія моря. Долгая культурная отсталость Россіи, по сравненію съ западно-европейскими странами, объясняется, болѣею частью, тѣмъ, что зародыши высшей культуры не могли проникнуть въ Россію черезъ море. Они вѣдрались лишь въ немногихъ береговыхъ полосахъ и медленно проникали отсюда въ сердце страны. Этническое государственное и экономическое расширеніе Россіи, составляющее такую важную черту ея новѣйшей исторіи, идетъ не черезъ море, какъ у западно-европейскихъ народовъ, а по сушѣ. До Великаго океана казаки прошли черезъ всю Сибирь; по сушѣ продвигается Россія и къ Индійскому океану. Для своего распространенія Россія имѣла такимъ образомъ собственную область и была въ значительной степени свободна отъ мирнаго и воинственнаго соперничества съ западно-европейскими народами.

Обширность восточно-европейской низменности имѣетъ однако и другую сторону. Моря очень содѣйствуютъ мирнымъ сношеніямъ и захвату торговли въ другихъ странахъ. Но они ставятъ предѣлъ распространенію народовъ и военнымъ завоеваніямъ. Съ теченіемъ времени, главнымъ образомъ благодаря развитію способовъ сообщенія, значеніе ихъ измѣнилось, но въ общемъ, въ настоящее время, по крайней мѣрѣ, — они соединяютъ въ сферѣ сношеній и торговли и разъединяютъ въ отношеніи государственнымъ и этническомъ. Не случайность, что большая часть народовъ и государствъ Европы дошла именно до сосѣдняго моря, но не могла перешагнуть черезъ него, что если иногда, — какъ Англія или Швеція, — государства переступали черезъ море, то, въ концѣ-концовъ, все-таки теряли свои владѣнія, лежація по ту сторону его. Моря обуславливаютъ обособленность этническаго, государственнаго и, во многихъ отношеніяхъ, и культурнаго развитія примыкающихъ къ нимъ странъ, ихъ индивидуализацію. Они

содѣйствуютъ быстрому разрастанію народовъ и государствъ до береговъ моря, но задерживаютъ ихъ развитіе за своими предѣлами. Богатое морское расчлененіе Западной Европы и отсутствие такого расчлененія на востокъ Европы должно было такимъ образомъ вызвать: въ первомъ случаѣ — развитіе большого числа своеобразныхъ народовъ и государствъ, занимающихъ довольно небольшія площади, а во второмъ — образованіе большого, но медленно развивающагося и медленно захватывающаго свою естественную область народа и государства.

Устройство береговъ страны не особенно благоприятствовало развитію судоходства и еще и сейчасъ задерживаетъ морскія сношенія. Берега *Сѣвернаго Ледовитаго океана* и *Бѣлаго моря* являются болѣею частью трудно доступными низкими берегами и при этомъ въ общемъ открыты лишь около полугода, а остальные полгода замѣнуты льдами; только рѣчные устья образуютъ надежныя гавани. Поэтому челобѣка и не манило здѣсь къ морю, какъ въ сосѣдней Норвегіи, да и чужеземные корабли стали проникать сюда довольно поздно. На русскомъ побережьи *Балтійскаго моря* зимній ледяной покровъ остается, правда, уже не такъ долго, какъ на *Бѣломъ*; однако и здѣсь онъ прерываетъ ежегодно судоходство на нѣсколько мѣсяцевъ и отодвигаетъ часть сношеній къ прусскимъ гаванямъ, расположеннымъ южнѣе. Устройство береговъ здѣсь различно: берега Финскаго залива, — за исключеніемъ болотистой долины Невы, — круты; на западномъ берегу, обращенномъ къ открытому Балтійскому морю, передъ уступомъ столовой страны лежитъ довольно замѣнутый низкій берегъ; но обѣ части берега открыты въ сторону моря лишь на рѣчныхъ устьяхъ. Болѣе глубоко врѣзывается лишь большой Рижскій заливъ, въ южной части котораго устье Двины образуетъ хорошую рѣчную гавань. Отсюда понятно, что русскій берегъ Балтійскаго моря не могъ воспитать настоящихъ рыболововъ и мореходовъ, но для чужихъ мореплавателей, а также и для собственного населенія онъ образовалъ рядъ если не дѣйствительно хорошихъ, то все же сносныхъ гаваней. Тоже можно сказать и о берегахъ *Чернаго моря*. Болѣею частью это — крутой берегъ, образованный размывающимъ дѣйствіемъ волнъ. Рѣчные устья вслѣдствіе повышенія уровня моря обратились въ удлиненныя бухты, лиманы. Входъ въ эти лиманы болѣе или менѣе

замкнуть косами, пересыпями,—почему они мало—или совсѣмъ недоступны для судоходства. Азовское море отличается малой глубиной, достаточной лишь для мелко сидящихъ судовъ. Сѣверный берегъ *Каспійскаго моря*—низкій, своеобразно расчлененный, намытый берегъ, доступный лишь для небольшихъ судовъ; но устье Волги, несмотря на свою дельту, образуетъ хорошую рѣчную гавань, имѣющую выдающееся значеніе для торговыхъ сношеній.

Рука объ руку съ слабымъ горизонтальнымъ расчлененіемъ идетъ и малое вертикальное расчлененіе Восточной Европы. Страны Западной Европы подверглись сильному тектоническому нарушенію въ древніе и въ недавніе геологическіе періоды, поэтому большей частью являются гористыми или состоятъ изъ пересѣченныхъ столовыхъ странъ и плато; низменности являются въ нихъ лишь подчиненнымъ элементомъ. Территорія же Восточной Европы уже съ давнихъ временъ не испытывала значительныхъ колебаній. Поэтому отъ Скандинавскаго полуострова, Польскихъ горъ и Карпатъ на западъ до Урала на востокъ, отъ Ледовитаго океана на сѣверъ до Чернаго моря, горъ южнаго Крыма и Кавказа на югъ она образуетъ огромную низменность, отличающуюся простымъ строеніемъ, намѣченнымъ крупными чертами. Настоящія плоскія низины, въ которыя едва врѣзываются рѣчныя ложа, встрѣчаются однако лишь мѣстами и, что замѣчательно, почти всегда лишь на лѣвой сторонѣ большихъ рѣкъ. Самыя большія изъ этихъ плоскихъ низинъ лежатъ на крайнемъ сѣверо-востоку, между Ураломъ и Тиманскимъ краемъ, и на крайнемъ юго-востоку, по нижней Волгѣ и въ каспійской впадинѣ. Но широко протянулись, особенно въ южной Россіи, однообразныя равнины, высотой 200—300 метр. н. у. м., плоскость которыхъ лишь незначительно нарушается крутостѣпными долинами и оврагами. Сѣверо-западная Россія, на которой оставилъ свои отложенія гигантскій скандинаво-финскій ледяной покровъ ледниковаго періода, уже болѣе холмиста. Однако и холмы валдайскихъ высотъ, гдѣ находятся наиболѣе высокія точки сѣверно-русскаго поднятія, поднимаются лишь немного выше 300 метровъ.

Такое простое, можно сказать однообразное устройство поверхности имѣетъ важныя послѣдствія для всей природы Россіи, а равно посредственно и для человѣка.

Природа этой низменности намѣчена крупными штрихами. Здѣсь совершенно нѣтъ того разнообразія, той подчасъ мозаичной пестроты, которая создается смѣной высотъ въ горныхъ странахъ, напимѣръ, въ области средне-германскихъ горъ. Тогда какъ тамъ, часто смѣняясь, близко примыкаютъ другъ къ другу ландшафты очень различнаго вида, весьма различно, въ смыслѣ шансовъ культуры, одаренные природой, здѣсь ландшафтъ и условія жизни остаются одними и тѣми же на протяженіи цѣлыхъ дней пути. *Leroy-Beaulieu* говоритъ, что когда послѣ ночи, проведенной въ вагонѣ желѣзной дороги, забрезжитъ день, часто можно подумать, что ты не сдвинулся съ мѣста. *Blasius* указываетъ на то, что у подножія Гарца уже на протяженіи немногихъ миль можно встрѣтить больше природныхъ различій, чѣмъ на всемъ пути отъ Бѣлаго до Чернаго моря. Эта однородность и однообразіе ландшафта соответствуетъ однородности и однообразію человѣческой жизни и культуры. Широкіе простирающіеся черезъ всю страну пояса имѣютъ тѣ же произведенія. Поэтому и не создается стремленія къ тѣмъ сношеніямъ и обмѣну, какія въ Германіи возникли уже въ раннюю эпоху между низинами и высотами, между равнинами и горами. Если природа и образъ жизни одинаковы, то мысль и чувство развиваются въ одномъ и томъ же направленіи; сношеніе съ соседними областями не даетъ новыхъ впечатлѣній, не приноситъ новыхъ импульсовъ.

Но именно это однообразіе природы и образа жизни, не дающее поводовъ къ экономическимъ и духовнымъ сношеніямъ и обмѣну, должно, напротивъ того, благоприятствовать переселеніямъ и распространенію населенія. Вышнихъ преградъ, которыя могли бы задерживать переселенія и препятствовать имъ, не существуетъ. Переселенецъ остается въ той же средѣ и потому вездѣ можетъ легко приспособиться. И мы встрѣтимся, какъ съ фактомъ особой важности для исторіи восточно-европейской низменности, съ далекими переселеніями и съ колонизаторскимъ движеніемъ отдѣльныхъ личностей на сѣверъ и съ переселеніями цѣлыхъ народовъ на югъ. Всѣ импульсы,—какіе даются голодомъ или недовольствомъ, и какіе въ странахъ съ богатымъ расчлененіемъ и значительными преградами для движенія въ ширь приводятъ къ исканію новыхъ источниковъ заработка и жизни на мѣстѣ, и такимъ образомъ ведутъ къ культурному прогрессу,—здѣсь претво-

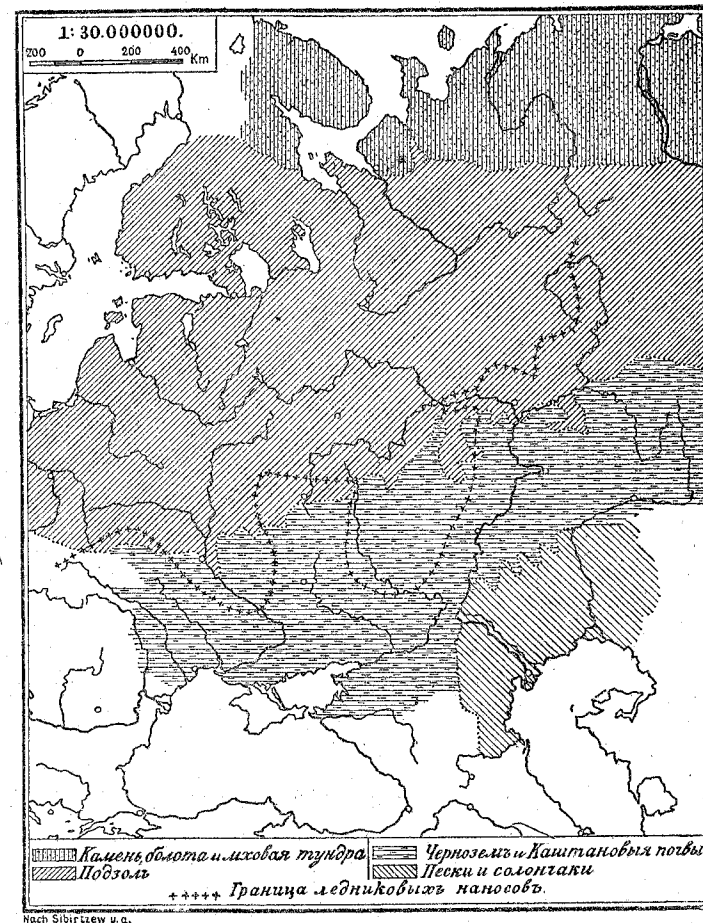
ряются въ переселенія и приводятъ такимъ образомъ лишь къ расширенію культуры. Культурное развитіе восточно-европейской низменности, какъ всѣхъ низменностей вообще, проявляетъ тенденцію къ экстенсивности, а не къ усиленію интенсивности, наблюдаемой въ болѣе замкнутыхъ областяхъ, обладающихъ опредѣленными границами.

Чѣмъ однообразнѣе строеніе поверхности, тѣмъ большее значеніе приобрѣтаютъ различія состава *почвы*. И этотъ составъ, естественно, намѣченъ тоже крупными штрихами. При единообразіи въ частностяхъ, онъ проявляетъ поясное расчлененіе, не одинаковое, однако, для внутренняго строенія и для наружныхъ слоевъ почвы.

Во внутреннемъ строеніи наблюдается преобладаніе почти горизонтально лежащихъ слоистыхъ породъ. Вслѣдствіе отсутствія тектоническихъ процессовъ и неизмѣнно связанныхъ съ ними измѣненій горныхъ породъ, онѣ сохранили довольно рыхлое, мягкое строеніе. При горизонтальномъ напластованіи составъ горныхъ породъ мѣняется лишь на далекомъ протяженіи, и такъ какъ онѣ сверху прикрыты болшею частью новѣйшими отложеніями, то ихъ составъ не имѣетъ большого значенія для растительнаго покрова и для землепользованія. Только на югѣ, въ области Донца и Днѣпровскихъ пороговъ, выступаетъ на дневную поверхность Каменная гряда, и по ея краю круто приподнялись и каменноугольныя отложенія; это остатки хребта изъ давняго геологическаго прошлаго. Въ общемъ, однако, именно въ южной Россіи преобладаютъ верхнетретичныя и четвертичныя отложенія.

Отсутствіе крупныхъ тектоническихъ нарушеній, — вслѣдствіе чего нѣтъ породъ, выдвинутыхъ изъ большихъ глубинъ, — приводитъ къ бѣдности восточно-европейской низменности рудами и особенно благородными металлами, которые, какъ показали новѣйшія изслѣдованія, коренятся въ земныхъ глубинахъ и только вслѣдствіе движеній и разрывовъ земной коры выдвигаются на поверхность. Желѣзные руды средней мощности и доброкачественности встрѣчаются повсюду, но только одна южно-русская гранитная гряда имѣетъ, дѣйствительно, богатые залежи желѣза, а знаменитыя мѣсторожденія магнитнаго желѣзняка, золота, платины и великолѣпныхъ драгоцѣнныхъ камней, которымъ удивляются въ русскихъ

церквахъ и въ коллекціяхъ, принадлежатъ не восточно-европейской низменности, а Уралу и именно сибирскому склону его. Такимъ образомъ у восточно-европейской низменности не было той изъ важнѣйшихъ приманокъ для сношеній, какава во многихъ странахъ давала толчокъ для прониканія въ нихъ и для перваго насажденія

Виды почвъ.

культуры. Бѣдность рудами даетъ себя знать еще и теперь. По еще болше чувствуется теперь бѣдность болшей части страны каменнымъ углемъ, что также объясняется незначительностью горообразованія въ концѣ палеозойской эры. Каменноугольныя залежи Московской области, Пермской губерніи и Сѣвера Россіи очень не-

значительны для такого большого пространства и содержать уголь очень посредственного качества. Только въ старыхъ горахъ по Донцу и возлѣ нихъ имѣются мощныя залежи каменнаго угля, болѣею частью превосходнаго качества. Польскій каменноугольный бассейнъ, соединяющійся съ верхнесилезскимъ бассейномъ, не принадлежитъ уже къ восточно-европейской низменности. Мѣсторожденія нефти, имѣющія такое важное значеніе для добыванія керосина, лежатъ также вѣ нашей области, хотя и по сосѣдству съ нею.

Различія въ строеніи поверхностныхъ слоевъ почвы зависятъ отъ климатическихъ различій не только настоящаго времени, но и болѣе ранняго четвертичнаго періода. Сѣверо-западную часть—до линіи, идущей приблизительно (конечно, съ различными вогнутостями и выпуклостями) отъ Кіева до истоковъ Вычегды, — покрывали, какъ и въ сѣверо-германской низменности, отложения великаго сѣвернаго ледника и вода, образовавшихся отъ его таянія. Отложения эти часто отличаются смытыми формами. Въ нихъ то больше глины, то больше песку и валуновъ; между ними, занимая большія пространства, раскинулись многочисленныя озера, болота и топи. Вывѣтрившійся слой болѣею частью окрашенъ въ сѣрый цвѣтъ, песчанистъ. Онъ зовется подзоломъ. Дальше къ югу, отчасти еще покрывая ледниковыя отложения, господствуетъ лёссъ, въ которомъ мы вмѣстѣ съ барономъ Рихтгофеномъ склонны видѣть отложения пыли, задержанной травяной растительностью степей. Но мѣстами, особенно по склонамъ долинъ, выступаютъ на дневную поверхность и подстилкація горныя породы.

Въ своихъ поверхностныхъ частяхъ лёссъ, а также вывѣтрившіеся слои другихъ породъ, очень богаты, въ большей части степной полосы, гумусомъ и образуютъ знаменитый черноземъ, отъ котораго зависитъ большое плодородіе всей этой полосы. По направленію къ Черному морю образованіе гумуса, вслѣдствіе большей сухости климата, уже меньше. Почва пріобрѣтаетъ свѣтло-бурый оттѣнокъ и постепенно переходитъ въ обыкновенный лёссъ. Въ каспійской впадинѣ, гдѣ степь уступаетъ мѣсто полупустынѣ, лёссъ исчезаетъ; почву образуютъ здѣсь солончаки и летучіе пески; она можетъ быть сдѣлана плодородной лишь при посредствѣ искусственнаго орошенія.

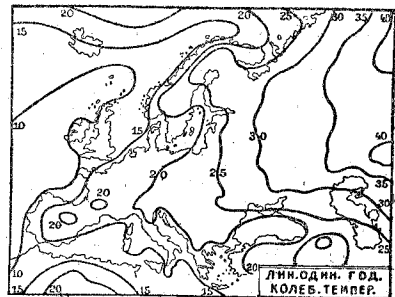
Слѣдствіемъ обширности страны, — въ которой климатъ пустыни господствуетъ лишь въ краевой юго-восточной области, а въ остальныхъ частяхъ рѣки почти вездѣ имѣютъ стоки, — являются крупныя размѣры рѣкъ и рѣчныхъ бассейновъ, тогда какъ въ островныхъ и полуостровныхъ государствахъ Западной Европы рѣки и рѣчные бассейны отличаются малой величиной. Волга — величайшая рѣка всей Европы. Но и другія русскія рѣки, особенно Сѣверная Двина и Днѣпръ, своей длиной и величиной своихъ бассейновъ далеко превосходятъ остальные европейскія рѣки, кромѣ Дуная, отличающагося болѣею длиной, благодаря своему своеобразному направленію. Уже этимъ, при равенствѣ прочихъ условій, имъ обеспечено большое значеніе для сношеній. Къ тому же, вслѣдствіе того, что поверхность страны является низменной, рѣки имѣютъ незначительное паденіе и текутъ спокойно. Только Днѣпръ въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ прорываетъ южно-русскую каменную гряду, образуетъ пороги, вызывающіе перерывъ судоходства. Эти пороги играли значительную роль въ русской исторіи. Рѣки становятся судоходными, болѣею частью, уже вблизи своихъ истоковъ, и такъ какъ верхнія теченія рѣкъ, направленныхъ въ разныя стороны, очень часто близко подходятъ одно къ другимъ и отдѣляются низкими водораздѣлами, то съ этими водораздѣлами легко справлялись — въ болѣе отдаленныя времена при помощи перенесенія легкихъ лодокъ изъ рѣки въ рѣку, — а позже при посредствѣ каналовъ. Но всѣ рѣки впадаютъ лишь во второстепенныя моря, а наибольшая изъ нихъ даже во внутреннее море, такъ что она не образуетъ соединенія съ океаномъ, а лишь облегчаетъ сношенія внутри материка. Нужно прибавить также, что Ледовитый океанъ и Бѣлое море, куда впадаютъ Печора и Сѣверная Двина, доступны для судоходства, по причинѣ покрывающихъ ихъ льдовъ, лишь нѣсколько мѣсяцевъ въ году; да и самыя рѣки закованы льдомъ значительную часть года, даже на югѣ цѣлую его половину. На юго-востокѣ, съ другой стороны, судоходство затрудняется сухостью лѣта. Таяніе снѣговъ вызываетъ большіе разливы, задерживающіе сухопутныя сношенія и причиняющіе вредъ поселеніямъ. Это является тѣневой стороною той свѣтлой картины, которую, на первый взглядъ, представляетъ карта русскихъ водныхъ путей. Уже давно рѣки давали извѣстное, хотя и слабое возмѣщеніе недостаточности морскихъ сношеній. Развитие сухопутныхъ сообщеній очень

246569

понижило значение большинства рѣкъ, но дальнѣйшіе успѣхи культуры будутъ въ состояніи, путемъ работы по урегулированію теченія рѣкъ, придать имъ новое значеніе.

Климатъ восточно-европейской низменности опредѣляется прежде всего ея положеніемъ въ умѣренномъ поясѣ, именно, въ общемъ въ сѣверной, субарктической части этого пояса. На сѣверѣ низменность заходитъ даже въ полярный поясъ. Почти посредиѣ она прорѣзывается 55-й параллелью, за которую Германія заходитъ лишь двумя маленькими выступами. Крымъ пересекается 45-й параллелью, т.-е. лежитъ на одной широтѣ съ Бордо и сѣверо-итальянской низменностью. На второмъ мѣстѣ среди факторовъ, опредѣляющихъ климатъ, должно быть поставлено разстояніе отъ океана:

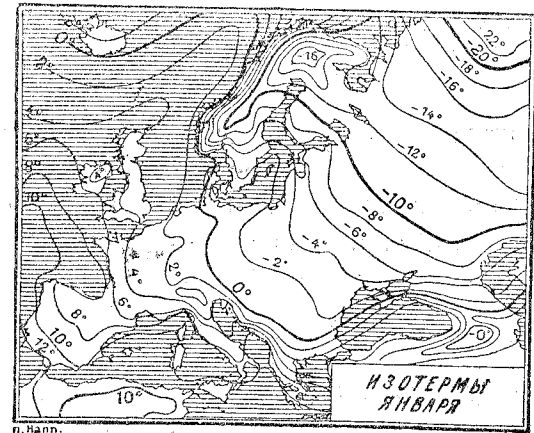
Россія — континентальная страна, отодвинутая отъ океаническаго вліянія, однако менѣе континентальная, чѣмъ западная или восточная Сибирь. Ледовитый океанъ и Балтійское море простираютъ свое вліяніе недалеко внутрь суши; они придаютъ климату, правда, другой оттѣнокъ, но не мѣняютъ

его сущности. Вполнѣ подъ вліяніемъ моря находится лишь южный берегъ Крыма, климатъ котораго напоминаетъ климатъ Ривьеры, хотя и уступаетъ ему по мягкости. Объ измѣненіи климата и существованіи климатическихъ областей, которое могло быть вызвано различными поднятіями суши, въ Россіи почти не приходится говорить. Горы поднимаются только на восточной границѣ и въ южномъ Крыму; на остальномъ пространствѣ одинъ и тотъ же климатъ господствуетъ на протяженіи тысячъ квадратныхъ миль; ни одинъ горный хребетъ не даетъ прохлады лѣтомъ, влажности — въ сухое время года.

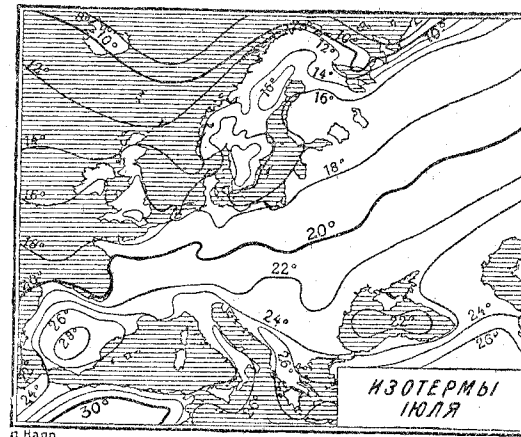
Важнѣйшимъ отличительнымъ признакомъ русскаго климата по отношенію къ температурѣ, по сравненію съ западно-европейскими странами, являются большія годовыя колебанія, достигающія до 25°—35°, тогда какъ въ Ирландіи они составляютъ лишь 10°, а въ средней Германіи 20°. Температура Москвы совпадаетъ въ

январѣ съ температурой Гапаранды, а въ іюлѣ — съ t° Парижа. Южная Россія на широтѣ Парижа и Вѣны имѣетъ въ январѣ t° Стокгольма, а въ іюлѣ — Мадейры. Лѣто, за исключеніемъ береговыхъ областей Балтійскаго моря и Ледовитаго океана, очень жарко, жарче, чѣмъ подъ тѣми же широтами въ Западной Европѣ; зима же сурова и продолжительна, хотя холодъ, при спокойномъ сухомъ воздухѣ, относительно мало даетъ себя знать.

Цѣлые мѣсяцы продолжается морозъ; большая часть страны покрыта въ это время бѣлымъ снѣговымъ покровомъ. Всѣ сельскохозяйственныя работы прекращаются, и человекъ долженъ искать другихъ занятій.

По отношенію къ количеству осадковъ важно уменьшеніе годового количества осадковъ и особенно количества ихъ въ холодное время года отъ Балтійскаго моря по направленію къ востоку и юго-востоку; въ балтійскихъ провинціяхъ годовое количество осадковъ еще близко къ германскому, внутри страны оно становится все меньше, а въ каспійской впадинѣ оно

уже ниже 200 миллиметровъ, при чемъ выпадающіе осадки, при господствующей тамъ жарѣ, очень быстро испаряются. Только въ Крымскихъ горахъ и еще болѣе, конечно, на Кавказѣ, который

мы оставляемъ внѣ поля нашего изслѣдованія, снова наблюдается увеличеніе осадковъ. Большая часть осадковъ приходится на лѣто, а именно въ сѣверной Россіи больше на конецъ лѣта, а въ южной Россіи—на начало его, конецъ же лѣта тамъ бѣденъ дождями. При сухомъ концѣ лѣта, сухой осени и холодной зимѣ въ распоряженіи растительнаго покрова здѣсь остаются лишь весна и начало лѣта. Исключеніе представляютъ лишь горы Крыма, гдѣ поднятіемъ надъ моремъ вызывается большее количество осадковъ, и южный его берегъ, гдѣ господствуетъ уже средиземноморскій климатъ, т.-е. лѣто здѣсь сухо, а зима не только относительно мягка, но и влажна.

Однообразію климата на большихъ пространствахъ соответствуетъ и однообразіе растительнаго покрова: растительность расположена широкими поясами, и эти пояса растительности не кончаются возлѣ Урала, а тянутся также и по ту сторону его, по Сибири.

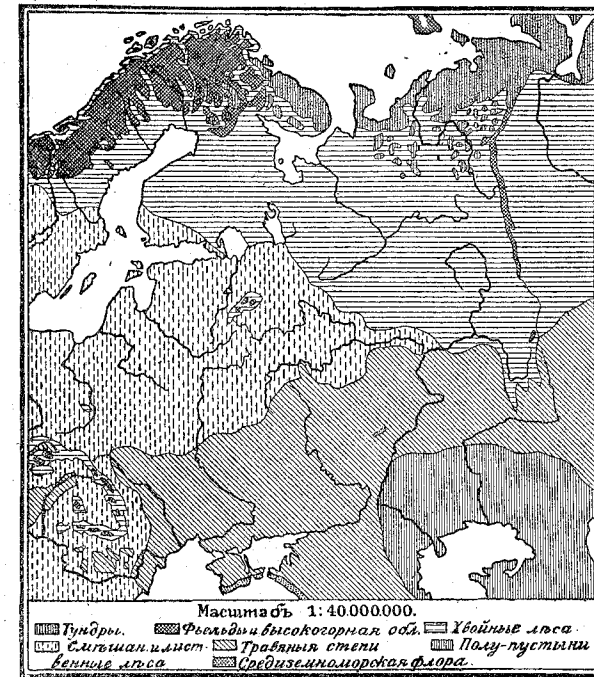
Сѣверъ восточно-европейской низменности (въ общемъ область къ сѣверу отъ полярнаго круга) занимаетъ тундра, въ которой не встрѣчается больше деревьевъ, такъ какъ средняя температура дня лишь въ теченіе немногихъ мѣсяцевъ поднимается выше точки замерзанія, земля на незначительной глубинѣ остается вѣчно мерзлой и крупныя растенія не могутъ поэтому добыть необходимой влаги. Жизни деревьевъ особенно вредитъ сильный вѣтеръ, отнимающій влагу. Въ мѣстахъ, защищенныхъ отъ вѣтра, въ тундру островами и полуостровами продвигаются кустарники. Настоящій же растительный покровъ тундры состоитъ, смотря по мѣстности, изъ карликовыхъ кустарниковъ, занимающихъ самые солнечные и сухіе склоны, изъ лишайевъ на сухомъ камнѣ и изъ мховъ на болотистыхъ низменностяхъ. Земледѣліе и обыкновенное скотоводство здѣсь невозможны; только сѣверный олень можетъ еще кормить рѣдкое кочующее населеніе.

Къ югу отъ тундры вся сѣверная Россія, приблизительно до линіи, идущей отъ Кременца черезъ Кіевъ и Тулу до Казани, представляла въ естественномъ своемъ состояніи огромную лѣсную область. Въ ней, конечно, были и свободныя отъ деревьевъ пространства, но моховыя болота и естественныя луга, прерывавшіе лѣса, отступали на задній планъ по сравненію съ лѣсомъ. И теперь еще лѣ-

сомъ покрыты обширныя пространства. Этотъ лѣсъ имѣетъ мало общаго съ расчищенными, содержимыми въ порядкѣ лѣсами Германіи: здѣсь пестро перемѣшаны другъ съ другомъ разнообразныя древесныя породы, молодыя деревья растутъ среди старыхъ и пышно разрастается подлѣсокъ. Часто такой лѣсъ очень красивъ именно своей непосредственностью и долженъ производить сильное впечатлѣніе на человѣка, рвущагося отъ культуры къ природѣ.

На сѣверѣ и востокѣ и на границѣ степей суровый или сухой климатъ и плохая почва позволяютъ расти деревьямъ лишь медленно и достигать незначительной высоты. И безъ вины человѣка вѣтеръ и огонь часто прокладывали бреши въ лѣсу, а въ новѣйшее время, при все увеличивающемся населеніи и улучшившихся способахъ перевозки, и человѣкъ все больше и больше уничтожаетъ лѣса. При этомъ онъ рубитъ именно самыя большія и красивыя деревья, такъ что лѣсной ландшафтъ Россіи часто производитъ впечатлѣніе скорѣе некультурности, чѣмъ величественной природы.

Въ зависимости отъ древесныхъ породъ, образующихъ лѣса, можно различать двѣ главныхъ области русскаго лѣса, представляющихъ не одинаковыя условія для обработки земли и для поселеній. Ихъ граница на западѣ идетъ приблизительно по 60-й параллели, но на востокѣ понижается, и на Камѣ подѣ 55° с. ш.

Карта растительнаго покрова.

доходить до границы степей, такъ что далѣе къ востоку сѣверная область лѣса непосредственно примыкаетъ къ степи.

Въ сѣверной области лѣса растутъ лишь хвойныя деревья и березы, при чемъ березы не только разбросаны среди хвойнаго лѣса, но и образуютъ самостоятельныя рощи. Другихъ лиственныхъ деревьевъ, кромѣ березы и осины нѣтъ, главнымъ образомъ потому, что, при длинныхъ зимахъ, вегетационный періодъ является очень укороченнымъ. И на культурной растительности отражается краткость вегетационнаго періода: возможность успѣшнаго земледѣлія здѣсь исключается.

Въ южной области лѣса наблюдается большее разнообразіе лиственныхъ породъ: на ряду съ дубами, липами и березами встрѣчаются также кленъ, вязъ, ясень, черная ольха и др. Дерево же, особенно часто встрѣчающееся въ западно-европейскихъ лиственныхъ лѣсахъ, — букъ не можетъ выносить континентальнаго климата Россіи. Земледѣліе здѣсь возможно, но все-таки вести его еще затруднительно и мало выгодно. Человѣкъ долженъ здѣсь упорно работать, чтобы побѣдить природу. Только въ потѣ лица своего можетъ онъ ѣсть хлѣбъ свой. Самая прилежная работа вознаграждается очень скудно. Человѣкъ научается терпѣнію и покорности, но не приобретаетъ того мужества и той силы характера, какую даетъ борьба съ природой обитателю горъ и морскихъ береговъ.

Указанная выше линія обозначаетъ границу со стороны *степи*, соответствующей сѣверо-американскимъ преріямъ или южно-американскимъ пампамъ. Эту границу нельзя себѣ, конечно, представлять намѣченной рѣзко. Переходъ совершается постепенно: луговины въ лѣсахъ становятся чаще и больше и начинаютъ одерживать верхъ надъ лѣсомъ, такъ что лѣсъ уже только полуостровами выдвигается въ степь или образуетъ острова, окруженные степью. Лѣсныя полосы протягиваются вдоль по теченію рѣкъ; часто бываютъ также покрыты лѣсомъ склоны врѣзывающихся въ равнину долинъ, можетъ быть, потому, что они защищены отъ дующихъ надъ равниной иссушающихъ вѣтровъ. Только совсѣмъ на югѣ протянулась безъ всякихъ перерывовъ безконечно однообразная степь.

Относительно безлѣсія и степного характера южной Россіи велся долгій споръ. А такъ какъ это имѣло значеніе и для рѣшенія

вопроса относительно пригодности страны для культуры, то споръ велся не безъ раздраженія. Многіе вовсе не признавали степей природнымъ явленіемъ, а видѣли въ нихъ результатъ обезлѣсенія страны человѣкомъ. Что человѣкъ усилилъ безлѣсіе распаханіемъ почвы, отрицать этого нельзя. Но почему именно здѣсь обезлѣсеніе совершилось въ такой полной мѣрѣ? К. Э. ф. Бэръ, указавъ на отсутствіе бѣлки въ Крыму, далъ прямое доказательство того, что южная Россія никогда не была покрыта лѣсомъ, и что лѣса Крыма отдѣлялись отъ лѣсовъ средней Россіи степью. Безлѣсіе, такимъ образомъ, — естественное явленіе. Объяснить его можно, однако, различнымъ образомъ. Бѣлая часть русскихъ изслѣдователей выдвигаетъ на первый планъ свойства почвы, и несомнѣнно, что довольно водопроницаемая, часто еще богатая солями почва не благопріятствуетъ росту деревьевъ. Но на такой же, повидимому, почвѣ, при другихъ условіяхъ растетъ лѣсъ, и очень вѣроятно, что она сама является лишь результатомъ степной природы. А причины особенностей послѣдней заключаются, разумѣется, въ климатѣ. Но при этомъ не нужно такъ односторонне, какъ дѣлалось это прежде, принимать въ расчетъ лишь годичное количество осадковъ. Особенно важно то, какъ протекаютъ времена года. Такъ какъ ростъ растительности прерывается здѣсь холодами зимы и сухостью второй половины лѣта, то онъ долженъ совершаться въ теченіе немногихъ мѣсяцевъ, и этимъ-то исключаются деревья, требующія для своего произрастанія болѣе длиннаго вегетационнаго періода. Такой климатъ могутъ вынести лишь жесткія травы (ковыль) и тѣ многолѣтники, которые подготовляются къ росту подъ землей. Лишь только весной почва пригрѣется солнцемъ и увлажнится первыми дождями или таящимъ снѣгомъ, какъ распустится зеленая трава и развернется великолѣпный цвѣточный коверъ. Но къ концу лѣта уже кончается жизнь растений. Травы и многолѣтники засыхаютъ и рассыпаются въ пыль; мертвенно, пустынно выглядитъ тогда степь.

На югѣ степь доходитъ до моря и покрываетъ вершины Крымскихъ горъ. Но на южномъ склонѣ, благодаря болѣе богатымъ осадкамъ, эти горы покрыты уже красивыми лѣсами, въ которыхъ преобладаютъ сбрасывающія листву, лиственные деревья, хотя растутъ также и крымская сосна. Внизу, въ непосредственной близости отъ берега, гдѣ зима мягка, а лѣто сухо, начинается вѣчно

зеленая, жестколистная растительность средиземноморских береговых ландшафтов, которую нельзя сравнивать еще с растительным миром Ривьеры, но уже можно приравнять к растительности верхне-итальянских озер или Истрии.

На юго-востоке травяная степь переходит в *полупустыню* каспийской впадины. Здесь даже весной не хватает влаги, чтобы в достаточной мере вызвать к жизни травы и многолетники. Произрастают только растения особенно приспособленные к сухому климату и могущия переносить соленость почвы. Но они не образуют тесно сплетенного растительного покрова, а растут разбросанно, везде оставляя между собою голую почву.

Если мы оставим в стороне эту полупустыню, примыкающую к степи, и отдаленную тундру, если оставим в стороне и лесостепь, составляющую переход между лесом и степью, то пред нами выступает деление России на две крупные части, лес и степь. Это деление выражает собою важнейшие противоположности русской природы, оно отражается даже на русской истории. Жизнь в лесной и степной полосе всегда выливалась в различные формы. Лес был непригоден для обитания кочевника; мы можем представить себе здесь человека лишь как охотника или рыбака или, когда он достиг более высокой культурной ступени, как более или менее оседлого земледельца, проникающего в лесные прогалины и все более расширяющего их. Население постепенно продвигается вперед, но великие переселения народов здесь невозможны. Напротив того, в степях хотя оседлый образ жизни и земледелие несколько не исключаются для лучших их частей, но и кочевник со своими стадами находить здесь благоприятную для себя почву: он вступает в соперничество с земледельцем, и, благодаря своей подвижности и воинственности, легко побуждает в этой борьбе, пока земледельец не приобретет сил противодействовать его нападениям при помощи средств, даваемых высшей культурой. Степь является поэтому ареной великих народных переселений, которые приносят все новых людей, но вечно одну и ту же, только в мелочах отличающуюся культуру, пока, наконец, против них не воздвигнет плотины земледельец, выдвинувшийся из лесной области. Степь—это гроб народов, растворяющихся в волнах вновь переселяющихся племен, степь—это область

исторической смѣны. Для соседних народов она образует, хотя и не в такой степени, как пустыня, преграду, затрудняющую сношения между ними и не допускающую прочных культурных взаимоотношений. Правда, южно-русская степь, особенно в своей западной части, где ее характер выражен еще не так резко, пропустила отдельные зародыши культуры от Средиземного моря к русской лесной области, но в общем она помешала проникновению средиземноморской культуры. Она причиной тому, что высшая культура пошла окольными путями через Западную Европу и потому лишь поздно могла достигнуть России.

Различиями растительного покрова обуславливаются и различия *животного мира* в разных частях восточно-европейской низменности. Тундра является царством полярных животных: пеструшек, пищух, песцов и пр. Россомаха и северный олень заходят отсюда до лесной области. В последней появляется медведь и другие пушные звери, особенно белка, затем лось, косуля, волк, лисица и мн. др. Когда-то был широко распространен и зубр, который сохраняется теперь только в одном месте, в Бѣловѣжской пушце. Для степей характерны прыгающие грызуны, особенно тушканчики, и живущие стадами копытные (сайги, куланы). В каспийской полупустыне встречается уже и верблюд.

Эти различия животного мира влияли также и на жизнь человека. В значительной части страны охота долго давала главные средства к жизни; пушные звери привлекали человека в северные леса, волки еще и сейчас являются бичем страны. Но в общем животный мир, по своему значению для человека, далеко уступает растительному.

II. Историческое развитие и его результаты.

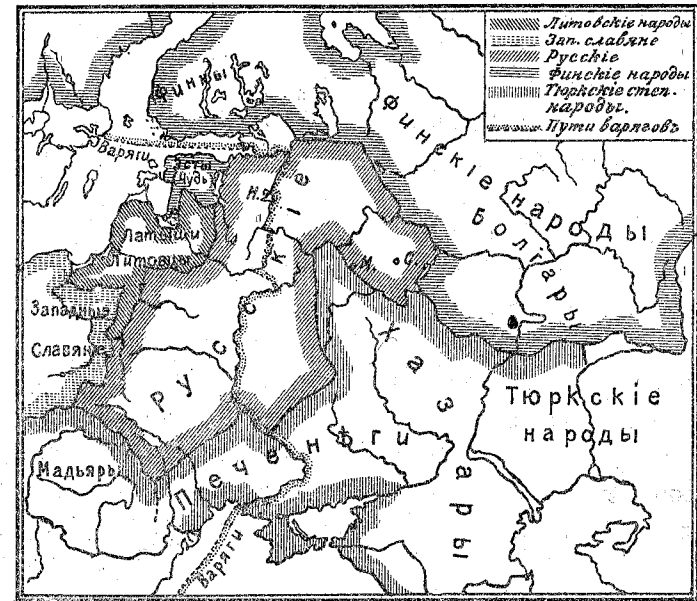
Историческое развитие *).

Изъ антропологическихъ и археологическихъ изслѣдованій нельзя пока вывести никакихъ положительныхъ данныхъ относительно первоначальнаго развитія населенія и его культуры. Правда, можно утверждать, что то населеніе, которое оставило курганы, имѣющіеся на значительной части восточно-европейской низменности, отличалось большей длинноголовостью и было выше и темнѣе, чѣмъ нынѣшніе русскіе. Съ той поры совершилось, такимъ образомъ, измѣненіе физическихъ признаковъ населенія. Но толкованія этого факта расходятся настолько, что одни видятъ въ этомъ старомъ длинноголовомъ населеніи первобытныхъ славянъ, а другіе признаютъ его первоначальнымъ финскимъ населеніемъ и принимаютъ, что славяне, уже изначала отличавшіеся короткоголовостью, постепенно продвинулись къ востоку изъ Средней Европы и изъ за-

*) Основы историческаго развитія не только русскаго государства, но и русской народности и культуры изложены у *А. Брокнера*, „Исторія Россіи“. Т. I (по-нѣм. Gotha, 1896), у *Leroy-Beaulieu*, „L'empire des Tsars“. Т. I, кн. 4 и у *П. Милюкова*, „Очерки по исторіи русской культуры“ (переведено на нѣмецкій языкъ Davidson'омъ, Leipzig, 1898 и 1901). Интересныя замѣчанія у *Пытина* и *Спасовича*, „Исторія славянскихъ литературъ“ (есть нѣм. изд. Leipzig, 1880). Изъ историческихъ сочиненій, въ которыхъ на первомъ планѣ стоитъ, конечно, государственная жизнь, кромѣ большихъ сочиненій *Карамзина*, *Соловьева*, *Strahl-Hermann'a* и др., могутъ быть рекомендованы и болѣе краткіе очерки, какъ *Rimbaud*, „Histoire de la Russie“, 1878 и *Th. Schiemann*, „Russland, Polen und Livland bis ins 17. Jahrhundert (Onckens Geschichte in Einzeldarstellungen) 2 тома. Berlin, 1886. Обзоръ старой Россіи даетъ и *Th. v. Bernhardi* во 2-мъ томѣ своей „Исторіи Россіи и европейской политики въ 1814—1831 гг.“

падной части низменности и смѣшались на новыхъ мѣстахъ съ первобытнымъ населеніемъ.

Также очень скудны и историческія извѣстія относительно населенія и культуры восточно-европейской низменности въ древнѣйшія времена. Только побережья Чернаго моря находились въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ культурными народами древности, обитатели же сѣверной лѣсной области были отрѣзаны, съ одной стороны, степью, а съ другой германскими народами, и черезъ эту стѣну проникали лишь темныя извѣстія. Отъ временъ Геро-

Народы восточно-европейской низменности въ X вѣкѣ.

дота, когда на южную часть восточно-европейской низменности упалъ первый лучъ историческаго изслѣдованія, и до временъ переселенія народовъ или даже до X вѣка, когда, съ основанія русскихъ государствъ и введенія христіанства, начинается настоящая исторія, совершилось много перемѣнъ. Но мы не можемъ представить ихъ исторически и должны довольствоваться общимъ наброскомъ состоянія этого времени *).

*) Основнымъ, хотя, конечно, устарѣвшимъ трудомъ по этому вопросу являются „Славянскія древности“ *Шафарика*.

То дѣленіе восточно-европейской низменности на лѣсъ и степь, на которомъ мы настаивали при обзорѣ естественныхъ условій, выступаетъ съ большою ясностью и по отношенію къ населенію. Въ лѣсной области, въ теченіе столѣтій, совершились, повидимому, лишь незначительныя измѣненія. Поскольку удается проникнуть взоромъ въ глубь временъ, мы находимъ тѣ же самыя племена, и эти племена мало измѣнили мѣста своихъ обиталищъ и свою культуру. Можно прослѣдить, какъ все застаивается, если не приходитъ сильнаго вліянія извнѣ. Въ степи, напротивъ того, на аренѣ появляются вѣчно новые актеры, но разыгрываютъ они постоянно одну и ту же пьесу. Степь, благодаря легкоподвижности своего пастушескаго населенія является ареной непрестанныхъ измѣненій, но не истиннаго развитія.

Въ лѣсной области, въ этнографическомъ отношеніи и, въ цѣломъ, и въ отношеніи культурномъ, можно замѣтить дѣленіе по культурѣ на двѣ части.

Въ западной части обитали *индо-германцы*. По Балтійскому морю жили литовцы и родственные имъ народы почти на нынѣшнихъ мѣстахъ своего обитанія. Ихъ восточными сосѣдями были сперва германцы, которые, до переселенія народовъ, заходили далеко на востокъ, позже западные славяне, а затѣмъ опять нѣмцы. Къ югу жили славяне, а именно по Вислѣ поляки, а по истокамъ Нѣмана и З. Двины, Припети и Днѣпра, Волги и Оки, т. е. приблизительно въ нынѣшней Бѣлоруссіи и западной части Великороссіи — русскіе. Внѣшней границы этой области нельзя указать съ точностью, но она могла идти приблизительно отъ Новгорода черезъ верхнюю Волгу у Твери, верхнюю Оку къ западу отъ Коломны и черезъ Курскъ къ среднему Днѣпру, къ югу отъ Канева и далѣе къ среднему Днѣстру.

Какъ извѣстно, до сихъ поръ еще является спорнымъ вопросъ, здѣсь ли родина этихъ индо-германскихъ народовъ, или они переселились сюда, и если такъ, то — когда и откуда? Во всякомъ случаѣ они не были — съ тѣхъ поръ, какъ мы ихъ знаемъ, — степными народами, — этимъ названіемъ часто хотѣли заклеймить русскихъ, — а обитателями лѣсной области; они были не кочующими номадами, а земледѣльцами, воздѣлывавшими просо и рожь и лишь въ связи съ земледѣліемъ занимавшимися скотоводствомъ. Они, правда, не срослись еще съ землей настолько, какъ болѣе развитыя куль-

турные народы, но все-таки они рѣшительно должны быть названы осѣдлыми. Культуру древнихъ славянъ мы должны представлять себѣ сходной съ культурой древнихъ германцевъ, только отставшей отъ нея на одну ступень. Сами по себѣ народы сѣверныхъ лѣсныхъ областей не имѣли задатковъ высшаго развитія. Всѣ зародыши культуры приходили съ юга, сперва изъ рѣчныхъ странъ Передней Азіи, затѣмъ изъ средиземноморскихъ странъ. Культурное развитіе cadaго народа зависѣло, главнымъ образомъ, отъ доступности его страны для этихъ зародышей культуры. Степь въ общемъ вліяла какъ преграда. Поэтому славяне, и особенно русскіе, гораздо меньше приходили въ соприкосновеніе съ передне-азиатской и средиземноморской культурой, чѣмъ германцы и кельты, области которыхъ непосредственно примыкали къ западнымъ средиземноморскимъ странамъ. Къ тому же болѣе сѣверная природа ихъ страны создавала для русскихъ болѣе тяжелыя жизненныя условія и еще болѣе затрудняла ихъ прогрессъ.

Къ сѣверу и востоку отъ литовцевъ и русскихъ, а также, — какъ показываютъ географическія названія, напримѣръ, окончанія на *ма* и *ва*, — и въ нынѣшней центральной Россіи, а можетъ быть и далеко къ югу въ южно-русскихъ степяхъ жили *финскіе* или *чудскіе народы*. Въ этнологическихъ классификаціяхъ ихъ сближаютъ съ тюркскими и монгольскими народами. Но родство ихъ языковъ по меньшей мѣрѣ сомнительно; а западные изъ этихъ народовъ и по своимъ физическимъ признакамъ должны быть причислены скорѣе къ бѣлой, чѣмъ къ желтой расѣ. Въ соотвѣтствіи съ большей отдаленностью и еще большей суровостью своей страны, финскіе народы стояли на еще болѣе низкой культурной ступени, чѣмъ литовцы и славяне. Во всякомъ случаѣ, въ виду того, что у нихъ есть самостоятельныя слова, касающіяся земледѣлія, можно допустить, что они не были уже только охотниками и рыболовами, а что и у нихъ начало распространяться примитивное земледѣліе. Кочевыми номадами не были и они, за исключеніемъ, быть можетъ, обитателей тундры, которые и тогда уже могли быть кочующими оленеводами. Немноголюдные, но разбросанные на большомъ пространствѣ, они расщепились на рядъ мелкихъ народцевъ.

Для обитателей степей на первый планъ долженъ быть поставленъ образъ жизни, такъ какъ онъ остается неизмѣннымъ сто-

лѣтѣями, даже тысячелѣтѣями, тогда какъ народы вѣчно здѣсь мѣнялись. Правда, происходили извѣстныя смѣны и въ образѣ жизни, но онѣ носили характеръ колебаній, а не постепенныхъ измѣненій. Иногда въ степяхъ, а именно въ западныхъ и сѣверныхъ частяхъ ихъ, распространялось земледѣліе, но затѣмъ оно снова вытѣснялось скотоводствомъ номадовъ, или, во всякомъ случаѣ, земледѣльцы порабощались номадами. Уже у Геродота выступаетъ различіе кочующихъ, царственныхъ и земледѣльческихъ скивовъ. Кочующіе скотоводы являются господами и владѣтелями страны. Это — подвижныя номады. Но области ихъ кочевій отграничены одна отъ другой, и обыкновенно они держатся внутри этихъ областей. Когда же образуется избытокъ населенія и начинается голодъ или получится толчокъ со стороны, тогда они легко приходятъ въ движеніе, и разъ начавшееся движеніе разрастается какъ лавина. Великія движенія начинались въ средне-азиатскихъ степяхъ, именно въ Монголіи, а затѣмъ въ своихъ развѣтвленіяхъ перекатывались черезъ южно-русскія степи до Венгріи и Балканскаго полуострова, гдѣ ихъ опрокидывало сопротивление осѣдлыхъ народовъ лѣсной области. Такъ шелъ изъ Азіи прибой волнъ все новыхъ народовъ, но ихъ культура оставалась по существу все той же и различалась лишь въ частности. Эти народныя переселенія не носятъ поэтому большей частью никакого этническаго отпечатка. Ихъ массы сбивались въ одну кучу изъ самыхъ различныхъ народовъ и расъ, которые встрѣчались на пути ихъ движенія и захватывались ими съ собою. Попадались здѣсь и представители культурныхъ народовъ изъ числа обитателей оазовъ Центральной Азіи. Не разъ при этихъ переселеніяхъ приносились тѣ или другіе зародыши культуры. Принадлежность этихъ степныхъ народовъ къ той или другой этнической группѣ опредѣляется поэтому довольно трудно.

Во времена Геродота и Гипократа въ западной части степей, приблизительно до Дона, жили скивы, а къ востоку отсюда сарматы. Сарматы были индо-германцами, всего вѣроятнѣе — иранцами. Ихъ ни въ какомъ случаѣ нельзя считать предками русскихъ, и обзываніе русскихъ сарматами не имѣетъ никакого смысла. Относительно скивовъ мнѣнія расходятся. Физическіе признаки, описываемые Гипократомъ, указываютъ, какъ полагалъ *К. Neumann*, на монгольскую расу. Но люди, изображенные на греческихъ золотыхъ и серебряныхъ вазахъ, найденныхъ въ степныхъ курганахъ и

украшающихъ теперь Эрмитажъ, — люди, считаемыя скивами, выказываютъ арійскія черты. Позже сарматы, отбѣснивши и уничтоживши скивовъ, распространились дальше на западъ. Затѣмъ въ южно-русскія степи вторглись съ юго-запада геты, родственные оракійцамъ. Нѣкоторое время западную часть степей до Крыма занимали германцы — готы, переселившіеся на югъ изъ прибалтійскихъ странъ. Далѣе, во время того переселенія народовъ, къ которому преимущественно примѣняется это названіе, появились гунны, можетъ быть, тождественные съ центрально-азиатскими гюнгну, по всей вѣроятности принадлежавшіе къ желтой расѣ. За ними послѣдовали авары, болгары, венгры, хазары, печенѣги, половцы и другіе. По началу всѣ они были, конечно, тюркскаго или монгольскаго происхожденія, но затѣмъ сильно смѣшались съ финнами и отчасти говорили на ихъ нарѣчіяхъ. Нашествіе такъ называемыхъ монголовъ или татаръ принадлежитъ уже историческому времени, поэтому мы рассмотримъ его впослѣдствіи особо.

Только узкая полоса южнаго берега *Крыма*, представляющая лѣсную область, всегда избѣгала настоящаго захвата со стороны номадовъ и оставалась въ рукахъ осѣдлаго населенія, жившаго земледѣліемъ, рыбной ловлей и судоходствомъ. Но въ то же время населеніе этой полосы часто попадало подъ иго степныхъ народовъ и вынуждено было принять ихъ языкъ и религію. И для остального берега, гдѣ степь непосредственно примыкаетъ къ морю, уже самый фактъ соприкосновенія съ моремъ имѣлъ большое культурно-географическое значеніе. Онъ далъ возможность утвердиться здѣсь грекамъ и греческой культурѣ, а позже понтійскому царству. Но степь удерживала ихъ у самаго берега, и влияніе ихъ на внутреннія области поддерживалось лишь при помощи мѣнковой торговли, которую они вели съ обитателями степей.

Въ этой этнографической и культурно-географической картинѣ начальныхъ стадій восточно-европейской низменности смѣшиваются туземные и иноземные элементы. Населеніе лѣсной области, — все равно, будутъ ли это славянскіе и литовскіе или финскіе народы, — мы не имѣемъ никакого основанія выводить изъ Азіи. При современномъ состояніи знаній мы должны смотрѣть на нихъ какъ на автохтоновъ. Но населеніе степей, повидимому, — по крайней мѣрѣ отчасти, — переселилось изъ Азіи, да и въ культурѣ лѣсной области

несомненно наблюдаются чуждые влияния. Для этого древняго времени можно отличать двоякаго рода чужеземныя воздѣйствія: влияние передне-азиатской и средиземноморской культуры и влияние центрально-азиатскихъ номадовъ. Первое прочно утвердилось, въ связи съ колонизаціей, лишь непосредственно на берегу Чернаго моря. Временами оно распространялось и черезъ степи, но затѣмъ его смывали волны вновь переселившихся народовъ. Въ лѣсную область оно проникало очень ослабленнымъ и, большею частью, какъ кажется, обходнымъ путемъ черезъ центральную Европу. Но, въ противоположность степямъ, у индогерманцевъ лѣсной области оно находило прочную почву, на которой могло развиваться дальше. Прямое влияние центрально-азиатскаго номадизма простиралось лишь на степи, въ которыхъ природа продолжаетъ сохранять средне-азиатскія черты. Сѣверная лѣсная область захватывалось имъ лишь посредственно.

На *дальнейшемъ развитіи* отражаются главнымъ образомъ четыре влияния.

Прежде всего поразительнымъ образомъ сказывается сѣверно-европейское влияние. Приблизительно между 8-мъ и 11-мъ вѣками скандинавскіе народы переживали періодъ активности. Какъ обитатели норвежскаго побережья бороздили на своихъ судахъ воды Нѣмецкаго моря и Атлантическаго океана, нападали на ихъ берега и утверждались на нихъ, такъ обитатели шведскихъ береговъ, такъ наз. варяги, проникали черезъ Балтійское море въ впадающія въ него рѣки, перетаскивали свои лодки черезъ водопадъ въ рѣки, текущія къ югу, проплывали по нимъ къ Черному морю и достигали Византіи, гдѣ часто собирали дань. Какъ ни возмущалось раньше противъ этого русское національное тщеславіе, но теперь не подлежитъ сомнѣнію, что именно варяги и были основателями русскаго государства. Рюрикъ, котораго исторія ставитъ во главѣ русскаго государства, носитъ скандинавское имя; названіе „руссы“ прилагалось вначалѣ также къ скандинавскимъ выходцамъ. Для значительнаго этническаго влияния число варяговъ было однако слишкомъ мало. Въ культурномъ отношеніи они и сами были очень отстали, такъ что имъ нечего было дать русскимъ. Но косвенно они двинули впередъ русскую культуру тѣмъ, что проложили путь къ югу, что сдѣлали возможными живыя

сношенія съ Византіей, оказавшіяся столь важными для развитія Россіи. Народъ съ сѣвера открылъ дверь, черезъ которую проникла южная, средиземноморская культура.

Вмѣстѣ съ тѣмъ начался всемірно-историческій процессъ того же рода, какой на западѣ Европы произошелъ нѣсколькими столѣтіями раньше. Здѣсь, какъ и тамъ, главными носителями южно-европейскаго влияния были вѣрующіе миссіонеры, проповѣдывавшіе христіанство грубымъ сѣвернымъ народамъ. Мірская культура проникла въ качествѣ спутника христіанства. Но существовало и большое различіе, притомъ не случайное, а съ неизбѣжностью вытекавшее изъ условій положенія тѣхъ и другихъ странъ. Западныя страны: Галлія, Британскіе острова, Германія, западно-славянскія земли, въ томъ числѣ Польша, балтійское побережье и Скандинавія получили свое христіанство и свою высшую культуру изъ Рима. Россія, такъ же какъ и большая, восточная часть Балканскаго полуострова, получила ихъ изъ Византіи. Римъ же и Византія были различны по своему существу. Римъ принадлежалъ Западу, болѣе свободному отъ непосредственнаго соприкосновенія съ азиатскимъ Востокомъ. Во время переселенія народовъ германцы переполнили и низвергли его, но они же влили въ него свѣжую струю, сдѣлали способнымъ къ новой жизни. Византія же была приблѣжищемъ окаменѣвшей и одряхлѣвшей специально-греческой культуры. Культура эта, со времени Александра Великаго и діадочовъ, принимала все больше восточный отпечатокъ. Ея не коснулись грубые, но юношески свѣжіе германцы, и она осталась болѣе богатой культурными традиціями, но болѣе бѣдной внутренней жизнью и силой. Отъ этой внутренней противоположности и обѣ церкви, отдѣлившіяся одна отъ другой изъ-за догматическихъ разногласій, приняли совершенно различный характеръ.

Уже тотъ простой фактъ, что русскіе восприняли другое христіанство и другую культуру, чѣмъ ихъ западные сосѣди, имѣлъ величайшее культурно-историческое значеніе. Этимъ самымъ они отдѣлились отъ Запада широкой пропастью, которая всегда, по крайней мѣрѣ на низшихъ ступеняхъ культурнаго развитія, создается вѣроисповѣдными различіями. Тогда какъ раньше существовала еще возможность того, что Россія постепенно восприметъ съ Запада западно-европейскую цивилизацію, теперь различіе въ духовномъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ политическомъ и экономическомъ

развитіи являлось дѣломъ рѣшеннымъ. Различіе вѣры еще и сейчасъ больше всего другого отдѣляетъ Россію отъ Западной Европы и ея культуры.

Къ этому присоединяется бѣдность содержаніемъ византійской церкви и культуры. Нѣкоторое время лучшее сохраненіе греческаго образованія и философіи и болѣе утонченныхъ формъ жизни могло еще вводить въ извѣстное заблужденіе. Но скоро дали себя ясно знать омертвѣніе и застои, которые были прямымъ слѣдствіемъ сохраненія внѣшнихъ формъ научнаго мышленія и внѣшнихъ формъ высшаго государственнаго строя при отсутствіи внутренней жизни. Въ греческой церкви христіанство меньше побороло античную религію, чѣмъ въ римской; византійскій государственный строй воспринялъ въ себя многое изъ строя восточныхъ деспотій. И эту цивилизацію, блестящую по внѣшности, но пустую и отжившую по существу, воспринялъ такой грубый народъ, какъ бывшіе тогда русскіе. Она очень недостаточно могла удовлетворить его истиннымъ потребностямъ и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ должна была причинить вредъ.

Но во всякомъ случаѣ русскіе сдѣлали, благодаря этому, крупный шагъ въ сторону культуры. Если они и сильно отставали отъ своихъ западныхъ сосѣдей, то надъ финскими народностями, — за исключеніемъ собственно финновъ или суоми, къ которымъ культура проникла съ другой стороны, — они получили такой перевѣсъ, что безъ труда могли вступить въ побѣдоносную съ ними борьбу. Принятіе византійской культуры, вмѣстѣ съ предшествовавшимъ ему образованіемъ государства при посредствѣ варяговъ, знаменуетъ первый періодъ роста Россіи.

Въ позднѣйшую эпоху въ Россію собственно со стороны Средиземнаго моря не проникало уже болѣе никакихъ вліяній. Торговля итальянскія поселенія поздняго средневѣковья, такъ же какъ и греческія колоніи въ древности, ограничивались однимъ берегомъ. Связь русской лѣсной полосы съ югомъ снова почти совершенно порвалась вслѣдствіе распространенія монголовъ и татаръ. Когда позже Россія порвала эти пути и дошла до Чернаго моря, то Византія была покорена турками, и античная культура покоилась въ гробу.

Сильное западно-европейское, главнымъ образомъ нѣмецкое вліяніе проникло въ средніе вѣка лишь въ земли Балтійскаго побе-

режья, т.-е. въ литовско-латышскую и эсто-ливонскую области, а также до извѣстной степени и въ сѣверо-западный выступъ русской области, гдѣ доступъ этому вліянію открыли Новгородъ и Псковъ. Носителями его были отчасти нѣмецкіе рыцарскіе ордена, завоевывавшіе страну и устанавливавшіе въ ней свое господство, отчасти нѣмецкіе купцы, основывавшіе здѣсь торговля поселенія и создававшіе нѣмецкое городское населеніе. Но, благодаря малому ихъ числу, а можетъ быть и близорукости ихъ политики, ихъ вліяніе мало проникало въ глубь. Господствующимъ классомъ прибалтійскихъ провинцій являются нѣмцы. Они и причастны нѣмецкой культурѣ. Но низшіе классы народа сохранили свою народность и лишь въ незначительной степени приобщились культурѣ. Новгородъ и Псковъ, выросшіе подъ чуждымъ вліяніемъ въ могучія торговля республики, были позже покорены русскими великими князьями и лишились своей культуры.

Внутри страны западно-европейское вліяніе было совершенно незначительно. И не только одни религіозныя и культурныя различія мѣшали воспріятію русскими западно-европейской культуры. Эгоистическая политика балтійскихъ нѣмцевъ и литовско-польскаго государства старалась всячески помѣшать проникновенію въ Россію отдѣльныхъ культурныхъ благъ для того, чтобы не дать ей усилиться. Мы увидимъ, какъ именно желаніе устранить это средостѣніе Польши и балтійскихъ земель между Россіей и западно-европейской культурой стало однимъ изъ сильнѣйшихъ мотивовъ русской политики.

Гораздо значительнѣе было во второй половинѣ среднихъ вѣковъ восточное, средне-азиатское вліяніе. Проводниками его были такъ называемые монголы, или татары, распространившіеся въ началѣ XIII вѣка по южно-русскимъ степямъ. Съ самаго начала монголы, родина которыхъ была въ восточной части Средней Азіи, покорили на своемъ пути такъ много народовъ тюркскаго происхожденія и такъ многихъ изъ нихъ включили въ себя, что позже они являются уже тюркскимъ народомъ, почему ихъ лучше называть нейтральнымъ именемъ татаръ, чѣмъ употребительнымъ въ исторіи именемъ монголовъ. Они являются послѣднимъ крупнымъ народомъ кочевниковъ и завоевателей, проникшимъ въ эту область. Въ лицѣ ихъ появились еще разъ носители средне-азиатской и, — такъ какъ они предварительно задержались въ Передней Азіи и подчинили себѣ

ся народы,—то и передне-азиатской культуры. Въ этомъ смыслѣ ихъ вліяніе до нѣкоторой степени соприкасается съ византійскимъ, въ которомъ также были передне-азиатскіе, восточные элементы. Относительно многихъ русскихъ учреждений, являющихся по существу восточными, трудно съ увѣренностью сказать, позаимствованы ли они изъ Византіи или отъ татаръ. Какъ номады, татары, подобно прежнимъ кочевникамъ, владѣли только степью, гдѣ они основали царство Золотой или Кипчакской орды со столицей Сарай на Волгѣ, и не могли проникнуть въ лѣсную область; но поддерживаемые политической раздробленностью Россіи и междоусобіями различныхъ князей, они подчинили себѣ и значительную часть русской лѣсной области, именно, всю Великороссію, за исключеніемъ отдаленныхъ Пскова и Новгорода. Этнографическое смѣшеніе татаръ съ русскими едва ли имѣло мѣсто. Нетронутой осталась и христіанская религія. Даже больше: такъ же какъ и въ Испаніи, національное несчастіе и противоположеніе себя иновѣрнымъ завоевателямъ,—которые при нашествіи на Россію были еще язычниками, а во второй половинѣ 13-го вѣка приняли исламъ,—еще болѣе укрѣпили связь русскихъ съ ихъ религіей. Но политическая зависимость была очень велика, и на государственномъ строѣ татарское вліяніе оставило свою печать. Благодаря ему, получилъ свое завершеніе тотъ деспотическій строй, который уже былъ подготовленъ византійскимъ вліяніемъ, а долгое моральное порабощеніе татарами привило русскому характеру черты покорности и хитрости. Если Россія была уже и раньше отдѣлена отъ Запада, то теперь, когда Великороссія отатарилась, когда въ ней усилился духъ вѣроисповѣдной обособленности,—эта пропасть еще расширилась. Россія отгородилась отъ Запада и окаменѣла, въ ней появилось то, что русскіе писатели справедливо называютъ *китайщиной*.

Такимъ образомъ, русскіе, и особенно великороссы, въ эпоху открытія Америки и реформаціи, были чуждыми народамъ Западной Европы и по культурѣ скорѣй принадлежали Азіи, чѣмъ Европѣ. Въ древности ихъ культура была родственной культурѣ германцевъ и кельтовъ, но уже въ доисторическое время и въ началѣ ихъ исторіи, вслѣдствіе отдаленности и суровости ихъ страны, русскіе отстали; наслѣдія античной культуры и христіанство проникли къ нимъ позже и въ болѣе измѣненномъ видѣ. Отъ крестовыхъ

походовъ, которые такъ благотворно повліяли на Западную Европу, они остались въ сторонѣ. Они не приняли участія во всемъ развитіи западно-европейскаго средневѣковья, съ его рыцарствомъ и городами, торговлей и промышленностью, христіанской схоластикой и мистикой, поэзіей и начатками изобразительнаго искусства и науки, а позже возрожденіемъ и реформаціей, съ его географическими открытіями и изобрѣтеніемъ книгопечатанія. Что получили они новаго, то принадлежало окаменѣвшимъ восточнымъ культурамъ: византійской и передне-азиатской. Ихъ земледѣліе осталось на низшей ступени развитія; торговли, промышленности, городской жизни у нихъ не было совсѣмъ; ихъ государственный строй представлялъ собою восточную деспотію, въ ихъ религіи къ христіанству примѣшивалось не мало языческаго; даже одежда ихъ была восточной. Западно-европейскіе путешественники того времени говорятъ о Россіи какъ о совершенно чуждой, полу-варварской странѣ. Сами русскіе тоже чувствовали свое отличіе; но, подобно китайцамъ, они смотрѣли на Европу съ высокомернымъ презрѣніемъ, и если они и пытались усвоить себѣ нѣкоторыя изъ завоеваній европейской техники, то старались при этомъ не заразиться соприкосновеніемъ съ европейской культурой.

Лишь позже, въ такъ называемое новое время, начинается *европеизація* Россіи*), какъ кратко и удачно назвали усвоеніе ею западно-европейской культуры. При старомъ ошибочномъ толкованіи исторіи, видѣвшемъ во всѣхъ великихъ историческихъ происшествіяхъ лишь дѣло отдѣльныхъ великихъ личностей, европеизація Россіи объяснялась личнымъ, самостоятельнымъ рѣшеніемъ Петра Великаго. Въ дѣйствительности, процессъ европеизаціи начался уже во 2-ой половинѣ XV вѣка при Иванѣ III. Иванъ IV и Борисъ Годуновъ также поддерживали сношенія съ Западомъ и приглашали нѣмецкихъ врачей, учителей, ремесленниковъ. Петръ Великій и послѣ него Екатерина II были только наиболѣе крупными и энергичными выразителями этого историческаго движенія, которое, при всемъ враждебномъ отношеніи къ нему партіи націоналистовъ, было

*) Богата интересными подробностями, за которыми однако теряются главные факты, книга *V. d. Brüggens*, „Wie Russland europäisch wurde. Studien zur Kulturgeschichte“. Leipzig. 1885. Разсужденія автора, въ извѣстной ихъ части, представляются мнѣ неправильными. Ясно и удачно основы развитія представлены у *Брюкнера* „Die Europäisierung Russlands, Land und Volk“, Göttingen, 1880.

необходимо для Россіи *), и продолжалось даже въ правленіе такихъ царей, которые старались помѣшать ему.

Соприкосновеніе Великороссіи съ Западомъ происходило во многихъ пунктахъ. Первое впечатлѣніе западно-европейской культуры Московская Русь испытала при завоеваніи Новгорода, поддерживавшаго въ теченіе столѣтій сношенія съ ганзейскими городами. А затѣмъ Россія была открыта западно-европейцами прямо географически такимъ же образомъ, какъ Америка, Индія и Вост. Азія. Знаменательно, что это открытіе, случившееся такъ поздно, явилось слѣдствіемъ открытія Америки и морского пути въ Индію и произошло при отыскиваніи сѣверо-восточнаго прохода. Въ 1553 г. англичане объѣхали вокругъ Нордъ-капа и попали въ Бѣлое море, въ устье Двины, гдѣ и завязали торговыя сношенія съ русскими, которые незадолго передъ тѣмъ дошли до этихъ предѣловъ. Въ томъ, что только соприкосновеніе съ моремъ открыло для Россіи возможность непосредственной связи съ европейской культурой и даже при посредствѣ такого негостепріимнаго моря, какъ Бѣлое, сказывается роковая судьба континентальнаго положенія Россіи. Дальнѣйшими крупными шагами по пути европеизаціи были: присоединеніе Малороссіи, которая, вслѣдствіе политическаго соединенія съ Польшей, нѣсколько болѣе приобщилась къ европейской культурѣ, и утвержденіе Россіи, при Петрѣ Великомъ, на Балтійскомъ морѣ, благодаря чему была вполнѣ сознательно установлена болѣе тѣсная и удобная связь Россіи съ западно-европейскими культурными народами. Уничтоженіе той преграды, которая внутри материка воздвигалась Польшей между Россіей и Западомъ, и выходъ къ Черному морю закончили географическое присоединеніе къ Европѣ.

Приобщеніе русскихъ къ европейской культурѣ, — что можетъ считаться, впрочемъ, общимъ правиломъ при добровольномъ принятіи чужой культуры, — возникло главнымъ образомъ изъ стремленія стать сильнѣе въ военномъ и политическомъ отношеніяхъ. Отсюда понятно, почему сосѣднія государства всячески старались воспрепятствовать европеизаціи этого рода, и что Россія могла лишь силою уничтожить это противодѣйствіе. Мотивъ этотъ ясенъ не только у Іоанна III, Петра Великаго и Екатерины II, но и позже, въ срединѣ 19 в., оба важнѣйшихъ факта европеи-

*) Замѣчательно, что этой необходимости не сумѣли оцѣнить не только русскіе того времени, но и западно-европейскіе писатели.

заціи—постройка желѣзнодорожной сѣти и уничтоженіе крѣпостнаго права явились послѣдствіемъ тяжелыхъ неудачъ крымской войны. Главнымъ дѣломъ при этомъ было перенять лучшую военную технику и военныя учрежденія Запада; но для поднятія народнаго благосостоянія и усиленія финансовъ государства старались ввести и гражданскую технику и хозяйственную организацію западныхъ странъ. Широко воспринимались также при этомъ, по крайней мѣрѣ высшими слоями населенія, нравы и обычаи, наука и міровоззрѣніе Запада.

Такимъ образомъ, населеніе восточно-европейской низменности поддавалось постепенно различнымъ воздѣйствіямъ, которыя каждый разъ придавали ему другую фizioномію. Они оказывали вліяніе и на внутреннее, и на внѣшнее развитіе, на распространеніе и на существо русскаго элемента и русской культуры. Отчасти содѣйствуя другъ другу, отчасти совпадая, они находились въ тѣсномъ единеніи. Но для ясности пониманія цѣлесообразіе разсмотрѣть ихъ отдѣльно.

Расширеніе Россіи.

Важнымъ фактомъ внѣшняго развитія является постепенное расширеніе Россіи на всю восточно-европейскую низменность и на сопредѣльныя азіатскія страны, т.-е., въ противоположность развитію западно-европейскихъ колониальныхъ народовъ, колоссальнѣйшее континентальное развитіе, какое только мы знаемъ въ исторіи. При этомъ можно различать три главныхъ акта, не отдѣляющихся, однако, рѣзко одинъ отъ другого во времени.

Первымъ актомъ является въ общемъ скорѣе мирное, чѣмъ завоевательное колонизаціонное движеніе русскихъ и, въ меньшемъ масштабѣ, литовцевъ въ сторону финскихъ народностей, занимавшихъ сѣверную и восточную часть лѣсной области и, вслѣдствіе своей большей отдаленности и еще большей суровости своей природы, отставшихъ отъ русскихъ въ своей культурѣ и политической организаціи. Это колонизаціонное движеніе начинается главнымъ образомъ, повидимому, лишь со времени основанія варягами русскаго государства и съ принятія византійской культуры. Только внутренній прогрессъ далъ толчокъ и способность къ колонизаціи. Наибольшее участіе въ ней приняла торговая новгородская респу-

блика. Эту колонизацию во многих отношениях можно сравнить с нѣмецкой колонизацией прежнихъ славянскихъ областей къ востоку отъ Эльбы. Однимъ изъ важнѣйшихъ фактовъ русской исторіи является то, что Великороссія, образующая ядро русскаго государства, подобно Пруссіи и Австріи является колониальной страной, и что великороссы — колониальный народъ, въ которомъ течетъ, вѣроятно, много крови прежняго финскаго населенія. Еще и сейчасъ продолжается заселеніе русскими финскихъ областей и руссификація финновъ, и постепенное занятіе и заселеніе Сибири можетъ рассматриваться какъ простое продолженіе этого процесса.

Нѣсколько другого порядка второй актъ, именно колонизация русскими степей. Онъ начался уже въ срединѣ 16 вѣка, т.-е. раньше, чѣмъ завоеванія на Западѣ, и завершился лишь въ началѣ 19 вѣка, т.-е. позже послѣднихъ. Въ степныхъ народахъ русскіе встрѣтили противниковъ, обладавшихъ совершенно другими силами, чѣмъ бѣдные обитатели сѣверныхъ лѣсовъ. Долгое время могло казаться, что побѣда достанется степнымъ народамъ, которые снова вторглись изъ центральной Азіи. Столѣтія Россія стояла подъ ихъ игомъ. Но, по самой природѣ своей, степные народы недолговѣчны. Отсутствие осѣдлости лишаетъ ихъ элемента развитія, который одинъ только и можетъ привести къ прочному могуществу. Съ теченіемъ времени обитатели лѣсовъ обогнали обитателей степей по пути культуры и, постепенно собравшись съ силами, отняли у нихъ землю. Въ противоположность проникновенію русскихъ въ сѣверо-восточную лѣсную область, ихъ проникновеніе въ степи было прежде всего политическимъ и лишь затѣмъ уже этническимъ и культурнымъ процессомъ. Татарскія царства, а позже и османскіе турки, захватившіе верховное господство надъ этими царствами, должны были быть покорены на полѣ битвы раньше, чѣмъ татарскіе номады могли быть вытѣснены русскими земледѣльцами. Но результатъ по существу былъ тотъ же самый, какъ и при расселеніи въ лѣсной области: причлененіе къ русскому государству, руссификація и въ этническомъ, и въ культурномъ отношеніяхъ. И этотъ процессъ распространился за предѣлы Европы въ киргизскія, и нѣсколько въ другомъ видѣ, и въ туркменскія степи.

Третій актъ носитъ снова иной характеръ. Это было завоеваніе прибалтійскихъ провинцій и польско-литовскаго государства. На-

чало этого акта приходится еще на 16 вѣкъ, но главная часть его совершилась лишь въ 18 вѣкѣ. Русскіе столкнулись здѣсь съ народами такой же или даже высшей культуры. Поэтому, хотя они и завоевали эти области, но не могли ассимилировать ихъ въ этническомъ и культурномъ отношеніяхъ. Только между прочимъ и косвеннымъ путемъ этотъ актъ получилъ этническое и культурное значеніе. Культура скорѣе пострадала, чѣмъ выиграла отъ него.

Четвертый актъ разыгрался за предѣлами Европы и потому и можетъ быть рассмотрѣнъ здѣсь. Онъ состоитъ въ политическомъ и экономическомъ подчиненіи (но не этнической ассимиляціи) старыхъ культурныхъ областей, правда, пришедшихъ въ упадокъ, разсѣянныхъ въ видѣ оазовъ среди пояса степей и пустынь. Ихъ завоеваніе — не простое расширеніе Россіи. Оно вытекло не изъ самосохраненія, а является дѣломъ империалистической захватной политики.

Распространеніе Россіи и русскихъ, занимавшихъ еще въ началѣ 16 вѣка сравнительно небольшое пространство, на всю необъятную область восточно-европейской низменности и за ее предѣлы черезъ Сибирь на западную часть Средней Азіи, — является однимъ изъ грандіознѣйшихъ событій всемірной исторіи. Оно можетъ найти свое объясненіе лишь въ томъ, что природа здѣсь на большихъ протяженіяхъ остается одинаковой, а также въ отсутствіи естественныхъ задержекъ. Съ телеологической точки зрѣнія, которой держались при географическомъ изученіи челоуѣка сто лѣтъ тому назадъ, въ этомъ увидѣли бы выполненіе природнаго призванія, которое предполагало бы, какъ предпосылку, известную зрѣлость русскаго народа. Теперь ту же мысль мы выражаемъ въ терминахъ причинности. Вслѣдствіе отдаленности и суровости своей страны, русскіе долго являлись отсталыми по своей культурѣ. Но послѣ того какъ они завязали, наконецъ, болѣе тѣсныя связи съ болѣе прогрессивными странами и достигли, благодаря этому, известной высоты культуры и національнаго могущества, они оказались въ силахъ въ короткое время завоевать лежація къ западу отъ нихъ земли, болѣе слабыя въ политическомъ отношеніи, но стояція выше по культурѣ и болѣе густо населенныя. Южныя же и восточныя области, до Чернаго и Каспійскаго морей, и до Великаго океана и средне-азиатскихъ горъ, съ ихъ отсталымъ по культурѣ и болѣе слабымъ политически населеніемъ, Россія могла

не только завоевать, но заселить и руссифицировать и такимъ образомъ создать величайшее на землѣ компактное государство и величайшую область одного народа.

Внутреннее развитіе.

Если внѣшнее развитіе человѣчества въ восточно-европейской низменности состоитъ въ распространеніи русскаго государства и большей частью и русскаго народа, то отсюда для внутренняго развитія вытекаетъ то слѣдствіе, что опредѣляющимъ факторомъ при этомъ являлось развитіе русской народности и русской культуры. Только въ западныхъ частяхъ страны сохранили полную жизненную силу другія національности и культуры. Сохранившіяся еще восточно-финскія и татарскія народности и ихъ культуры осуждены, повидимому, на вымирание; ихъ поглощеніе русскимъ элементомъ — только вопросъ времени.

Русскіе — индо-германскій народъ, и вначалѣ не только по своему происхожденію, но и по культурѣ они были близко родственны западнымъ славянамъ, литовцамъ, а также германцамъ и кельтамъ. Дальнѣйшее развитіе шло, однако, долгое время отдѣльно. Русскіе находились не подъ римскимъ вліяніемъ, какъ названные народы, а подъ византійскимъ и татарскимъ; въ колонизованныхъ областяхъ русскіе смѣшались съ финнами и татарами. Только съ 16, а еще въ большей степени съ 18 вѣка, снова устанавливается болѣе тѣсная связь съ западными странами, и пышно разцвѣтшая за это время западно-европейская культура начала проникать и въ Россію.

Русская культура, вслѣдствіе географической удаленности Россіи, на много столѣтій моложе культуры западно-европейскихъ народовъ. Но еще важнѣе этого различія по возрасту, которое слишкомъ односторонне подчеркивается многими изслѣдователями, иной характеръ возникновенія культуры. Въ странахъ Западной Европы въ началѣ среднихъ вѣковъ произошло усвоеніе чуждой южно-европейской культуры. Но съ той поры культура, при всѣхъ отдѣльныхъ возбужденіяхъ и вліяніяхъ со стороны, органически развивалась сама собой; это — страны самостоятельной, туземной культуры. Въ Россію же, напротивъ того, европейская культура была перенесена почти въ готовомъ видѣ, здѣсь она была только усвоена. Въ этомъ отношеніи Россія напоминаетъ такимъ образомъ заокеанскія коло-

ніальныя страны. Но по сравненію съ настоящими колоніями, образовавшимися путемъ заселенія, какъ С.-Штаты и Канада, Австралія или Южная Африка, Россія представляетъ большое отличие. Тамъ европейская культура переносилась на дѣвственную почву вмѣстѣ съ европейскимъ населеніемъ, первоначальное же населеніе большею частью вытѣснялось. Земли были новыя, обильныя природными богатствами и возможностью развитія, населеніе — полно юношеской силы, оно вышло изъ хорошей школы и было способно энергично использовать всѣ возможности, предоставляемыя страной. Больше сходства между Россіей и старыми культурными землями Центральной и Южной Америки или Остѣ-Индіи, гдѣ имѣлось многочисленное туземное населеніе, и влилось лишь небольшое количество пришлаго европейскаго населенія, гдѣ европейская культура столкнулась съ древнимъ, изъ другой школы вышедшимъ населеніемъ, гдѣ она наслоилась на чужую культуру, а не получила полной свободы развитія. Въ Россіи введеніе европейской культуры сопровождалось совершенно незначительной иммиграціей, настолько незначительной, что ее нельзя даже принимать въ расчетъ. Если бы не было уже болѣе привыкшихъ къ европейской культурѣ обитателей западныхъ частей страны, особенно балтійскихъ нѣмцевъ, то совершенно почти не было бы носителей этой культуры. Введеніе ея было дѣломъ правителей, продиктованнымъ государственной необходимостью. Русскій народъ, обладавшій менѣе доброкачественной и окостенѣвшей, но потому и способной къ большому сопротивленію культурой, относился къ западно-европейской культурѣ не только тупо и безучастно, но и прямо враждебно, и тѣмъ враждебнѣе, чѣмъ насильственнѣе заставляли его принимать чужіе нравы. Да и для правительства все было во внѣшности, а не въ духѣ европейской культуры, который по существу былъ совершенно ему противенъ; только постепенно и совершенно противъ его воли просочилась и внутренняя сущность ея. Приняли европейскую технику, одежду и другія внѣшнія блага культуры, также науку, искусство, но церковь и государственный строй, а долгое время и вся экономическая организація, социальный строй и весь духъ народа оставались неизмѣнными въ томъ видѣ, какъ они были приняты отъ Византіи или татаръ или выработались въ теченіе слѣдующихъ столѣтій. Только высшіе классы населенія, и то сперва вынужденно, приняли европейскую культуру, европейскій обликъ

и постепенно научились думать и чувствовать по-европейски, хоть и у них сквозь европейский доскъ часто проглядывает варваръ. Крестьянинъ—„мужикъ“—по своей одеждѣ и быту, по характеру своего мышления, чувствованія и воли остался средневѣковымъ человѣкомъ, во многихъ отношеніяхъ полуазіатомъ. Между высшими классами и народной массой существуютъ не только отличія по богатству, образованію, политической власти, но и ясно выраженные противоположности въ характерѣ мышленія, дѣлающія изъ нихъ какъ бы два разныхъ народа.

Въ нѣдрахъ русскаго народа сталкиваются два различныхъ міровоззрѣнія, которыя расходятся по главному вопросу внутренней политики Россіи, именно по вопросу борьбы за современную культуру и за сліяніе ея съ духомъ русскаго народа.

На одной сторонѣ стоятъ прогрессисты, пропитанные духомъ просвѣщенія, друзья Европы, стремящіеся насадить въ своей странѣ свободныя учрежденія и духовную культуру передовыхъ странъ Европы и вѣрящіе съ юношескимъ энтузіазмомъ, что подобное преобразование можетъ совершиться въ нѣсколько лѣтъ.

Съ другой стороны стоятъ напоминающіе романтиковъ славянофилы, или націоналисты. Для нихъ европейская культура и особенно европейскій индивидуализмъ являются источникомъ всякаго зла, отъ котораго они хотятъ освободить святую Русь. Для нихъ Россія является носительницей другой, нравственно высшей культуры, которая должна замѣнить собою отжившую западно-европейскую культуру, какъ когда-то христіанская культура замѣнила греко-романскую. Въ названіи русской культуры полуазіатскою они видятъ не упрекъ, а похвалу. Деспотизмъ, община и родственныя ей учрежденія представляются имъ не признаками болѣе низкой ступени культуры, но прославляются ими какъ составные элементы именно этой нравственно болѣе высокой, специально русской культуры. Сохраненіемъ и возстановленіемъ во всей чистотѣ этого русскаго духа Россія внутренне укрѣпится и, благодаря своему полуазіатскому происхожденію, станетъ все болѣе способной завладѣть Азіей.

Между обѣими этими партіями стоитъ правительство. Но оно не примиряетъ и не объединяетъ ихъ, а усваиваетъ себѣ ихъ принципы. Оно склоняется то на одну, то на другую сторону, но со времени Петра Великаго направляетъ государственный корабль

преимущественно по средней линіи. Цѣлью его было главнымъ образомъ воспринять матеріальную культуру Европы, какъ основу могущества государства, но въ то же время помѣшать внутреннему измѣненію государственнаго строя, церкви, народнаго духа. Мы увидимъ въ отдѣльности, насколько удалось ему это, и куда привела эта политика.

Теперь русская культура все еще остается „смѣшанной культурой“ (Mischkultur), какъ удачно назвалъ этого рода культуры *Vierkandt*, и будущее покажетъ, насколько и въ какой степени сольются оба ея составныхъ элемента. „Россія въ одно и то же время и новая, и старая страна, полуазіатская монархія и молодая европейская колонія. Она—Янусъ съ двумя лицами, однимъ западнымъ, другимъ—восточнымъ, однимъ—старымъ и отжившимъ, другимъ—молодымъ, почти дѣтскимъ“. „Этотъ дуализмъ является главной чертой тѣхъ контрастовъ, которые поражаютъ насъ вездѣ—въ частной жизни, въ характерѣ, въ государствѣ“. „Надъ всѣмъ господствуетъ законъ контрастовъ; отсюда—противорѣчивость сужденій о Россіи, которыя ложны только потому, что говорятъ лишь объ одной сторонѣ“ (Leroü-Beaulieu).

Передъ этимъ свойствомъ русской культуры, какъ продукта смѣшенія современной европейской и средневѣковой полуазіатской культуры, всѣ остальные особенности ея, вытекающія изъ географическихъ условій ея, — каковы материковое положеніе, преобладаніе низменностей, континентальный климатъ и т. д., — отступаютъ на задній планъ. Пока имѣется слишкомъ мало сравнительныхъ изслѣдованій, чтобы составить себѣ о нихъ ясное понятіе. Пока мы можемъ съ извѣстной увѣренностью говорить о нихъ лишь въ отдѣльныхъ сферахъ ихъ проявленія, и потому ихъ изложеніе я долженъ отнести на слѣдующія главы.

III. Народы.

Если разсматривать современную этнографическую карту восточно-европейской низменности, хотя бы, на примѣръ, уменьшенную Петерманомъ карту Риттиха *), то сразу же намъ бросаются въ глаза два факта: во-первыхъ, пестрота, указывающая на большое число народовъ, во-вторыхъ, величина зеленой площади, означающей русскій народъ. Совершенно другую картину представляла бы карта этническихъ отношеній 1000 лѣтъ тому назадъ или еще раньше. Число народовъ было бы еще больше, а зеленая краска, означающая русскихъ, занимала бы гораздо меньшую площадь. На картѣ же, которая будетъ нарисована черезъ нѣсколько столѣтій, вѣроятно, исчезнетъ цѣлый рядъ народовъ, а русскій народъ займетъ большую часть поверхности. Распределение и распространение народовъ является результатомъ историческаго процесса, приводящаго къ исчезанію мелкихъ народцевъ и все увеличивающемуся расширенію области русскаго народа.

Иначе выглядѣли бы карты, представляющія не народы или сообщества, устанавливаемыя на основаніи сходства или различія языка, а расы или группы общаго происхожденія. Къ сожалѣнію, наши познанія относительно значенія различныхъ тѣлесныхъ признаковъ еще слишкомъ недостаточны, почему мы и не можемъ дать такой карты. Но одно наблюденіе выступаетъ очень опредѣленно, и его результаты могутъ быть мысленно нанесены на карту. Зеленая краска для русскихъ на картахъ настоящаго и будущаго большею частью не чиста и смѣшана съ красками тѣхъ

*) Ср. *Rittich*, Die Ethnographie Russlands. Pet. Mit. Erg. h. 54. Gotha. 1878. См. также для антропологии восточно-европейской низменности *W. Ripley* The Races of Europe, London 1900, гл. XIII, гдѣ данъ критическій обзоръ всей антропологической литературы. Общія этнологическія характеристики у *Reclus*, *Wallace'a*, *Leroy-Beaulieu* и др.

народовъ, которые жили здѣсь раньше. Русскіе, большею частью, не уничтожили и не вытѣснили прежнихъ обитателей, а восприняли ихъ въ себя. Последніе и сейчасъ еще продолжаютъ существовать въ видѣ вплетеній въ великую ткань русскаго народа.

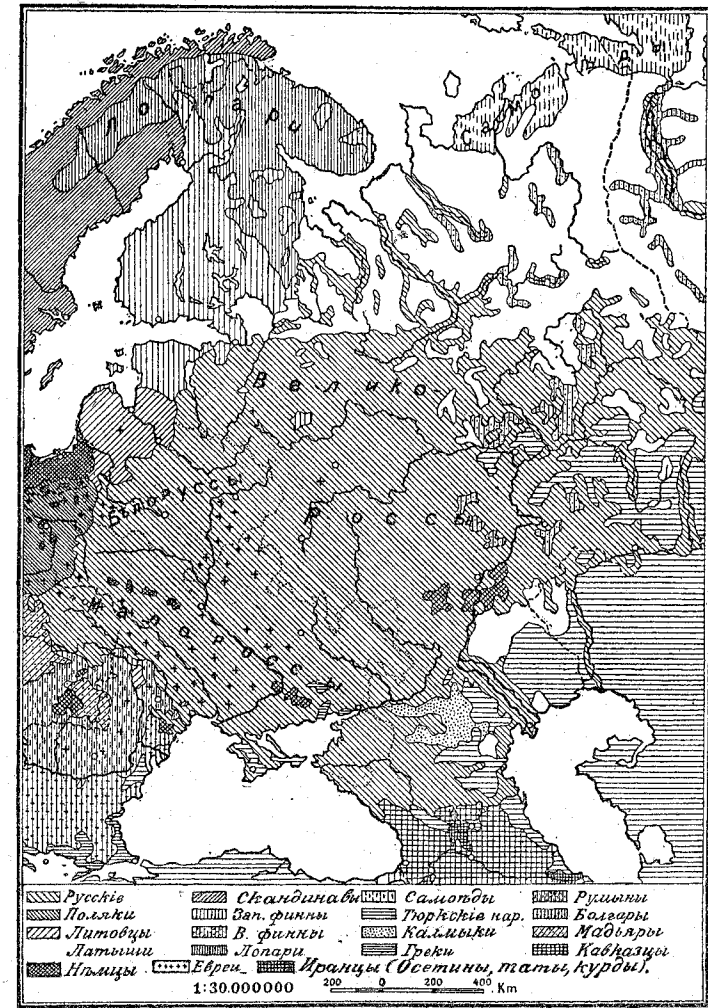
Тотъ различный видъ, какой представляетъ этнографическая карта въ различныя эпохи, говоритъ, какъ будто, о независимости этническихъ отношеній отъ природы страны. Но такой выводъ былъ бы невѣрнымъ. Зависимость существуетъ. Она только сказывается не прямо, а черезъ посредство культуры: этническія отношенія прежде всего мѣняются съ культурой, и затѣмъ лишь даютъ себя знать непосредственныя природныя условія, которыя облегчаютъ или затрудняютъ распространение народа. На низшей культурной ступени, съ ея незначительными возможностями сообщеній, всегда должна наблюдаться этническая раздробленность; только культура дѣлаетъ возможнымъ распространение народа на большее пространство, съ сохраненіемъ при этомъ связи и этническаго единства. Каждый этапъ въ распространеніи русскаго народа примыкалъ, какъ мы видѣли, къ извѣстнымъ культурнымъ успѣхамъ. Образованіе государства варягами и принятіе византийской культуры дало русскимъ возможность проникнуть, въ качествѣ колонизаторовъ, въ финскія земли. Принятіе западно-европейской культуры дало перевѣсъ надъ татарами и облегчило занятіе и колонизацію степей. Но это распространение могло совершиться такъ легко, быстро и полно лишь въ такой обширной и, въ общемъ однородной равнинѣ, только здѣсь, даже при грубой сравнительно культурѣ, могла быть сохранена связь. Тогда какъ въ горной странѣ мелкіе народы всегда находили укромные уголки, въ которыхъ могли долго укрываться,—въ восточно-европейской низменности, за немногими исключеніями, они могли сохраниться лишь въ краевыхъ областяхъ. Тогда какъ въ горной области даже русскіе распались бы на племена, которыя легко превратились бы въ отдѣльные народы,—здѣсь они остались удивительно однороднымъ народомъ. Такимъ образомъ, мы видимъ здѣсь совмѣстное дѣйствіе двухъ географическихъ причинъ: отдаленность Россіи является причиной того, что она лишь поздно приобщилась культурѣ и получила только тогда возможность развиться въ великій народъ; низменный же характеръ страны является причиной того, что образованіе крупнаго, однороднаго народа могло совершиться такъ быстро.

Въ настоящее время въ восточно-европейской низменности мы можем различать слѣдующія *этнографическія провинціи*.

Наиболѣе крупную, далеко превосходящую другія, является область *русскихъ*, принадлежащихъ къ восточно-славянской группѣ народовъ, скорѣе даже составляющихъ ее. Они занимаютъ большую часть восточно-европейской низменности и съ теченіемъ времени проникаютъ все дальше и дальше. Они представляютъ собой *одинъ* народъ, но такъ же какъ французы и нѣмцы, распадаются на нѣсколько вѣтвей, которыя образовались уже давно,—какъ, мы этого не знаемъ,—и отличаются не только по языку, но и по физическимъ признакамъ. Подобно тому, какъ есть разница между сѣверными и южными французами или сѣверными и южными нѣмцами, такъ существуетъ она между сѣверно и южно-руссами, и она сказывается не только въ различіи нарѣчій, но и въ тѣлесныхъ признакахъ, слѣдовательно, зависитъ отъ извѣстныхъ расовыхъ отличій. Напротивъ того, различіе между западными и восточными вѣтвями сѣверноруссовъ, т.-е. между бѣлоруссами и великоруссами, не выражается рѣзко ни въ языкѣ, ни въ физическихъ признакахъ.

Бѣлоруссы занимаютъ верхнее теченіе Нѣмана, Двины и Днѣпра, т.-е. области первоначальнаго обитанія русскихъ, и по сравненію съ великороссами должны разсматриваться, какъ неизмѣненный, въ болѣе чистомъ видѣ сохранившійся русскій типъ. Въ ихъ тѣлесныхъ признакахъ, особенно въ ихъ малорослости, сказывается вліяніе неблагоприятныхъ условій ихъ мѣста обитанія и бѣдности житейской обстановки. *Великороссы* живутъ въ восточной части лѣсной области, въ старыхъ земляхъ финскихъ племенъ. Они были колонистами и смѣшались съ первоначальнымъ финскимъ населеніемъ, съ которымъ находились въ продолжительныхъ и, въ общемъ, не однихъ только враждебныхъ отношеніяхъ, а также съ татарами и другими степными народами. Хотя русскіе ни въ комъ случаѣ не являются, — какъ часто утверждали ихъ противники изъ поляковъ, — скорѣе финнами и татарами, чѣмъ славянами, но все же черты ихъ лица указываютъ нерѣдко на примѣсъ желтой расы. Большая легкость, съ какой русскій ассимилируется съ азиатскими племенами, часто объясняется этимъ смѣшеніемъ крови, но еще въ большей степени она обуславливается небольшой разницей культуръ. *Южноруссовъ* обыкновенно называютъ малороссами, или *украинцами*. Мѣста ихъ

первоначальнаго обитанія находятся къ югу отъ бѣлоруссовъ и простираются на сѣверъ до лѣсостепи. Тогда какъ бѣлоруссы и великоруссы въ общемъ шатены и на половину свѣтлоглазы, — среди малорус-

Этнографическая карта восточно-европейской низменности въ настоящее время.

совъ мы чаще встрѣчаемъ брюнетовъ, находимъ большую ширину черепа, болѣе высокій ростъ и болѣе стройное сложеніе. Можетъ быть, подобно большей части народовъ южной половины Европы, они произошли отъ смѣшенія индо-германцевъ съ первобытнымъ, болѣе темнымъ населеніемъ,

Всѣ эти три племени принимали очень различное участіе въ распространеніи Россіи въ болѣе позднее время. Бѣлоруссы, стиснутые между поляками, литовцами, великороссами и малороссами, не имѣли возможности раздвинуться вширь. Они еще и сейчас не идутъ дальше западной части лѣсной области. Неблагоприятныя условія мѣсть ихъ обитанія мѣшаютъ ихъ культурнымъ успѣхамъ. Представителями колонизаціи въ сѣверной и южной частяхъ лѣсной области были великороссы, которые и сами сложились во время колонизаціи этой области. Въ колонизаціи степей приняли участіе и великороссы, и малороссы.

Видѣреніе русскихъ въ среду финскихъ народовъ, занимавшихъ *лесную область*, не было дѣломъ крупнаго государственнаго предпріятія. Оно было постепеннымъ процессомъ, случайно сопровождавшимся и военными столкновеніями, но такъ же часто состоявшимъ въ мирномъ заселеніи. Кое-гдѣ финны были, конечно, уничтожены, но большею частью они сохранились и постепенно приняли русскій языкъ, русскіе нравы и смѣшались съ русскими. Въ западной части области свою народность сохранили лишь корелы, живущіе на Валдайской возвышенности и къ востоку отъ нея. Только на сѣверѣ и востокѣ, куда русскіе проникали позже и гдѣ они вообще не находятъ соотвѣствующихъ жизненныхъ условій, живутъ еще значительные остатки финскихъ народностей, большей частью захваченные уже быстро совершающейся руссификаціей.

Въ степь русскіе стали проникать приблизительно съ начала 14 вѣка. Вначалѣ, такъ же какъ и въ лѣсной области, это было частной, въ общемъ мирной колонизаціей. Долго она ограничивалась сѣверной частью степей. Въ видѣ пограничной стражи, для охраны отъ татаръ, засѣли малорусскіе казаки на днѣпровскихъ порогахъ и великорусскіе на Дону, а послѣ покоренія татарскихъ ханствъ, казанскаго и астраханскаго—со второй половины 16 вѣка—также на Волгѣ и на Терекѣ. Только благодаря завоеваніямъ Петра Великаго и Екатерины II для русской колонизаціи открылась и южная часть степей. Въ занятія степи малороссы приняли гораздо большее участіе, чѣмъ великороссы. Они заняли большею частью земли до Дона и Кубани, за исключеніемъ Таврическихъ степей и Крыма, тогда какъ земли, плотно заселенныя колонизаторами-великороссами, начинаются лишь на Дону. Смѣшеніе съ первоначальнымъ населеніемъ, какимъ въ степяхъ были большею

частью магометане-татары, было менѣе значительно, чѣмъ въ лѣсной области. Съ другой стороны, для ускоренія процесса заселенія, были привлечены западно-европейскіе, главнымъ образомъ нѣмецкіе колонисты.

Въ общемъ изъ 94 милліоновъ обитателей восточно-европейской низменности въ 1897 г. на долю русскихъ приходилось около 75 милліоновъ, а именно, было 50 мил. великоруссовъ, 20 мил. малоруссовъ и 5 бѣлоруссовъ. Можно было бы думать, что распространеніе по такому большому пространству и смѣшеніе съ различными племенами приведетъ къ этнической дифференцировкѣ великоруссовъ и малоруссовъ. Но примѣсь финской и татарской крови оказалось недостаточно значительной, да къ тому же и природа страны была уже слишкомъ однообразной и лишенной всякихъ мотивовъ для обособленія, почему развитіе, совершавшееся въ различныхъ частяхъ страны, и не могло привести къ глубокому различію. Какъ большая однородная масса, почти даже безъ различій по нарѣчіямъ, великороссы раскинулись по сѣверной и восточной, а малороссы—по юго-западной части низменности до Карпаты.

Можетъ быть, ни одну антропо-географическую задачу не придется рѣшать въ такой степени безъ всякихъ надежныхъ основаній, какъ задачу описанія и объясненія *народной души*. А между тѣмъ рѣшеніе ея имѣетъ величайшее значеніе для пониманія остальныхъ явленій человѣческой жизни *). Наука не можетъ справиться съ этой задачей такъ легко, какъ та модная теорія, которая принимаетъ всѣ духовные задатки народа просто за расовые признаки и думаетъ, что это освобождаетъ ее отъ всѣхъ дальнѣйшихъ объясненій. Поразительныя измѣненія черезъ извѣстное время духовныхъ свойствъ, какъ это наблюдалось у многихъ народовъ, въ достаточной степени доказываютъ неудовлетворительность

*) Лучшую характеристику далъ *Leroy-Beaulieu* въ 3-й книгѣ своего превосходнаго, неоднократно уже цитированнаго сочиненія. Много матеріала содержатъ афоризмы *v. Hehn'a*, *De moribus Ruthenorum*, Stuttgart, 1892 и „*Russian Characteristics*“, London, 1892 *Лангма* (нѣм. пер. Dielitz'a Dresden 1893). Оба эти сочиненія написаны нѣсколько желчно и неблагоприятно. Много данныхъ также въ путешествіяхъ, мемуарахъ и романахъ, удѣляющихъ вниманіе психологической характеристикѣ народа. Общую характеристику, безъ достаточно впрочемъ глубокаго анализа, далъ *Fouillée*. *Esquisse psychologique des peuples européens*, 3 ed. Paris, 1903.

этихъ взглядовъ. Конечно, многія духовныя способности, такъ же какъ и главнѣйшія физическія свойства, объясняются наслѣдственностью и были принесены народами въ ихъ нынѣшнія мѣста обитанія; но именно эти способности лежатъ такъ глубоко въ народной душѣ, такъ покрыты наслоеніями позже прибрѣтенныхъ свойствъ, что только съ трудомъ удается установить ихъ. Прямое вліяніе страны менѣе значительно, чѣмъ то, какимъ часто его представляютъ. Мысль, чувство и воля человѣка, какъ это выясняется теперь все больше и больше, зависятъ прежде всего отъ культурнаго уровня и образа жизни, а ужъ затѣмъ лишь, косвеннымъ путемъ, отъ природы страны.

Русскій—индогерманецъ, выросшій, какъ и нѣмецъ, въ сѣверныхъ лѣсахъ, и многія изъ его свойствъ, являющихся для насъ симпатичными, должны быть отнесены на счетъ этихъ вліяній. Таковы извѣстная вдумчивость и глубина, та меланхолія, которая, по красивому выраженію Легоу-Веалиеу, льется съ неба и изъ воздуха, сосредоточенность, желаніе докопаться до сути, переходящее однако въ расплывчатость и представляющее противоположность той опредѣленности, которою отличается сила представленія европейцевъ—южанъ, внѣшняя и внутренняя тяжеловѣсность русскаго крестьянина. Суровость и скупость природы, лишенной однако дикой силы моря и высокихъ горъ, научили его пассивнымъ добродѣтелямъ довольства малымъ, терпѣнія, послушанія,—добродѣтелямъ, еще усиленнымъ исторіей страны, и не пробудили способности бороться, не воспитали въ немъ энергіи. Только казакъ, обитатель вольной степи, вырабатывалъ себѣ, въ борьбѣ съ кочевниками, болѣе активный характеръ. На характеръ великороссовъ оказало свое вліяніе, что они были колониальнымъ народомъ. Но еще большее значеніе имѣло то, что имъ приходилось вести упорную борьбу съ природой въ суровой странѣ, и они вынуждены были издавна, на ряду съ земледѣліемъ, заниматься и всякаго рода ремеслами. Этимъ объясняется практическое направленіе ихъ ума и ихъ ловкость, что отличаетъ ихъ отъ болѣе поэтической природы малороссовъ. Оказала ли на психику народа свое вліяніе примѣсь финской и татарской крови, остается открытымъ вопросомъ. Важнѣе во всякомъ случаѣ было суровое правленіе и культурное вліяніе татаръ.

Но всѣ эти вліянія по отношенію къ нынѣшнему характеру

русскаго, особенно великоросса, отступаютъ назадъ предъ тѣмъ фактомъ, что онъ не новый, а средневѣковой человѣкъ, полу-азиатъ. Только высшіе слои населенія европеизированы въ такой степени, что они думаютъ, чувствуютъ и желаютъ какъ западно-европейцы; народная же масса по своей мысли, чувству и волѣ напоминаетъ скорѣй людей средневѣковья или даже обитателей передне-азиатскихъ странъ.

Существенной чертой современной культуры, такъ же какъ и классической древности, является извѣстный субъективизмъ и индивидуализмъ какъ въ духовной, такъ и экономической области. Человѣкъ возстаетъ противъ духовныхъ авторитетовъ, онъ критикуетъ, онъ мыслить свободно. Господствующимъ духомъ, по словамъ *Бэдждота*, является духъ изслѣдованія. Въ Россіи этотъ духъ проникъ лишь въ извѣстные круги и тамъ, какъ это всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, принялъ крайнія формы нигилизма. Русскій крестьянинъ и даже купецъ и ремесленникъ совершенно не захвачены этимъ движеніемъ или захвачены имъ только съ поверхности; не внесла большихъ перемѣнъ, повидимому, даже современная промышленность. Русскій крестьянинъ въ своихъ воззрѣніяхъ все еще подчиняется авторитету государства и церкви, принимаетъ ихъ мѣропріятія терпѣливо и съ вѣрой въ то, что иначе и не можетъ быть. На ряду съ отсутствіемъ духа изслѣдованія, нѣтъ и уваженія къ фактамъ: къ нимъ относятся какъ къ мнѣніямъ, относительно которыхъ можно спорить. Развитое чувство правды является всегда завоеваніемъ высшей культуры. Русскій въ этомъ смыслѣ еще человѣкъ природы, и даже высшіе классы лишь отчасти отдѣлались отъ порока лжи. Русской политикѣ часто и справедливо бросали упрекъ въ двоедушіи. Недостатокъ духовной свободы, недостаточно развитые духъ изслѣдованія и чувство правды и могутъ быть отмѣчены, какъ интеллектуальные признаки современной русской культуры.

Чувство и воля человѣка тоже остались въ общемъ на низшей ступени. У среднихъ вѣковъ и у новаго времени различныя моральныя свойства и добродѣтели. Добродѣтели русскаго народа, оставшаго по своей культурѣ и управляемаго деспотически, также какъ и добродѣтели средневѣковаго человѣка,—пассивны. По сравненію съ азиатомъ, онъ, конечно, дѣятеленъ, трудолюбивъ, энергиченъ и превосходитъ поэтому его въ экономическомъ отношеніи,—

въ этомъ сказывается вліяніе суроваго климата; съ западно-европейской же точки зрѣнія онъ апатиченъ и неподвиженъ, а потому и экономически бездаренъ. Это сказывается уже въ его наклонности къ покою и въ нерасположеніи къ тѣлеснымъ движеніямъ. Время не имѣетъ еще никакой цѣны. Невѣроятно, до чего тратятъ его попустому. Все предоставляютъ его естественному ходу и, не стараясь самимъ приложить свою руку, ожидаютъ всего отъ небесъ или отъ правительства. Русскій не знаетъ самопомощи англичанъ; онъ фаталистъ, чѣмъ объясняется и его стоическое презрѣніе къ смерти. Тупое терпѣніе и слѣпое послушаніе стали, какъ говоритъ *Ланингъ*, національными добродѣтелями, а безконечная беззаботность стала второй природой человѣка. Способность переносить неудобства и боль, терпѣніе, доходящее до тупости, — изумительны. Но въ этомъ же и одно изъ главнѣйшихъ препятствій для прогресса, такъ какъ только чуткость, развивающаяся съ культурой, побуждаетъ къ борьбѣ со зломъ и къ развитію личной инициативы, и является поэтому, какъ прекрасно доказалъ Г. ф. *Шулце-Гавертницъ*, однимъ изъ важнѣйшихъ орудій въ борьбѣ за существованіе. У русскаго народа нѣтъ активныхъ добродѣтелей, умѣнья добиваться опредѣленно поставленной цѣли, упорнаго прилежанія, законнаго въ извѣстныхъ предѣлахъ и необходимаго для прогресса стремленія къ экономической выгодѣ, хотя въ высшихъ классахъ населенія это стремленіе проявляется въ двухъ своихъ сквернѣйшихъ формахъ — подкупности чиновниковъ и бесовѣстности торговцевъ. Недостатокъ экономическихъ побужденій вмѣстѣ съ недостаточной практикой мысли вызываютъ поразительный недостатокъ экономического пониманія. Кто наблюдалъ крупныя русскія учрежденія, поражался недостаткомъ организаторскихъ дарованій. Нужно совершенно не понимать законовъ психологіи народовъ для того, чтобы, подобно русскимъ националистамъ, видѣть въ преобладаніи пассивныхъ добродѣтелей и отсутствіи экономического эгоизма моральное превосходство русскаго народа.

Примѣсь другихъ народностей очень неодинакова въ различныхъ частяхъ области русскаго народа.

Въ *бѣлорусской* и *малорусской* областяхъ, входившихъ когда-то въ составъ польско-литовскаго государства, часто встрѣчаются еще поляки, какъ землевладѣльцы, затѣмъ — евреи, а мѣстами и нѣмцы,

какъ торговцы, ремесленники и т. д. Евреи, переселившіеся сюда во второй половинѣ среднихъ вѣковъ изъ Германіи, именно изъ Франконіи и нашедшіе здѣсь благоприятную для себя почву, образуютъ около $\frac{1}{3}$ части населенія; въ селахъ ихъ число меньше, такъ какъ они не могли покупать земли; но во многихъ городахъ они составляютъ большинство населенія (до 86%), и даже болѣе крупныя города, какъ Бердичевъ или Балта, представляютъ собою „грязный Іерусалимъ, гдѣ отдѣльные христіане совершенно теряются среди сыновъ Іакова“. Евреи не только выдѣляются здѣсь, какъ въ Германіи, изъ остального народа своей религіей и расой. Они образуютъ совершенно отдѣльный народъ, говорящій особымъ языкомъ — испорченнымъ нѣмецкимъ съ примѣсью старо-еврейскихъ словъ, имѣющимъ свою литературу, и отличаются отъ христіанъ одеждой, особенно черными длинными кафтанами, и образомъ жизни. Число ихъ опредѣляется въ $3\frac{1}{2}$ —4 милліона и слишкомъ велико для тѣхъ областей дѣятельности, какія предоставлены имъ. Можно говорить поэтому объ избыткѣ еврейскаго населенія. Слѣдствіемъ этого избытка является большая бѣдность и дошедшая до крайности конкуренція въ экономической области. Условія эти въ теченіе вѣковъ еще болѣе усилили тѣ національныя свойства, которыя, при подобныхъ же обстоятельствахъ, евреи приобрѣли въ другихъ странахъ, а именно физическое слабосиліе, умъ, направленный главнымъ образомъ на приобретеніе, малую разборчивость въ выборѣ средствъ, ведущихъ къ наживѣ, нечистоплотность.

Въ *Великороссіи*, въ собственномъ смыслѣ слова, примѣсь другихъ народностей, не говоря о финнахъ, гораздо меньше. Она состоитъ частью изъ татаръ, распространенныхъ по всей области въ видѣ грузчиковъ, ресторанныхъ лакеевъ, дворниковъ, ходячихъ торговцевъ и т. п., частью изъ западно-европейцевъ, особенно нѣмцевъ и французовъ, живущихъ въ качествѣ купцовъ и ремесленниковъ въ болѣе крупныхъ городахъ. Евреямъ пребываніе въ Великороссіи дозволяется лишь въ томъ случаѣ, если они являются представителями опредѣленныхъ, очень немногочисленныхъ профессій.

Гораздо разнообразѣе чужія національности на югѣ и юго-востоку Россіи. Въ Бессарабіи преобладаютъ румыны, и они довольно многочисленны и дальше къ востоку вплоть до Буга. Во всей области встрѣчаются колоніи болгаръ, грековъ и особенно нѣмцевъ, поселившихся здѣсь еще въ концѣ 18 вѣка, но до-

сихъ поръ сохранившихъ свои національныя особенности. Крупнѣйшія нѣмецкія колоніи находятся на Волгѣ, къ востоку и югу отъ Саратова. Недавно произошло значительное выселеніе ихъ, именно менонитовъ, которыхъ, вопреки прежнимъ обѣщаніямъ, стали принуждать къ военной службѣ.

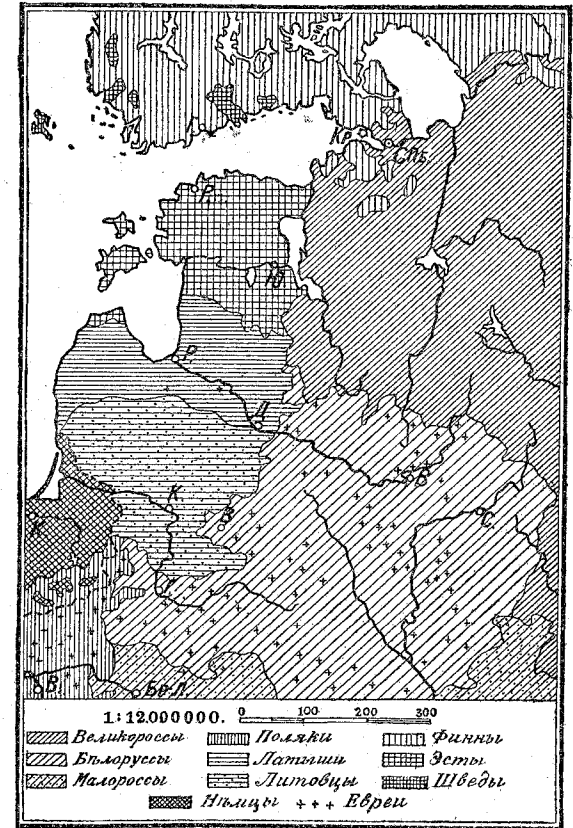
Остальныя этно-географическія провинціи расположились кругомъ по краямъ русскаго ядра; границы ихъ не обозначены рѣзко; области эти лишь постепенно отдѣляются отъ центральной; большая ихъ часть непрерывно уменьшается.

Южная часть Балтійскаго побережья, отъ прусской границы и приблизительно до 58-й параллели, является областью двухъ народовъ, а именно *литовцевъ* (около 2½ мил.), живущихъ въ Литвѣ, и *латышей* (около 1 мил.), обитающихъ въ Курляндіи и Лифляндіи, т. е. къ западу, югу и востоку отъ Рижскаго залива. Это индо-германцы, но не славяне. Они отличаются отъ русскихъ большей узкоголовостью, что сближаетъ ихъ, съ одной стороны, съ германцами, съ другой—съ прибалтійскими финнами. Области тѣхъ и другихъ богаты однако еще добавочными примѣсами народовъ. Въ Литвѣ, составлявшей когда-то особенное княжество, слившееся позже съ Польшей, мы находимъ еще и теперь много поляковъ, поселившихся здѣсь благодаря этому соединенію, а вмѣстѣ съ ними и много евреевъ, затѣмъ нѣмцевъ, особенно въ городахъ, и русскихъ. Въ латышской области, бывшей когда-то нѣмецкой орденской землей, поляки и евреи отступаютъ на задній планъ; съ другой стороны, высшіе слои населенія, какъ въ селахъ, такъ и городахъ, представлены здѣсь нѣмцами. Эти области часто поэтому, хотя и не совсемъ удачно, называли нѣмецкими остзейскими провинціями. Литовцы остались на болѣе низкой ступени культурнаго развитія, приблизительно той же, что и русскіе. У латышей, благодаря вліянію нѣмцевъ, поднялось благосостояніе, образованіе и социальное положеніе, и они начали поэтому вытѣснять нѣмцевъ изъ ихъ господствующаго положенія.

Въ сѣверной части прибалтійскихъ провинцій начинаются западныя финскія народности: здѣсь живутъ *эсты* (около 650.000), а, примыкая къ нимъ, жило прежде маленькое, родственное имъ племя *ливовъ*. Условія ихъ жизненной обстановки сходны съ латышскими; и въ ихъ области помѣщики и высшіе классы въ городахъ представлены нѣмцами; и они идутъ впередъ по пути къ культурѣ и

развиваютъ свое землевладѣніе на счетъ нѣмцевъ. Къ востоку отъ Нарвы, въ древней Ингерманландіи, живутъ собственно *финны*, или *суоми*, главной областью которыхъ являются земли къ сѣверу отъ Финскаго залива. Живутъ они также еще и къ востоку отъ Ладожскаго озера. Къ сѣверу отъ нихъ обитаютъ родственные имъ *карелы*. Несомнѣнно, что раньше они занимали болѣе обширное пространство, а затѣмъ все больше и больше вытѣснялись русскими. Въ области Валдайской возвышенности карелы сохранились еще и до сихъ поръ.

Эти западныя финны — люди преимущественно крупнаго роста, блондины, голубоглазы, болѣею частью узкоголовы (только во внутренней Финляндіи, вѣроятно, вслѣдствіе смѣшенія съ лопарями, широкоголовы), но съ широкими лицами. Въ общемъ, такимъ образомъ, въ нихъ ни въ коемъ случаѣ не выражаются черты типа желтой расы; наоборотъ, они довольно сильно напоминаютъ германцевъ и русскихъ. И это едва ли можно объяснить смѣшеніемъ, происшедшимъ въ позднѣйшее время. Скорѣе, несмотря на все различіе въ языкѣ, это указываетъ на первоначальное родство, яснаго представленія о которомъ мы, во всякомъ случаѣ, не можемъ себѣ составить.

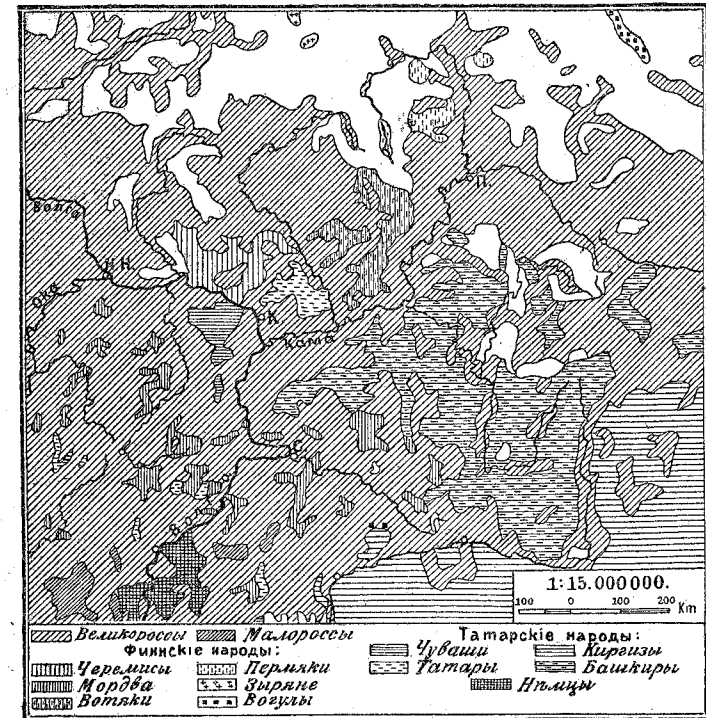
Этнографическая карта Прибалтійскаго края.

Совершенно отличны от нихъ и по физическимъ признакамъ, и по культурѣ два народа, живущіе на сѣверѣ и тоже относимые, благодаря сходству ихъ языка, къ финнамъ,—это *лопари* на Кольскомъ полуостровѣ и *самоѣды* въ тундрѣ и самой сѣверной части русской лѣсной области. Они малорослы и короткоголовы, большею частью темноволосы и темноглазы, а самоѣды и съ полумонгольскими чертами лица. По физическимъ признакамъ самоѣды напоминаютъ калмыковъ и выдаютъ свою принадлежность къ желтой расѣ. Финскій языкъ они могли усвоить уже потомъ; притомъ самоѣдскій языкъ во многомъ отличается отъ финскаго.

Восточныя финскія племена снова по преимуществу имѣютъ свѣтлую комплексію, но отъ западныхъ финновъ они отличаются меньшимъ ростомъ и отчасти болѣе монголоидными признаками. Самые сѣверные изъ нихъ—*зыряне* (около 120.000). Они живутъ главнымъ образомъ въ области Мезени, Печоры и Вычегды, отличаются способностью къ торговлѣ, поэтому сравнительно зажиточны и по быту мало отличаются отъ русскихъ. На верхней Камѣ сидятъ *пермяки* (90.000), сравнительно слабосильный и мало развитой народъ. Къ югу отъ нихъ, между средней Камой и Вяткой живутъ *вотяки* (380.000), сохранившіе еще многія черты ихъ стариннаго быта и вѣрованій. Къ западу отъ Вятки до Волги расположились *черемисы* (280.000), отчасти (горные черемисы) заселившіе правый, высокій берегъ Волги. Къ югу отъ нихъ, большею частью между Окой и Волгой, но также и къ востоку отсюда обитаютъ *мордвинны* (около 800.000), распадающіеся на двѣ вѣтви, *эрзя* и *мокша*, и, вмѣстѣ съ вотяками и черемисами, включаемые въ группу *приволжскихъ финновъ*. Вѣроятно, по своему происхожденію родственны имъ, почему и должны рассматриваться какъ отатарившіеся приволжскіе финны, *чувашы* (550.000), говорящіе на тюркскомъ нарѣчій. Они живутъ среди приволжскихъ финновъ и физически сходны съ черемисами, хотя въ быту ихъ сказалось татарское вліяніе.

Татарскіе или *тюркскіе* народы, когда-то занимавшіе всю область степей, большею частью исчезли изъ южной Россіи. Они сохранились лишь въ Крыму и примыкающихъ къ нему степяхъ. Но собственно крымскіе, горные и южнобережные татары не представляютъ собой желтой расы, а образовались изъ смѣшенія различныхъ этническихъ элементовъ; это—отатарившіеся греки, итальянцы, а можетъ быть и готы. Ихъ высокій ростъ и правиль-

ныя лица совершенно не монгольскаго, а большею частью южно-европейскаго типа. На средней Волгѣ, въ области старо-болгарскаго царства, кромѣ чувашей живутъ *казанскіе* или *волжскіе татары*. Они сохранили магометанство и свои особенности въ костюмѣ и бытѣ, хотя за послѣднія десятилѣтія къ нимъ значительно проникло и русское вліяніе. Общее число ихъ доходитъ до 2¹/₂ мил-

Этнографическая карта восточной Россіи.

ліоновъ. Физическій типъ ихъ умѣренно-монгольскій. Къ востоку отъ казанскихъ татаръ живутъ *башкиры*, числомъ около 600.000. Языкъ ихъ близокъ къ татарскому, но въ физическомъ ихъ типѣ гораздо рѣзче выражены монгольскія черты. На р. Уралѣ съ ними соприкасается внутренняя *киргизская орда*. Ея область на востокѣ далеко заходитъ въ Азію, а на югѣ доходитъ до Каспійскаго моря. Киргизы еще больше монголы, чѣмъ башкиры. Еще дальше къ югу, по обѣимъ сторонамъ Маныча, живутъ *ногайскіе татары*. Сейчасъ ихъ только около 60.000; большая часть ихъ послѣ крымской войны выселилась въ Турцію.

Всѣ эти народы похожи другъ на друга тѣмъ, что говорятъ на тюркскихъ нарѣчіяхъ. *Калмыки* же, живущіе къ западу отъ киргизовъ и къ сѣверу отъ ногайцевъ, т.-е. между Волгой и Манычемъ, принадлежатъ по языку къ собственно монгольской вѣтви. Да и физически, со своими большими головами, широкимъ лицомъ, выдающимися скулами, узкими глазами, жесткими волосами, съ рѣдкой бородой, они принадлежатъ къ ясно выраженному монгольскому типу. Они проникли въ восточно-европейскую низменность лишь въ 17 вѣкѣ. Сперва русскіе приняли ихъ какъ желанныхъ союзниковъ противъ татаръ. Но позже Россія пожелала сдѣлать ихъ своими данниками. Тогда большая часть ихъ (въ 18 вѣкѣ) двинулась назадъ въ свое отечество, но только немногіе достигли его, потерявъ массу умершими и плѣнными отъ холодовъ, болѣзней и преслѣдованія киргизовъ.

IV. Религіи.

Второй формой человѣческаго общенія, которую мы должны рассмотреть, являются религіи, съ ихъ формами организаціи, т.-е. церквями. Для той стадіи полукультуры, на которой находится Россія, такъ же какъ и Востокъ, привязанность къ религіи является однимъ изъ характерныхъ признаковъ. Вѣроисповѣдное цѣлое здѣсь едва ли не важнѣе этническаго, и если оба, какъ большею частью и бываетъ здѣсь, идутъ рука объ руку, то лишь религіозное единство придаетъ полную жизнеспособность этническому. Религія въ высокой степени опредѣляетъ мысль, чувство и волю человѣка, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всю его матеріальную и духовную культуру. Географія не можетъ, поэтому, дать достаточно исчерпывающаго представленія о вопросѣ, если не обратитъ вниманія на религію и не отведетъ ей выдающагося мѣста.

Причиной, почему географія такъ часто отказывается останавливаться на религіи, считается то, что религія, какъ явленіе совершенно духовнаго порядка, не поддается вліянію природныхъ условій. Мнѣ это представляется совершенно ложнымъ взглядомъ. Не говоря о томъ, что зависимость отъ природныхъ условій вовсе не можетъ быть мѣриломъ того, слѣдуетъ ли извѣстный рядъ явленій считать предметомъ географическаго изслѣдованія, — самая зависимость распредѣленія религій отъ географическихъ условій не подлежитъ сомнѣнію. Только эту зависимость нужно искать не тамъ, гдѣ ее обыкновенно ищутъ. Вліянія, оказываемыя на религію природой страны, климатомъ, величественными явленіями природы, образомъ жизни, могутъ, конечно, играть извѣстную роль по отношенію къ низшимъ религіямъ и даже къ возникновенію религій высшихъ, но лишь въ ничтожной степени могутъ вліять на высшія религіи въ ихъ болѣе позднемъ, готовомъ состояніи. Поэтому мы и видимъ, какъ великія

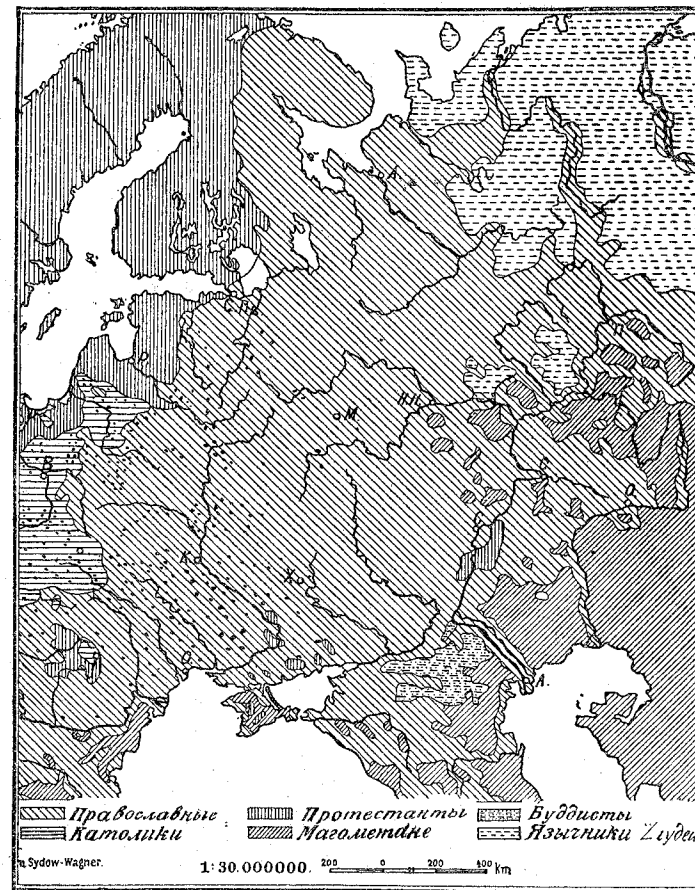
религии, почти не мѣняя своей сущности, распространяются по странамъ, отличающимся самой различной природой. Распределение религий является прежде всего фактомъ распространения, фактомъ сношений и культурныхъ воздѣйствій. Народная душа не остается, конечно, безъ вліянія на принятіе и преобразование религии, но оказываетъ лишь второстепенное вліяніе и, наоборотъ, сама испытываетъ гораздо большее вліяніе со стороны религии. Часть тѣхъ свойствъ, которыя приписываются народамъ, принадлежатъ, на самомъ дѣлѣ, ихъ религіямъ.

Для нашего обзора, имѣющаго дѣло съ современностью, намъ нѣтъ нужды говорить о распространении различныхъ формъ языка въ прошломъ, а достаточно указать на распространение современныхъ религий.

Первымъ важнѣйшимъ фактомъ является распространение христіанства, постепенно распространившагося отъ Средиземнаго моря по всей средней и сѣверной Европѣ и подчинившаго себѣ всѣ народы, за исключеніемъ, можетъ быть, самыхъ грубыхъ охотничьихъ и рыболовныхъ племенъ. Но распространение христіанства, — какъ приходилось уже (въ слѣдствіе всесторонняго вліянія этого факта на различныя сферы человѣческой жизни) указывать на это въ общемъ обзорѣ историческаго развитія — послѣдовало изъ двухъ различныхъ исходныхъ пунктовъ, въ двухъ различныхъ формахъ.

Западная Европа, къ которой принадлежатъ также Польша, колонизованное нѣмцами прибалтійское побережье и колонизованная шведами Финляндія, — приняла, благодаря давно завязавшимся сношеніямъ съ Римомъ, католическую религію. Послѣ реформации, опредѣлившей въ общемъ отдѣленіе сѣвера отъ юга, балтійскія провинціи, принадлежавшія нѣмцамъ, и Финляндія, принадлежавшая шведамъ, перешли въ евангелическую вѣру, Польша же и политически связанная съ нею Литва остались католическими странами. Въ польско-литовское государство вмѣстѣ съ евреями естественно проникла и іудейская вѣра. Дальнѣйшее распространение римско-католическаго или евангелическаго вѣроисповѣданія не было возможно, такъ какъ они нигдѣ не соприкасались непосредственно съ языческими племенами. На востокъ съ ними вездѣ граничила русская церковь, хотя и стоявшая ниже, но подходившая къ культурному уровню русскихъ и потому бывшая очень устойчивой. И, наоборотъ, несмотря на присоединеніе названныхъ обла-

стей къ Россіи и на господствующее политическое положеніе, какое занимаетъ въ нихъ православная церковь, несмотря на государственную пропаганду, сулящую выгоды за переходъ въ православіе и наказаніе за отступленіе и отклоненіе отъ него, не потерпѣли

Распределение религий.

существенной потери ни евангелическая, ни римско-католическая религія. Народности, раздѣляющія эти исповѣданія, видятъ въ нихъ характерные свои признаки и убѣждены, что ихъ религія выше и чище. Въ настоящее время въ Россіи (безъ Польши и Финляндіи) насчитываютъ $3\frac{1}{2}$ мил. евангелистовъ и $4\frac{1}{2}$ мил. католиковъ, живущихъ главнымъ образомъ въ названныхъ областяхъ.

Русские получили христианскую веру изъ Византии и являются представителями греческой или православной церкви. Обѣ главные вѣтви русскаго народа, сѣверно- и южно-руссы, различные по своимъ духовнымъ способностямъ и наклонностямъ, относящіяся даже другъ къ другу съ нѣкоторой антипатіей, долго бывшіе и политически обособленными, исповѣдуютъ одну и ту же религію. Это объединяло ихъ какъ противъ исповѣдывавшихъ католическую и лютеранскую религію поляковъ, литовцевъ, латышей, нѣмцевъ, эстовъ, финновъ, акъ и противъ магометанъ - татаръ. Православная церковь тѣснѣйшимъ образомъ срослась съ русскимъ народомъ, и религіозная рознь между бѣлоруссами и малороссами, съ одной стороны, и ихъ политическими господами поляками и литовцами — съ другой, между великороссами и татарами, такъ же какъ и у испанцевъ, только укрѣпляла связь между церковью и народомъ. Переходъ въ православіе означаетъ присоединеніе къ русской національности, выходу же изъ православной церкви государство препятствуетъ уже потому, что это было бы равносильно отказу отъ русской народности.

Въ противоположность евангелической и римско-католической церквямъ, православная съ теченіемъ времени распространялась вмѣстѣ съ русскимъ народомъ все дальше и дальше. Вмѣстѣ съ русской колонизаціей она проникла въ лѣсную область, населенную язычниками-финнами: при этомъ распространеніе христианства часто предшествовало проникновенію русскихъ: рядъ народовъ, — наиримѣръ, зыряне, говорящіе еще на своемъ родномъ языкѣ, — еще не вполне руссифицированные, отличаются однако ревностью къ православію; мордва, черемисы, вотяки — тоже, по крайней мѣрѣ высшимъ образомъ, православные. Греческая церковь вмѣстѣ съ русской колонизаціей распространилась по огромному пространству степей, изъ которыхъ большею частью уже исчезли магометанскіе народы. Только въ нѣмецкихъ селеніяхъ, т.-е. главнымъ образомъ на восточной сторонѣ Волги у Саратова, мы находимъ евангелическія общины, включенныя въ массу православнаго населенія. Такимъ образомъ, огромнѣйшая часть восточно-европейской низменности принадлежитъ греческой церкви; да и по числу своихъ приверженцевъ — ихъ около 83½ мил. — она стоитъ далеко впереди всѣхъ остальныхъ.

Тѣмъ факторомъ, который вліялъ наиболѣе опредѣляющимъ обра-

зомъ на развитіе *существа русской церкви* была ея изолированность. Очень слабо было уже соприкосновеніе съ другими вѣтвями греческой церкви, особенно со времени завоеванія старой метрополии, Константинополя, магометанами-турками. Къ западной церкви, со времени раздѣленія церковей, она относилась не только какъ къ чужой, но прямо враждебно. Религіозная рознь между православными и католиками или протестантами была почти такъ же велика, какъ между магометанами и христианами. Русские считали себя издавна избраннымъ народомъ; свою страну они называли святою Русью. При тѣсной связи между церковью и народностью этимъ была создана глубокая пропасть между Россіей и Западомъ. Даже европеизація послѣднихъ столѣтій имѣла лишь то вліяніе, что высшіе классы, охваченные идеями просвѣщенія, стали равнодушны къ религіи, но на самую церковь и на религію массъ это не оказало ни малѣйшаго вліянія. Церковь всегда была противникомъ европеизаціи.

Уже первоначальную греческую церковь *Harnack* характеризовалъ такъ, что она явилась не христианскимъ твореніемъ въ греческой обложкѣ, а греческимъ твореніемъ въ христианской обложкѣ. Въ общемъ она представляетъ просто продолженіе греческой исторіи религіи, развивавшейся подъ чуждымъ вліяніемъ христианства. Еще въ большей степени, чѣмъ западная, греческая церковь сохранила много языческаго въ культѣ и въ ученіи. Кромѣ греческой философіи религіи, она приняла также старыя греческія мистеріи и жертвенные обряды. Многіе ея святые представляютъ лишь — перемѣнившія свои имена античныя божества. Тотъ же процессъ повторился при перенесеніи религіи въ среду некультурнаго русскаго народа, и снова повторяется при обращеніи въ христианство финскихъ народностей. Благодаря исключенію вліяній со стороны, не было поводовъ для реформы. Русская церковь осталась въ своемъ примитивномъ состояніи, что дѣлаетъ понятнымъ долгое сомнѣніе Запада въ томъ, христиане ли русские вообще.

Языческій характеръ русскаго христианства особенно отчетливо выступаетъ въ томъ преобладающемъ значеніи, какое придается ритуалу. Строгое соблюденіе постовъ и таинствъ по преимуществу опредѣляетъ религіозность челоѣка. Церковные обряды являются не просто символами, а дѣйствіями, имѣющими сверхъестественное значеніе. Собственно религія почти подавлена ритуаломъ.

Относительно вопросов ритуала, напимѣрь, вопроса, нужно ли пѣть: „О, Господи, помилуй“ или просто „Господи, помилуй“, вопроса о правописаніи слова Исусъ, о томъ, нужно ли креститься двумя или тремя пальцами, — велись ожесточеннѣйшіе споры. Послѣдній вопросъ привелъ даже къ расколу. Когда Петръ Великій велѣлъ обрѣзать бороды, народъ сталъ видѣть въ немъ воплощеніе антихриста.

При долгой замкнутости народа, стоявшаго на низкой культурной ступени, догма его церковнаго ученія почти окаменѣла. Русская церковь, какъ и вообще вся греческая, до крайности связана традиціей и нерушимо держится ученія первыхъ соборовъ. Никакой прогрессъ немислимъ, всякое отступленіе отъ догмы считается ересью.

Для русскаго церковнаго строя особенно характерно тѣсное единеніе съ государствомъ. Этимъ опредѣлялось уже отличіе Византіи и Рима. Тогда какъ западная церковь сохраняла свою независимость по отношенію къ варварскимъ государствамъ и сама была какъ бы продолженіемъ Римской имперіи, византійская церковь должна была всецѣло подчиниться имперіи. Такія же отношенія были перенесены и въ Россію и, подъ вліяніемъ изолированности Россіи и деспотической формы правленія, получили еще болѣе рѣзкій характеръ. Въ 16-мъ вѣкѣ русскій патріархъ былъ признанъ равнымъ константинопольскому. Петръ Великій вмѣсто патріарха учредилъ Святѣйшій Синодъ, оберъ-прокуроръ котораго — правительственный чиновникъ. Государство подчиняетъ церковь своимъ цѣлямъ, но зато защищаетъ и поддерживаетъ ее противъ иновѣрцевъ. Отношенія, существовавшія въ 16 вѣкѣ въ Испаніи, выражены здѣсь едва ли еще не рѣзче. Церковь и государство составляютъ одно и работаютъ другъ для друга, тогда какъ на Западѣ они часто борются другъ съ другомъ. Естественно, что это увеличиваетъ ихъ власть надъ народомъ, но вслѣдствіе этого же теряется одинъ изъ важныхъ рычаговъ прогресса.

Въ русской церкви монастыри и монашество играетъ важную роль. Въ противоположность многообразію орденовъ римской церкви, все они подчиняются однимъ и тѣмъ же правиламъ. Подобно тому какъ и на Западѣ, монастыри принимали участіе въ заселеніи страны, а во время борьбы съ татарами и поляками, какъ и при внутреннихъ смутахъ, они часто приобрѣтали большое значеніе

въ качествѣ крѣпостей. Для поднятія образованія они всегда дѣлали мало. Теперь въ экономическомъ отношеніи они приносятъ только вредъ. Сила ихъ однако еще велика. Монахами, такъ наз. чернымъ духовенствомъ, замѣщаются все выспія духовныя мѣста, недоступныя для обыкновенныхъ священниковъ или такъ наз. бѣлаго духовенства. Бѣлое духовенство до недавняго времени составляло наслѣдственную касту. Но, благодаря бракамъ, православные священники стоятъ ближе къ народной жизни, чѣмъ католическіе; матеріальное положеніе ихъ большею частью жалкое; по образованію и нравственнымъ понятіямъ они большей частью немного выдаются надъ массою.

Русская церковь въ экономическомъ и умственномъ отношеніяхъ не содѣйствуетъ прогрессу народа. Монастыри являются экономическими паразитами. Большое количество праздниковъ, а отчасти и паломничества къ мѣстнымъ святынямъ и въ Иерусалимъ отнимаютъ много времени отъ работы. Къ народному образованію церковь относится равнодушно, не заботясь о немъ. Тѣмъ не менѣе духовная жизнь простого русскаго народа еще значительно опредѣляется церковью. Правда, то же въ высокой степени примѣнимо еще къ римско-католической и ортодоксальной протестантской церкви. Но въ протестантизмѣ завоевана уже свобода мысли и вѣры, а отсюда эта свобода проникла и въ католическую церковь болѣе цивилизованныхъ націй. Въ Россіи же она ограничивалась до послѣдняго времени только европеизированными, высшими слоями населенія. У нихъ мы находимъ просвѣтительныя идеи и свободное, подчасъ легкомысленное отношеніе къ религіи, иногда удивительно уживающееся съ религіозными суевѣріями. У народа все еще царитъ, какъ на Западѣ въ средніе вѣка, старая наивная религія, съ ея ритуаломъ, мистицизмомъ и суевѣріями, религія не знающая сомнѣнія и критики, съ фаталистическимъ, слѣпымъ повиненіемъ волѣ Божіей. Русскому свойственно глубокое и внутреннее, часто доходящее до мистицизма, религіозное чувство, чѣмъ онъ, конечно, обязанъ въ известной степени природѣ сѣверныхъ лѣсовъ. Но это чувство не можетъ развиваться свободно, вслѣдствіе давленія усвоенной имъ религіи, сводящей все къ внѣшности.

На ряду съ официальной русской церковью существуютъ старообрѣзны, или раскольники, и рядъ разнообразныхъ сектъ. Старообрѣзны отдѣлились отъ православія въ 17 вѣкѣ изъ-за реформъ

ритуала. Временами преслѣдуемые, временами терпимые правительствомъ, они сохранили свою самостоятельность на ряду съ господствующей церковью, и сейчасъ еще очень многочисленны. Къ нимъ принадлежитъ около $\frac{1}{8}$ части русскаго населенія. Особенно многочисленны они среди великорусскаго купечества, въ населеніи сѣвера и среди казаковъ. Съ теченіемъ времени они распались на рядъ толковъ; двѣ главныхъ группы—поповцы и безпоповцы; между сектами есть и крайняго направленія со странными, вредными въ общественномъ смыслѣ обычаями. Въ духовномъ отношеніи старообръы не составляютъ, какъ протестанты, прогрессивнаго элемента. Наоборотъ, это—реакціонная партія, которая не могла вынести даже незначительной церковной реформы. Несмотря на это, благодаря болѣе самостоятельному отношенію къ церкви и государству, они явились прогрессивнымъ экономическимъ элементомъ. Убѣгая отъ преслѣдованій правительства въ лѣса, они именно содѣйствовали колонизаціи сѣвера и востока. Но не отъ нихъ нужно ожидать экономическаго и духовнаго преобразованія Россіи.

Что касается сектъ, то въ основѣ однѣхъ лежитъ мистическое стремленіе къ внутреннему общенію съ Божествомъ—таковы духоборы, секта которыхъ возникла, можетъ быть, подъ вліяніемъ квакеровъ. Другія секты—раціоналистическія, отклонившіяся отъ церковныхъ ученій, благодаря духу критики. Штундисты напоминаютъ протестантовъ; свое ученіе они позаимствовали отъ своихъ сосѣдей-нѣмцевъ; ближе всего они стоятъ къ баптистамъ; молокане похожи на шотландскихъ пресвитеріанъ. Эти секты показываютъ, что въ русскомъ народѣ есть зародыши религіознаго прогресса. Къ сектамъ крайнихъ направленій относятся хлысты и скопцы.

Старыя *языческо-шаманскія религіи* сохранились лишь на крайнемъ сѣверѣ и востокѣ, у лопарей и самоѣдовъ и у нѣкоторыхъ финскихъ племенъ средняго Поволжья. Наружно и эти племена обращены уже въ христіанство, но внутренно они остались еще въ значительной степени язычниками. Пространство, занимаемое ими, довольно обширно, но число язычниковъ не велико и, самое большее, доходитъ до $\frac{1}{3}$ милліона.

Въ послѣдніе вѣка значительно потеряло подъ собою почву въ восточно-европейской низменности и *магометанство*. Обращеній магометанъ въ христіанство здѣсь, правда, было не много, такъ какъ

магометанство является вообще столь же законченнымъ и, въ глазахъ своихъ приверженцевъ, даже выше стоящимъ религіознымъ ученіемъ, какъ и христіанство. Но кочующія татарскія племена, бывшія истинными приверженцами ислама и распространителями его по восточно-европейской степной области, все болѣе отодвигались предъ осѣдлыми русскими поселеніями. Побѣда христіанства надъ исламомъ является такимъ образомъ слѣдствіемъ побѣды народовъ и государствъ лѣсной области и земледѣльческой культуры надъ народами и государствами степей и надъ культурой помадизма. Сохранились, а вмѣстѣ съ тѣмъ удержали свою религію только тѣ татарско-магометанскія племена, которыя уже раньше были земледѣльцами, напримѣръ, обитатели южнаго Крыма и казанскіе татары; или тѣ, которыя оказались способными перейти къ земледѣлію; или тѣ, которыя обитаютъ въ отдаленныхъ, полупустынныхъ областяхъ, куда не проникло еще вытѣсняющее ихъ движеніе русскихъ, какъ, напримѣръ, киргизы, ногайскіе татары. Въ общемъ насчитываютъ 3,8 мил. магометанъ.

Въ каспійской впадинѣ на ряду съ исламомъ существуетъ и *буддизмъ*. Переселившіеся сюда въ началѣ 18 вѣка калмыки покинули свою монгольскую родину въ то время, когда туда уже проникъ буддизмъ.

европейской низменности было не русское, а расположенное на его западной границѣ польско-литовское. Оно образовалось въ 1386 г. соединеніемъ Литвы, возникшей у Балтійскаго моря, и Польши, выросшей на Вислѣ и въ общемъ не принадлежавшей собственно къ восточно-европейской низменности. Болѣе близкое соприкосновение съ культурой Запада, къ которому обѣ эти страны принад-

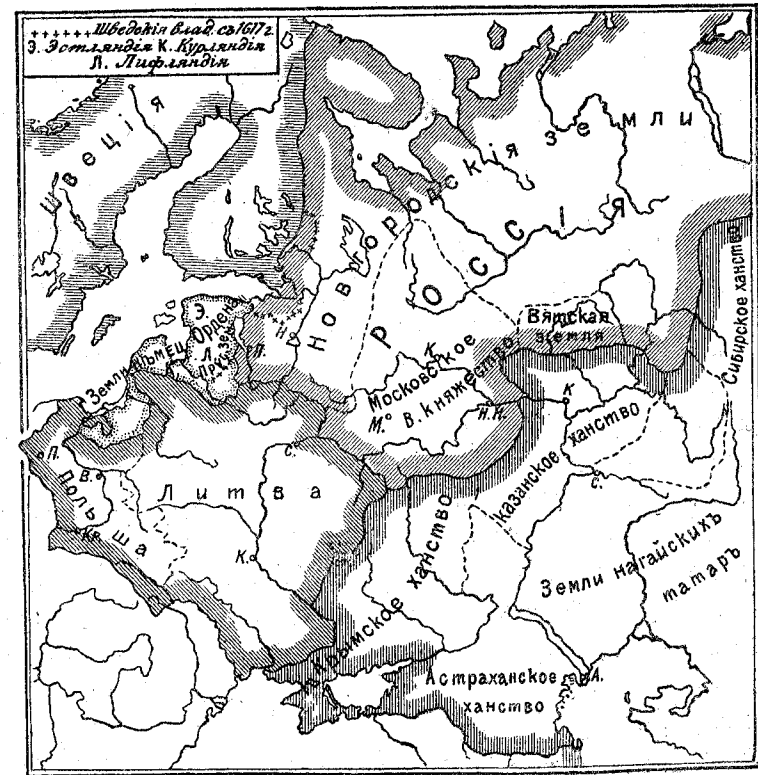
V. Государство.

Территорія государства.

Въ образованіи государствъ проявляется дѣйствіе подобныхъ же законовъ, какъ и въ образованіи народовъ. Подобно образованію крупныхъ народностей, и возникновеніе государствъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова и ихъ постепенный ростъ связаны съ развитіемъ высшей культуры, такъ какъ только она даетъ необходимыя экономическія и социальныя условія для ихъ существованія. На низшей культурной ступени могутъ, правда, временно, путемъ завоеванія, возникнуть довольно крупныя государства, но они осуждены на быстрое распаденіе. Политико-географическое изученіе должно поэтому, подобно этно-географическому, исходить изъ культурной географіи. Только на второмъ мѣстѣ могутъ быть приняты во вниманіе непосредственныя природныя условія; ихъ часто совершенно неправильно выдвигаютъ на первое мѣсто, съ тѣмъ, чтобы потомъ придти къ выводу, что они представляютъ лишь возможности, но не оказываютъ рѣшительнаго вліянія.

Восточно-европейская низменность своимъ однообразіемъ и отсутствіемъ преградъ и убѣжищъ несомнѣнно содѣйствовала образованію одинаго крупнаго государства, такъ же какъ и образованію одинаго крупнаго народа. И, несмотря на это, на ней долгое время существовали лишь незначительныя и недолговѣчныя государства, и сравнительно поздно, въ полномъ объемѣ лишь со времени усвоенія европейской культуры, совершилось образованіе одного крупнаго государства, которое затѣмъ однако быстро разрослось до своихъ естественныхъ границъ и приняло огромныя размѣры.

Интересно, что старѣйшимъ крупнымъ государствомъ восточно-

Государства восточно-европейской низменности въ 1500 г.

лежали и въ церковномъ отношеніи, сдѣлало возможнымъ болѣе раннее возникновеніе здѣсь большаго государства. Временно, благодаря завоеванію Бѣлоруссіи и Малоруссіи (1320) и захвату Смоленска, оно далеко раздвинулось къ востоку. Одно время могло даже казаться, что на его долю выпадетъ господство надъ всею восточно-европейской низменностью. Но, послѣ долгой борьбы, побѣда перешла на сторону русскаго государства, выросшаго по сосѣдству съ нимъ на востокъ.

Первое основаніе русскаго государства совершилось уже въ 9 столѣтіи при посредствѣ варяговъ. Легко понять, почему центръ его тяжести и его столица находились на сѣверо-западѣ, въ Новгородѣ. Расположенный на самомъ юго-западѣ русской земли и ближе всего оказавшійся къ Византіи, южнорусскій Кіевъ пріобрѣлъ, благодаря принятію византійской культуры, перевѣсъ и довольно долго пользовался болѣе значительной властью. Но ему не удалось покорить и объединить въ одно государство всѣ остальные княжества. Вскорѣ эти мелкія государства потеряли свою самостоятельность. Восточныя великорусскія княжества были покорены въ срединѣ 13 вѣка татарами, а западныя, — въ томъ числѣ, кромѣ Бѣлоруссіи и Малороссіи, также и Смоленская область, — находившіяся, благодаря своей отдаленности, только короткое время въ зависимости отъ татаръ, были, въ первой половинѣ 14 вѣка покорены Литвою. Потеря политической самостоятельности имѣла очень различныя послѣдствія для западныхъ и для восточныхъ областей. Первые стали составною частью другаго европейскаго государства, и для нихъ открылась возможность дальнѣйшаго самостоятельнаго политическаго развитія. Вторыя состояли также данниками сильнаго на короткое время, но осужденнаго на распаденіе степного царства. Какимъ бы тяжелымъ и унижительнымъ ни было татарское иго, но внутренній государственный русскій строй сохранился, онъ даже укрѣпился, благодаря принятію татарскаго деспотизма и военнаго устройства и благодаря тому, что татарскіе правители поддерживали великое московское княжество (они дѣлали это въ цѣляхъ большаго удобства собиранія дани и управленія русскими княжествами).

Изъ этого великаго княжества московскаго, послѣ тяжелой борьбы какъ на западномъ, такъ на восточномъ и южномъ фронтѣ, и выросло современное русское государство. Хотя борьба съ Западомъ началась уже во времена татарскаго господства, но рѣшительный бой былъ данъ лишь тогда, когда Москва сбросила съ себя татарское иго, завоевала часть прежняго татарскаго государства и сама выросла въ обширное царство.

Освобожденіе отъ татарскаго ига стало возможнымъ потому, что старое татарское царство, Кипчакъ или сарайская Золотая орда, — недолговѣчное, какъ всѣ степныя царства, — распалось на рядъ ханствъ: отъ Кипчака отдѣлились крымское, казанское и астра-

ханское ханства, которыя вели непрестанную взаимную борьбу и раздирали одно другое. Въ 1480 г. московское великое княжество добилось независимости почти безъ всякихъ усилій съ своей стороны просто благодаря тому, что ногайскіе татары уничтожили Золотую орду. Съ той поры и начинается расширеніе Руси. Сперва образовались казацкія поселенія, какъ охранная пограничная линія въ степяхъ. Въ 1552 г. русскіе завоевали Казанское, а въ 1556 г. — Астраханское царство. Такъ какъ путемъ мирной колонизаціи уже раньше дошли до Бѣлаго моря, то теперь русское или, правильнѣе, московское государство простиралось отъ Бѣлаго до Каспійскаго моря, не доходя, однако, до Балтійскаго, а также Чернаго и Азовскаго морей. Нѣсколько десятилѣтій спустя казаки перешли черезъ Уралъ, и въ срединѣ 17 в. дошли до береговъ Великаго океана. Такимъ образомъ Россія уже тогда стала государствомъ огромныхъ размѣровъ, но она была почти совсѣмъ еще отрѣзана отъ Запада и Юга.

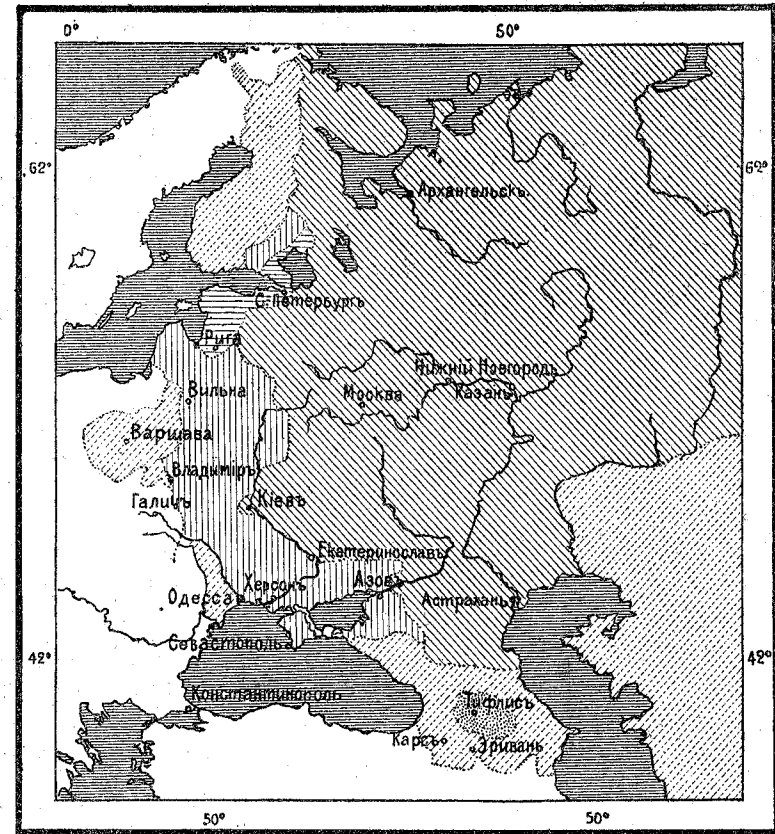
На западѣ предъ московской завоевательной политикой стояли другія цѣли. Здѣсь рѣзко столкнулись, съ одной стороны жизненные интересы московскаго государства, а съ другой — такіе же интересы польско-литовскаго государства, а также двухъ русскихъ республикъ, Пскова и Новгорода, двухъ нѣмецкихъ орденовъ и Швеціи. Чтобы быть вообще жизнеспособнымъ, московскому государству нужно было добиться непосредственнаго соприкосновенія съ Балтійскимъ моремъ и европейскимъ Западомъ. Если бы оно осталось чуждо европейской культурѣ, оно осталось бы политически на уровнѣ Турціи и Персіи и было бы теперь не великой державой, принимающей живое участіе во всемирной торговлѣ, а объектомъ политики западно-европейскихъ державъ. Польско-литовскому государству, если оно хотѣло сохранить свое существованіе, нужно было бы завоевать Россію или по крайней мѣрѣ удержать ее въ ея некультурномъ состояніи и обусловленной этимъ политической слабости. Борьба, которую вели оба этихъ государства, была борьбою на жизнь и смерть; рядомъ одно съ другимъ они не могли просуществовать долго.

При такой борьбѣ двухъ государствъ всегда трудно бываетъ сказать, почему изъ нея вышло побѣдителемъ одно, а не другое, такъ какъ трудно бываетъ сдѣлать точное сравненіе вѣншихъ и внутреннихъ силъ государствъ. Но все-таки можно указать нѣко-

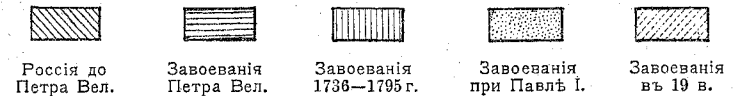
торыя обстоятельства, которыя оказались благоприятными для московскаго государства и содѣйствовали распространенію именно его господства на восточно-европейскую низменность. Польша расположена по отношенію къ восточно-европейской низменности эксцентрически. Она не только удалена отъ большей ея части, но и лишена удобныхъ сношеній съ нею, она могла бы господствовать надъ нею лишь при несоразмѣрно большой затратѣ силъ. Московское же великое княжество лежитъ не только въ геометрическомъ центрѣ, но и въ географическомъ центрѣ сношеній, такъ какъ отсюда растекаются во всѣ стороны рѣки, создавая удобные пути сообщения. Довольно большое значеніе имѣетъ и то обстоятельство, что Великороссія, такъ же какъ и Пруссія и Австрія, является колоніальной страной, образовавшейся путемъ заселенія русскими финскихъ областей, какъ Пруссія и Австрія образовались путемъ заселенія нѣмцами славянскихъ земель. Повидимому, колоніальныя земли являются болѣе призванными къ политическому могуществу, чѣмъ старыя страны. Борьба съ природой, особенно въ лѣсной области, и съ туземнымъ населеніемъ, а также огромность находящагося въ распоряженіи пространства дали великоруссамъ больше практичности и энергіи, больше способности отдаваться чему-либо крупному, чѣмъ поляку и малороссу, духовно болѣе одареннымъ, во всякомъ случаѣ болѣе поэтичнымъ натурамъ. Образование собственнаго государства дало возможность возникнуть сильной наслѣдственной династіи, и власть ея оказалась политически болѣе сильной, чѣмъ въ Польшѣ съ ея слабой королевской властью и надменнымъ дворянствомъ. Всего же важнѣе былъ тотъ фактъ, что въ польско-литовскомъ королевствѣ существовала большая національная и церковная рознь, тогда какъ въ великорусскомъ государствѣ царилъ и національный, и церковный единство. Польско-литовское государство, расположенное на границѣ Западной Европы, усвоило себѣ извѣстную культуру, но не въ той степени, чтобы почерпнуть изъ нея политическую силу; московское государство, настоящее варварское царство, получило при господствѣ татаръ прочную военную, политическую и финансовую организацию.

Шагъ за шагомъ московское государство продвигается на западъ, занимаетъ мѣсто у Балтійскаго моря и приходитъ въ непосредственное соприкосновеніе съ германскими землями. Сперва

его жертвой падаютъ двѣ республики, Новгородъ (1478) и Псковъ, столь важныя по своей торговлѣ. Граница со стороны польско-литовскаго государства проходила во второй половинѣ XIV вѣка къ востоку отъ Смоленска, лишь въ 150 килом. разстоянія отъ

по Драгоманову

Ростъ Россійской имперіи со времянъ Петра Великаго.

Москвы. Въ 1515 г. Смоленскъ былъ въ первый разъ завоеванъ Москвой, но въ началѣ XVII в. онъ снова отошелъ къ Польшѣ. Прочно овладѣло имъ московское государство лишь со середины XVII вѣка (1654). По Андрусовскому договору къ Россіи присоединилась Малороссія, страна, экономически развитая и довольно

густо населенная, чѣмъ собственно и начался уже раздѣлъ Польши. Ближайшій же крупный шагъ былъ сдѣланъ Россіей по направленію къ Балтійскому морю. Движенію Россіи пытались помѣшать герцогство Ливонское и Швеція, овладѣвшая частью балтійскаго побережья. Уже въ XVI вѣкѣ Россіей сдѣланы были здѣсь завоеванія, но она не могла защитить ихъ отъ шведовъ. Швеція снова совершенно отгѣснила Россію отъ Балтійскаго моря, и попытки Россіи въ срединѣ XVII вѣка добиться вновь доступа къ Балтійскому морю оказались напрасными. Лишь Петру Великому удалось, въ первые годы XVIII вѣка, сломить могущество шведовъ и овладѣть сперва Ингерманландіей, затѣмъ Эстляндіей и Лифляндіей, а нѣсколько позже и юго-восточной частью собственно Финляндіи. Благодаря этимъ завоеваніямъ, Россія достигла на сѣверо-западѣ Рижскаго залива и устьевъ Двины и Днѣпра, за исключеніемъ только ихъ истоковъ, принадлежало Польшѣ. Почти черезъ 100 лѣтъ послѣ приобрѣтенія Малороссіи, Россія, послѣ такъ называемыхъ трехъ раздѣловъ Польши (1772, 1792 и 1794), дошла до Нѣмана, Буга и Днѣстра и такимъ образомъ достигла, кромѣ одного только юго-запада, естественныхъ границъ восточно-европейской низменности. По тильзитскому договору (1807) Россія получила Бѣлостокскую область, а по вѣнскому трактату (1815) большую часть собственно Польши. Такимъ образомъ Россія вдвинулась въ центральную Европу. Западная граница теперь отодвинулась почти на 1000 кил. отъ Москвы. Почти около того же времени (1809) Швеція должна была уступить Россіи послѣдніе остатки Финляндіи до рѣки Торнео вмѣстѣ съ Аландскими островами.

Выдвиганіе впередъ Россіи съ южнаго фронта началось во второй половинѣ XVII вѣка; почти одновременно съ присоединеніемъ Малороссіи стали зависимыми отъ Россіи также запорожскіе и донскіе казаки. Петръ Великій временно захватилъ Азовъ и путемъ дипломатическихъ переговоровъ съ султаномъ, къ которому перешло верховное господство надъ татарами, пытался добиться права свободнаго плаванія по Черному морю, но ходатайство его было отклонено султаномъ. Только Екатеринѣ II удалось въ 1774 г. побѣдить турокъ и отнять у нихъ главенство надъ татарами. Одновременно съ этимъ были приобрѣтены Керчь и Еникале, земля между

Бугомъ и Днѣпромъ и Кубанская и Терская области. Покореніе татаръ стало послѣ этого лишь вопросомъ времени. Въ 1783 г. царство крымскихъ татаръ было уже фактически присоединено къ Россіи. Во время 2-й турецкой войны (1787—1791), т.-е. вскорѣ послѣ того какъ отъ Польши было приобрѣтено среднее теченіе Днѣстра, граница со стороны Турціи была отодвинута до нижняго Днѣстра. Во время войнъ 1806—1812 г. Россія приобрѣла Бессарабію, т.-е. землю между Днѣстромъ, Прутомъ и Дунаемъ, населенную главнымъ образомъ румынами; хотя часть ея, Добруджа, и была потеряна по парижемскому миру (1856), но затѣмъ она была снова возвращена Россіи въ 1877 г. Такимъ образомъ Россія получила во владѣніе весь сѣверный берегъ Чернаго моря и продвинулась до Дуная.

Такъ, въ короткое время, главнымъ образомъ, въ первый разъ въ срединѣ XVI вѣка и, во второй, въ столѣтіе 1667—1774 г.—русскіе цари подчинили своей власти всю необъятную восточно-европейскую низменность отъ Ледовитаго океана и Балтійскаго моря до Чернаго и Каспійскаго морей, отъ Нѣмана, Вислы и Днѣстра до Урала, а за тѣмъ всю Сибирь до Великаго океана.

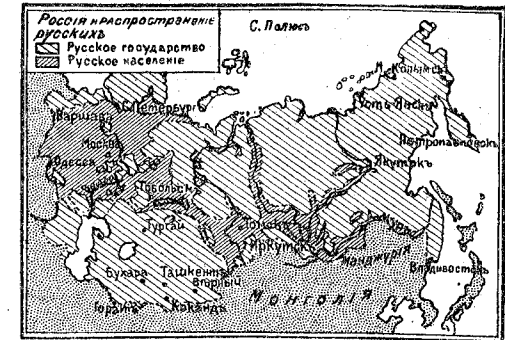
Тѣмъ самымъ русское государство было введено въ свои естественныя границы, а на западѣ даже нѣсколько вышло за нихъ. Это тотъ же самый процессъ, какой мы можемъ наблюдать почти у всѣхъ западно-европейскихъ государствъ, всего отчетливѣе, конечно, у островныхъ и полуостровныхъ. Всѣ они, часто послѣ долгой борьбы, продвигались до моря, но въ то же время всѣ они не могли перекинуть своихъ владѣній дальше: море не только самая наглядная граница, но и наилучшая естественная защитная линія. Оно является необходимымъ жизненнымъ источникомъ для всѣхъ культурныхъ народовъ, такъ какъ они не могутъ ограничиться сношеніями съ сосѣдними народами, но нуждаются въ сношеніяхъ съ народами по ту сторону моря. Не владѣй Россія морскими берегами, она даже послѣ уничтоженія польскаго рубежа, осталась бы слишкомъ зависимой отъ Германіи и Австріи. Только владѣніе морскими берегами обезпечило ей прямыя сношенія съ западно- и южно-европейскими и трансатлантическими странами. Несмотря на существованіе сухопутныхъ сношеній со всѣми частями государства, морскія имѣютъ значеніе даже для

поддержанія связи съ восточной частью имперіи. Россія никогда не сможетъ отказаться отъ морскихъ побережій, если не захочетъ нанести самаго чувствительнаго вреда своимъ жизненнымъ интересамъ.

Природныя отличія разныхъ частей восточно-европейской низменности, именно различіе лѣсной и степной полосы, мѣшали до тѣхъ поръ политическому объединенію, пока кочующіе номады степей превосходили политической силой земледѣльцевъ сѣверной лѣсной области и владѣли степью, не будучи въ то же время въ состояніи проникнуть въ лѣсную область. Лишь тогда, когда обитатели лѣсовъ, опираясь на свои культурные успѣхи, окрѣпили политически, для нихъ выросла возможность завоевать и экономически подчинить себѣ степи. Съ той поры естественныя различія не являются уже болѣе препятствіями для единенія. Наоборотъ, какъ указалъ это *H. v. Moltke* въ своихъ письмахъ о Россіи (стр. 108), они являются мотивомъ для политическаго объединенія всей страны. „Говорили, будто бы, при увеличеніи населенія, необъятное государство должно распасться на свои части. Однако же ни одна часть его не можетъ существовать безъ другой: богатый лѣсами сѣверъ не можетъ жить безъ хлѣбороднаго юга, промышленный центръ—безъ того и другого, внутреннія страны—безъ береговыхъ, безъ того общаго огромнаго воднаго пути, какой составляетъ Волга, судоходная на протяженіи 400 миль. Еще больше, чѣмъ это, все, даже отдаленнѣйшія его части, скрѣпляетъ въ одно цѣлое одно общее чувство“. Потребность въ экономическомъ дополненіи до цѣлаго, потребность, которая и въ Германіи такъ часто вызывала политическое объединеніе горныхъ странъ съ низинами, расположенными у ихъ подошвы, вызвала въ этой огромной низменности политическое объединеніе цѣлыхъ поясовъ. Мы увидимъ, что то же стремленіе къ экономическому пополненію является опредѣляющимъ и для завоеваній Россіи въ Азіи.

Когда великое московское княжество сбросило съ себя татарское иго, оно было національнымъ государствомъ въ самомъ строгомъ смыслѣ этого слова. Значительная часть послѣдующихъ завоеваній была связана съ распространеніемъ русской націи; какъ въ сѣверо-восточной лѣсной области, такъ и въ южныхъ степяхъ мы находимъ лишь ничтожные остатки прежнихъ народовъ. Расширеніе же государства на западъ включило въ его составъ не только

двѣ другія вѣтви русскаго народа, но также и народы другой національности, притомъ вполне жизнеспособные, именно поляковъ, литовцевъ, латышей, эстовъ, финновъ, вмѣстѣ съ нѣмцами, шведами и евреями. На югѣ и юго-востокѣ вошли румыны, болгары, греки, татары, башкиры, киргизы, калмыки и др. Въ Европейской Россіи (въ собственномъ смыслѣ слова), какъ мы видѣли, изъ 94 милліоновъ населенія, русскихъ около 75 милліоновъ, т. е. 80%, а именно 55 милліоновъ великоруссовъ и бѣлоруссовъ и 20 милліоновъ малоруссовъ. Послѣднихъ также мало можно считать чужой народностью, какъ особымъ отъ французовъ народомъ—провансальцевъ во Франціи. Только 19 милліоновъ или 20% принадлежитъ къ инымъ, чѣмъ русскіе, народностямъ. Сибирь почти въ той же мѣрѣ является русской, какъ и Европейская Россія, но въ Финляндіи и большей части Польши почти совсѣмъ нѣтъ русскихъ. На Кавказѣ вмѣстѣ съ Арменіей, въ Туркестанѣ и въ восточной Азіи въ составъ государствъ вошли новыя народности, о національномъ пре-

Россия и распространение русскихъ.

твореніи которыхъ нечего и думать. Такимъ образомъ, въ настоящее время Россія уже не является единымъ въ національномъ смыслѣ государствомъ; но численность всѣхъ инородцевъ незначительна, онѣ исчезаютъ предъ огромной массой русскаго народа и не создаютъ никакой опасности цѣлости русскаго государства, тѣмъ болѣе, что между отдѣльными группами инородцевъ существуетъ взаимное отчужденіе.

Вопросы внѣшней политики.

Если Россія и достигла въ Европѣ известной округленности своихъ предѣловъ и потому въ послѣднія десятилѣтія занималась, главнымъ образомъ, расширеніемъ своихъ владѣній въ Азіи,—все-

таки и ея европейскія границы ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть разсматриваемы вездѣ, какъ окончательныя. Во многихъ мѣстахъ Россія чувствуетъ себя сдавленной и испытываетъ потребность въ дальнѣйшемъ расширеніи. Съ другой стороны она вдвинулась уже въ такія области, на которыя въ той же мѣрѣ могли бы заявить притязанія и другія государства. Отсюда — рядъ политическихъ вопросовъ, изъ которыхъ настоятельны только нѣкоторые, но всѣ имѣютъ значеніе для отношеній Россіи къ другимъ державамъ и со временемъ тоже могутъ стать настоятельными.

Мы начнемъ съ разсмотрѣнія задачъ внѣшней политики на сѣверо-западѣ. *Финляндія* по своему положенію совершенно не является безусловно необходимой принадлежностью русскаго государства. Только ея политическая слабость, — результатъ рѣдкаго населенія сѣверной страны, — мѣшаетъ ей сохранить свою самостоятельность по отношенію къ сильному сосѣду. Сама по себѣ сносной естественной границей явилась бы линія, идущая отъ Финскаго залива черезъ Ладожское и Онежское озера къ Бѣлому морю и отрѣзывающая, слѣдовательно, западную часть Олонецкой губерніи. Но Россія чувствовала бы опасность отъ непосредственной близости чужого государства къ своему естественному выходу въ Балтійское море и къ своей столицѣ, и потому лишь съ тягестью на сердцѣ отказалась бы отъ Финляндіи.

Финляндія является для Россіи также мостомъ къ открытому *Атлантическому океану*. На Мурманскомъ берегу, т.-е. на сѣверномъ берегу Кольскаго полуострова, въ 1897 г. устроенъ Портъ-Александровскъ, имѣющій то преимущество предъ гаванями Бѣлаго моря, что онъ долѣе свободенъ отъ льда. Важное значеніе онъ пріобрѣтетъ однако лишь въ томъ случаѣ, если будетъ соединенъ желѣзной дорогой съ Петербургомъ. Но и онъ лежитъ еще слишкомъ далеко къ востоку и не пользуется всеми благоприятными климатическими условіями западныхъ береговъ. Узкая полоска русской земли, какъ бы вытянутымъ пальцемъ, знаменательно указываетъ на Тромсё. Норвегія не безъ основанія опасается того, что когда-нибудь Россія постарается продвинуться къ ея берегу и захватить Финмаркенъ. Вѣдь и эта сѣверная часть западнаго скандинавскаго побережья имѣетъ, несмотря на свою высокую широту, болѣе мягкій климатъ, чѣмъ Бѣлое море и даже Ботнической и Финскій заливы. Ея гавани всегда свободны отъ

льда. Владѣніе этимъ берегомъ и устройство военной гавани обезпечило бы Россіи хорошее стратегическое положеніе на Атлантическомъ океанѣ. Это избавило бы русскіе военные корабли отъ опаснаго обхода вокругъ Нордкапа или того прохода черезъ Зундъ, Каттегатъ и Скагерракъ, который легко можетъ быть запертъ передъ ними. Въ экономическомъ отношеніи пріобрѣтеніе это также было бы важно, такъ какъ оно давало бы возможность Россіи принять участіе въ выгодномъ сѣверномъ рыболовствѣ.

Большое значеніе для сношеній Россіи съ внѣшнимъ міромъ имѣетъ *Балтійское море*. Добраться до Балтійскаго моря было для Россіи, какъ мы видѣли, важнымъ жизненнымъ вопросомъ. Но въ Балтійскомъ морѣ Россія получила лишь внутреннее море, естественные выходы изъ котораго узки и могутъ быть легко преграждены. Данія съ Копенгагеномъ занимаетъ на Балтійскомъ морѣ такое же господствующее положеніе, какъ Константинополь на Черномъ морѣ. Германію отъ этой датской опеки освободило лишь прорытіе кильскаго канала. Указанный выше доступъ къ Атлантическому океану былъ бы для Россіи извѣстнымъ облегченіемъ, но зависимость важнѣйшихъ гаваней Балтійскаго моря и всѣхъ интересовъ, связанныхъ съ этимъ моремъ, отъ Даніи, оставалась бы прежнею. Россія, конечно, не можетъ мечтать о томъ, чтобы устранить эту зависимость путемъ завоеванія Даніи. Но для нея пріобрѣтаютъ большую важность тѣсныя политическія отношенія. Традиционная дружба Россіи съ Даніей, которая въ свою очередь получаетъ въ Россіи опору противъ Германіи и Великобританіи, основана не только на родственныхъ связяхъ династій обѣихъ странъ, но и на реальныхъ интересахъ обѣихъ государствъ.

Очень важнымъ является вопросъ о западной границѣ со стороны Германіи и Австріи и связанный съ этимъ вопросъ о возстановленіи Польши. По отношенію къ русскому *Остзейскому краю* никакихъ вопросовъ внѣшней политики, по моему мнѣнію, не существуетъ. Мысль о причлененіи этихъ, нѣкогда нѣмецкихъ владѣній, къ Германіи является только красивой мечтой, которая никогда не можетъ осуществиться. Вообще, этотъ край представляется нѣмецкимъ только по высшимъ классамъ населенія, дворянству и бюргерству, масса же населенія состоитъ изъ латышей и эстовъ. Важнѣе то, что географически онъ образуетъ не-

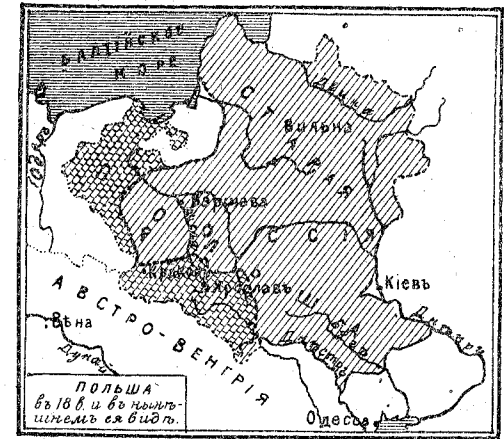
обходимую составную часть Россіи: безъ него вся западная Россія была бы отрѣзана отъ моря. Даже послѣ счастливой для нея войны, Германія не могла бы и думать о томъ, чтобы присоединить къ себѣ этотъ край. Этимъ былъ бы настолько пораженъ жизненный нервъ Россіи, что она должна была бы поставить все на карту для возвращенія утраченнаго. Германія должна предоставить своихъ нѣмецкихъ братьевъ въ русскихъ остзейскихъ губерніяхъ ихъ собственной судьбѣ. Но именно потому у Россіи и нѣтъ ни-

какихъ основаній дурно обращаться съ ними и угрожать ихъ національности.

Политическіе вопросы, которые когда-нибудь въ будущемъ приобретутъ большое значеніе, связаны съ *Польшей*. Ея нынѣшняя граница не естественна. Внутри материка Россія заходитъ далеко на западъ, за Вислу до области Одера; по берегу же далеко на востокъ заходитъ Германія съ провинціей Пруссіей, нѣкогда составлявшей орденскую землю. Для германскихъ прибалтійскихъ городовъ тяжело чувствовать, что край, лежащій за ними въ глубь материка и естественно входящій въ сферу ихъ интересовъ, находится въ русскихъ и австрійскихъ рукахъ; русско-польскому При-

висянью не достаетъ доступа къ морю. Стратегически для Германіи положеніе Пруссіи между Россіей и моремъ такъ же тягостно и опасно, какъ для Россіи положеніе Польши между Пруссіей и Австріей. Оно побуждаетъ оба государства къ содержанію крѣпостей и большого количества пограничныхъ войскъ. Знаменитое изреченіе, что между Германіей и Россіей нѣтъ поводовъ для конфликта, справедливо только относительно практической политики, въ цѣломъ же оно невѣрно. Съ теченіемъ времени столкновеніе должно произойти. Но нѣтъ никакихъ основаній для того, чтобы это случилось скоро. Наоборотъ, и для Германіи, и для Россіи желательно, чтобы это столкновеніе было отсрочено возможно дольше. Германіи безъ того такъ трудно приходится съ польскимъ вопросомъ, что она не можетъ желать увеличенія польской области. Для Россіи же завоеванная нѣмецкая земля явилась бы совершенно чуждымъ тѣломъ. При войнѣ съ Россіей Германіи пришлось бы опасаться одновременнаго нападенія и со стороны Франціи. Для Россіи необходимъ миръ съ Германіей, чтобы чувствовать себя свободной въ Азіи и на Балканскомъ полуостровѣ. О третьемъ возможномъ рѣшеніи, т.-е. о возстановленіи Польши, нечего, конечно, и думать. Ни отъ одного изъ трехъ государствъ которые нѣкогда раздѣлили между собою Польшу, нельзя ожидать, чтобы оно легко отказалось отъ своихъ владѣній. Да и для самой Польши, на протяженіи истекшаго времени, существующія политическія отношенія стали экономически необходимыми. Промышленность русской Польши со времени уничтоженія таможенной границы (1851) получила главный рынокъ для сбыта своихъ произведеній въ Россіи и лежащихъ за нею азіатскихъ странахъ. Она

Польша въ XVIII в. и въ ея нынѣшнемъ видѣ.

При войнѣ съ Россіей Германіи пришлось бы опасаться одновременнаго нападенія и со стороны Франціи. Для Россіи необходимъ миръ съ Германіей, чтобы чувствовать себя свободной въ Азіи и на Балканскомъ полуостровѣ. О третьемъ возможномъ рѣшеніи, т.-е. о возстановленіи Польши, нечего, конечно, и думать. Ни отъ одного изъ трехъ государствъ которые нѣкогда раздѣлили между собою Польшу, нельзя ожидать, чтобы оно легко отказалось отъ своихъ владѣній. Да и для самой Польши, на протяженіи истекшаго времени, существующія политическія отношенія стали экономически необходимыми. Промышленность русской Польши со времени уничтоженія таможенной границы (1851) получила главный рынокъ для сбыта своихъ произведеній въ Россіи и лежащихъ за нею азіатскихъ странахъ. Она

сильно заинтересована поэтому въ сохраненіи этого экономическаго единенія. Даже если бы Россія,—о чемъ, правда, шли разговоры, но на что она едва ли добровольно согласится,—дала бы самостоятельность Привислянскій Польшѣ, то послѣдняя, не владѣя доступомъ къ морю, т.-е. не обладая Пруссіей, была бы не жизнеспособна. Поэтому она всеми силами должна была бы стремиться овладѣть Пруссіей. Такимъ образомъ на долю Германіи выпало бы въ чужомъ пиру похмелье. Ни въ какомъ случаѣ поэтому она не можетъ допустить возстановленія независимости Польши.

Когда волны панславизма подымались особенно высоко, высказывалась мечта о политическомъ присоединеніи къ Россіи Чехіи и Моравіи. Но панславистскія стремленія, въ смыслѣ русской захватной политики, встрѣтили бы самый большій отпоръ со стороны самихъ болѣе мелкихъ славянскихъ націй, у которыхъ вовсе нѣтъ желанія попасть подъ русское владычество. Въ географическомъ смыслѣ Россія вѣдрилась бы тогда въ центральную Европу и охватила бы съ юга Германію, отъ чего той пришлось бы отбиваться руками и ногами. Для Австро-Венгріи занятіе Россіей Чехіи и Моравіи было бы равносильно смерти.

Скорѣй можно ожидать, что Россія когда-нибудь отниметъ австрійскую часть прежняго Польскаго королевства, *Галицію съ Буковиной*, и отодвинетъ свои границы до гребня Карпатовъ: для Австріи Галиція, особенно послѣ отдѣленія Венгріи, является въ географическомъ отношеніи несросшимся съ нею органически придаткомъ; въ экономическомъ отношеніи она ей въ тягость, этнически она—источникъ вѣчныхъ затрудненій. Народныя массы въ восточной части принадлежатъ къ русскому племени и къ православной церкви. Поэтому, несмотря на несогласія между малороссами и великороссами, эта часть Галиціи смотрѣла бы на соединеніе съ Россіей, особенно, если послѣдняя превратилась бы въ конституціонную страну, какъ на освобожденіе отъ польскаго ига.

Гораздо большее значеніе имѣютъ планы Россіи относительно восточной части *Балканскаго полуострова* и ея мечты о *Константинополѣ*. Здѣсь, какъ это хорошо выяснилъ Wallace, соединяются троякаго рода мотивы, два болѣе идеальнаго, а третій очень реальнаго характера. Россія когда-то такъ же стонала подъ игомъ татаръ, какъ еще въ 19 вѣкѣ стонали христіанскіе народы на Балканскомъ полуостровѣ

подъ игомъ турокъ, народа близко родственнаго татарамъ. Турки, по замѣчанію *Schiemann'a*, представляются русскимъ наслѣдниками татаръ. Сочувствіе къ товарищамъ по страданію и было однимъ изъ мотивовъ для борьбы русскихъ съ турками. Константинополь, древняя Византія, является метрополіей русской церкви. Православный русскій народъ мечтаетъ вырвать ее у невѣрныхъ турокъ. Эта мысль, которою волновалъ русскій народъ уже Петръ Великій, всегда можетъ воодушевить его, если, по соображеніямъ практической политики, окажется желательнымъ нападеніе на Константинополь. Послѣ борьбы, продолжавшейся столѣтія, Россія достигла *Чернаго моря* и получила выходъ къ югу. Но Черно море—внутреннее море, и кто владѣетъ Константинополемъ и Дарданеллами, всегда можетъ замкнуть выходы изъ него. И хотя Россія въ 1870 г. снова вернула себѣ отнятое у нея въ 1856 г. по Парижскому миру право имѣть флотъ на Черномъ морѣ, все же проходъ русскихъ военныхъ судовъ черезъ Дарданеллы запрещень, и за тѣмъ, чтобы запретъ этотъ не былъ нарушенъ, слѣдуетъ не только Турціи, но и Англіи. Въ военномъ смыслѣ поэтому Россія не является державой, примыкающей къ Средиземному морю, и пока для нея замкнуты выходы изъ Чернаго моря, она, какъ показала опытъ послѣдней войны, существенно ограничена въ столь важныхъ для нея сношеніяхъ съ Восточной Азіей. Ей незачѣмъ ради этого стремиться непосредственно овладѣть Константинополемъ, но ей необходимо стремиться пріобрѣсти рѣшительное политическое вліяніе на Константинополь, какъ на естественный ключъ къ Черному морю. Политическіе же противники Россіи заинтересованы въ томъ, чтобы помѣшать этому и помочь стремленію Турціи сохранить свою независимость. Въ той же степени естественными противниками по этому вопросу, какъ и Турція, являются восточныя государства Балканскаго полуострова, Румынія и Болгарія, такъ какъ для Россіи было бы невысказанно прочно овладѣть Константинополемъ безъ того, чтобы не пріобрѣсти политическаго господства надъ восточной частью Балканскаго полуострова и сѣверной частью Малой Азіи. А если бы Россіи удалось добиться этого господства, то у нея получилась бы длинная сухопутная граница съ Австро-Венгріей, государствами западной части Балканскаго полуострова и южными частями Малой Азіи. Предъ ней выросли бы тогда задачи новыхъ завоеваній, которыя вывели

бы ее далеко за предѣлы естественной области. То обстоятельство, что Черное море является внутренним моремъ, берега котораго не могутъ удовлетворить потребностей великой державы, ослабляетъ значеніе того общаго правила, по которому ростъ государства заканчивается у ближайшаго моря, и вызываетъ тенденцію проникнуть дальше, въ другую область, которая въ данномъ случаѣ, вслѣдствіе разнообразія своей поверхности, мало пригодна для образованія единого государства. Здѣсь предъ нами—противорѣчіе различныхъ географическихъ мотивовъ, и какъ оно разрѣшится, пока нельзя предвидѣть.

Въ послѣдніе годы русская политика лишь между прочимъ интересовалась Балканскимъ полуостровомъ; на первомъ мѣстѣ у нея стояло стремленіе захватить земли *въ Азій*. Подробное разсмотрѣніе послѣдняго вопроса вывело бы насъ за предѣлы рамокъ изслѣдованія, посвященнаго Европейской Россіи. Но общая оцѣнка его необходима, такъ какъ безъ этого нельзя надлежащимъ образомъ оцѣнить и европейскія отношенія. Да и противоположность между Европой и Азіей является лишь ви́шней, и не вытекаетъ изъ сущности вещей.

Сибирь представляетъ собою результатъ непрерывнаго расширенія Европейской Россіи къ востоку. Знаменательно, что Россія захватила эту огромную область и дошла до Великаго океана раньше, чѣмъ раздвинула свои границы до Балтійскаго и Чернаго морей. Правда, природа по направленію къ востоку становится все болѣе негостеприимной, пригодность для заселенія дѣлается все меньшей, но характеръ заселенія остается такимъ же, какъ и въ Европейской Россіи. Среди населенія преобладаютъ все-таки переселившіеся сюда русскіе. Они смѣшались съ туземнымъ населеніемъ, получили колониальный отпечатокъ, но въ цѣломъ они думаютъ и чувствуютъ по-русски. Государственное управление можетъ поэтому и здѣсь быть проникнуто тѣми же принципами, какъ и въ Европейской Россіи.

Въ областяхъ, лежащихъ далѣе къ югу, природа является уже совершенно иной. За степями, легко доступными для русской земледѣльческой колонизаціи, степями, которыя заходятъ изъ Европейской Россіи въ Западную Сибирь, на югѣ, въ *Туркестанъ* идутъ полупустыни, въ которыхъ находятъ питаніе только номады. А между этими полупустынями, по рѣкамъ, стекающимъ съ богатыхъ осадками горъ, лежатъ оазы съ подтропической расти-

тельностью и давно осѣвшимъ здѣсь, довольно густымъ и культурно-развитымъ населеніемъ. Въ *Восточной Азій* наблюдается переходъ къ подтропическимъ областямъ муссоновъ, странамъ съ китайскимъ населеніемъ и культурой. Объ естественномъ распространеніи русской колонизаціи въ эти области не могло быть и рѣчи. Ихъ завоеваніе было не этническимъ, а политическимъ и политико-экономическимъ дѣломъ. Первымъ мотивомъ была необходимость защиты отъ вѣчныхъ нападений степныхъ народовъ и та справедливая мысль, что лучшимъ средствомъ защиты является подчиненіе этихъ народовъ. Вторымъ мотивомъ была жадность всѣхъ сѣверныхъ народовъ къ болѣе богатымъ областямъ юга, жадность, которая, конечно, въ 19 вѣкѣ, съ его сознательной политикой роста вширь, должна была принять другую форму, чѣмъ у германцевъ во времена переселенія народовъ. Тотъ же самый мотивъ, который гналъ и гонитъ западно-европейскіе народы къ заокеанской колониальной политикѣ,—именно, желаніе завладѣть странами, богатыми сырыми продуктами, и приобрести въ нихъ рынки для сбыта собственныхъ произведеній и поле для дѣятельности собственнаго населенія и собственнаго капитала, создать такимъ образомъ законченную, по возможности, удовлетворяющую всѣмъ своимъ потребностямъ хозяйственную область,—тотъ же мотивъ толкаетъ континентальную Россію къ континентальной завоевательной политикѣ. По мѣрѣ завоеваній, къ этому мотиву, присоединяется еще стремленіе улучшить возможности сношеній. Для вновь завоеванныхъ областей является необходимымъ приобрести хорошіе выходы къ морю. Этотъ мотивъ играетъ роль какъ въ движеніи въ сторону Персіи, завоеваніе которой открыло бы доступъ къ Персидскому заливу и къ Индійскому океану, такъ и въ предпріятіяхъ на Дальнемъ Востокѣ. Какъ въ занятіи Сахалина и основаніи Владивостока, такъ и въ занятіи Ляодунскаго полуострова и постройки Портъ-Артура и Дальняго, опредѣляющимъ мотивомъ было стремленіе къ морю. Завоеваніе Кореи могло бы представлять для Россіи цѣну не столько само по себѣ, сколько потому, что этимъ приобрѣталось бы владѣніе берегомъ, безъ всякихъ перерывовъ.

Россія вѣчно увѣряетъ въ своемъ миролюбіи, и она, дѣйствительно, миролюбива, такъ какъ предпочитаетъ захватывать добычу безъ войны; но при всемъ своемъ миролюбіи она раздвигаетъ шагъ

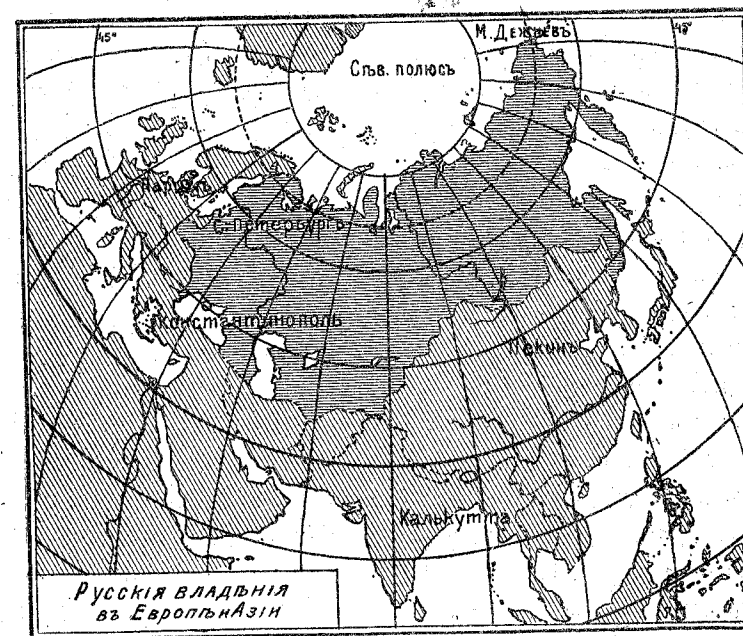
за шагом свои границы. Такъ она присоединила къ себѣ Закавказье и Арменію, Киргизскія и Туркменскія степи и оазы Туркестана, а также Приамурье на востокѣ и ужь стала ногой въ Манчжурію. Она захватила нитями своей паутины часть Малой Азіи, Персію, Тибетъ, Китай, и нѣтъ сомнѣнія, что она попытается подчинить своему фактическому господству эти страны, если не встрѣтится, какъ это было проявлено со стороны Японіи, съ энергическимъ отпоромъ. Россія могла бы, конечно, теперь,—такъ какъ ея теперешней области едва ли грозитъ откуда-нибудь опасность, поудержаться въ своей завоевательной политикѣ, да и должна была бы это сдѣлать, чтобы обратить все свои силы на внутреннее оздоровленіе. Но нельзя отрицать, что ея нынѣшняя область, при всей громадности ея протяженія, страдаетъ серьезными географическими недочетами, и что это составляетъ сильный мотивъ для дальнѣйшихъ завоеваній. Непосредственное сосѣдство богатыхъ, но политически слабыхъ странъ будетъ вѣчной приманкой для „сѣвернаго медвѣдя“. Его голодъ успокоится лишь тогда, когда онъ завоюетъ большую часть Азіи и доберется до Тихаго и Индійскаго океана. Русскія вождельнія грозятъ не только отдѣльнымъ азіатскимъ государствамъ, но должны прійти въ столкновеніе и съ колониальными интересами другихъ европейскихъ націй.

Размѣры и сила.

Россія и сейчасъ уже обладаетъ огромной площадью въ 22 мил. кв. кил., т.-е. занимаетъ почти шестую часть суши. Она уступаетъ по размѣрамъ Британской имперіи, но послѣдняя не представляетъ собою цѣльной территоріальной державы, а состоитъ изъ многочисленныхъ кусковъ, разбросанныхъ по всей землѣ. Но она въ два и три раза больше двухъ ближайшихъ за нею по величинѣ государствъ, Китая и С. Штатовъ.

Территоріальныя государства, все части которыхъ имѣютъ между собою континентальную связь, должны оцѣниваться, какъ это особенно ясно доказалъ *Ратцель*, совершенно иначе, чѣмъ колониальныя державы, состоящія изъ метрополи и заокеанскихъ колоній. Континентальныя владѣнія гораздо прочнѣе. Отдѣльныя части колониальныхъ государствъ могутъ оторваться, какъ это и случилось

съ Соединенными Штатами, или, при измѣнившихся условіяхъ распределенія силъ, могутъ перейти къ другому государству. Части континентальнаго государства гораздо въ большей степени зависеть одна отъ другой и потому гораздо прочнѣе связаны другъ съ другомъ. Какъ бы ни увеличилось населеніе Сибири, какъ бы ни развились ея народное хозяйство и культура, но сама по себѣ она едва ли будетъ жизнеспособной, такъ какъ ей недостаетъ достаточнаго соединенія съ другими культурными странами и съ моремъ. Она заняла бы такое же положеніе, какъ и Россія до за-

воеваній Петра Великаго, когда она была отрѣзана отъ моря. Въ такомъ же положеніи находятся и другія части русскаго государства. Онѣ являются неразрывными частями, которыя едва ли могли бы снова стать независимыми. Оказать сопротивленіе Россіи могутъ только цѣльныя государства, опирающіяся на удаленныя отъ Россіи моря. Каждое такое противодѣйствіе — въ интересахъ всехъ другихъ государствъ на землѣ, особенно государствъ Западной Европы, которыя, въ случаѣ продолженія роста Россіи, рядомъ съ нею могутъ стать ничтожно малыми.

Въ природѣ континентальной цѣльности заключаются, по крайней

мѣрѣ въ настоящее время, и большія затрудненія. Россія, — какъ ясно показала послѣдняя война съ Японіей—въ случаѣ войны осуждена поддерживать связь между различными частями государства лишь сухимъ путемъ. Смотря на карту, можно подумать, что есть морской путь на сѣверѣ; но сѣверное море замкнуто льдами, и правильныя сношенія въ восточную сторону возможны лишь до устья Оби и то лишь въ самый разгаръ лѣта; объѣздъ вокругъ Азіи удался только одинъ разъ и считается однимъ изъ величайшихъ событій въ исторіи открытій. Морское соединеніе Европейской Россіи съ Восточной Азіей возможно лишь путемъ огромнаго кружнаго пути вокругъ Южной Азіи, и такъ какъ Дарданеллы закрыты для военныхъ судовъ, то для военныхъ цѣлей остается лишь дорога изъ балтійскихъ портовъ вокругъ Европы или черезъ Средиземное и Красное моря, или вокругъ мыса Доброй Надежды, а въ будущемъ, можетъ быть, и черезъ Панамскій каналъ. Во время войны вырастаютъ при этомъ огромныя трудности въ дѣлѣ снабженія углемъ и продуктами, что дѣлаетъ для Россіи желательнымъ приобрѣтеніе угольныхъ гаваней на этихъ морскихъ путяхъ. Сухопутное соединеніе Европейской Россіи съ азіатскими частями государства, правда, существенно улучшилось съ постройкой желѣзныхъ дорогъ, особенно Сибирской ж. дороги. Но провозоспособность этихъ дорогъ, построенныхъ въ одинъ путь и притомъ плохо, пока довольно незначительна; доставка войскъ, провіанта, военныхъ снаряженій и т. д., какъ показалъ послѣдній опытъ, можетъ совершаться лишь очень медленно и съ затрудненіями. Въ такихъ большихъ пространствахъ суши есть что-то неустроенное, съ ними трудно справиться. Преодолѣнію пространствъ всегда поставлены извѣстныя границы данной работоспособностью сухопутнаго транспорта. Но государство съ болѣе высокой, чѣмъ въ Россіи, культурой, какъ показываетъ опытъ С. Штатовъ, уже теперь гораздо лучше могло бы справиться со всѣми этими трудностями. Въ той мѣрѣ, какъ Россія будетъ идти впередъ по пути культуры и особенно какъ будетъ расти работоспособность ея сухопутнаго транспорта,—будетъ становиться тѣснѣе связь различныхъ частей русскаго государства, и обладаніе государствомъ будетъ становиться прочнѣе и надежнѣе.

Внутреннее развитіе и объединеніе государства естественно должно состоять не только въ пространственномъ сближеніи при помощи сношеній, но и въ развивающемся заселеніи и обработкѣ страны.

Въ Европейской Россіи, какъ мы увидимъ это въ слѣдующихъ главахъ, сдѣланы въ этомъ отношеніи въ теченіе 19 вѣка большіе успѣхи; постепенно заполняется и Сибирь; въ Закавказьи и Туркестанѣ, со времени завоеванія ихъ Россіей, увеличилось количество населенія и поднялось народное благосостояніе; но въ общемъ и цѣломъ Россія—все еще страна довольно бѣдная населеніемъ и культурой. Ея населеніе—131 милл. во всей Имперіи и 106 въ Европѣ (въ 1897 г.),—конечно, значительно больше, чѣмъ въ западно-европейскихъ государствахъ, но больше далеко не въ той степени, какъ этого можно было бы ожидать по размѣрамъ ея площади, и значительно меньше населенія Китая и Британской имперіи. То же можно сказать и о національномъ богатствѣ, т.-е. о суммѣ имѣющихся и идущихъ на національныя цѣли капиталовъ, съ той только разницей, что для нихъ нельзя указать никакихъ опредѣленныхъ цифръ. До извѣстной степени такое положеніе останется навсегда, такъ какъ обширныя площади сѣвера, вѣроятно, всегда будутъ непригодны для густаго заселенія вслѣдствіе своей бесплодности, а обширныя площади юга—вслѣдствіе своей пустынности. Но, съ другой стороны, недостаточныя размѣры населенія и народнаго богатства являются лишь слѣдствіемъ нынѣшняго, исторически сложившагося культурнаго уровня, и дальнѣйшіе культурные успѣхи, ожидать которыхъ можно съ полной увѣренностью, будутъ имѣть своимъ послѣдствіемъ значительный ростъ населенія и національнаго богатства. Рѣдкость населенія и невысокая культура, при данныхъ обстоятельствахъ, облегчаютъ защиту страны. Въ 1812 г. именно эти обстоятельства и погубили Наполеона. И для японцевъ, даже послѣ побѣды въ южной Манчжуріи, рѣдкость населенія и суровость страны очень затруднили бы дальнѣйшее движеніе въ сѣв. Манчжурію и въ Сибирь, а ядро Имперіи удалено настолько, что ему повредить японцы не могли бы. Но не говоря уже о томъ, что развитіе техники сношеній и т. п. все больше облегчаетъ посылку армій изъ родины, чѣмъ уменьшается стратегическая выгода пустынныхъ пограничныхъ областей (нападеніе съ запада совершилось бы теперь совершенно при другихъ условіяхъ, чѣмъ походъ Наполеона),—самыя невыгоды отсталости для активной политики движенія вширь и въ значительной степени и для защиты такъ велики, что политика каждаго сильнаго государства должна быть направлена на возможное увеличеніе населенія и поднятіе культуры.

Размѣры *войска* прежде всего зависятъ отъ количества населенія данной страны. Россія, какъ наиболѣе населенное государство Европы, имѣетъ поэтому и самое громадное войско, и если когда-нибудь ея населеніе увеличится въ той мѣрѣ, какъ то допускаетъ природа страны, то она будетъ въ состояніи выставить невѣроятно большую армію. Но эта армія—что является успокоительнымъ для другихъ государствъ — распределяется на необъятномъ пространствѣ, она должна защищать границы, крайнія точки которыхъ удалены одна отъ другой почти на половину земной окружности. Совершенно не говоря уже о трудностяхъ транспорта огромныхъ массъ войска, Россія не можетъ перенести большей части своего войска на восточно-азиатское поле битвы уже потому, что она не можетъ обнажить своихъ европейскихъ границъ; при европейской же войнѣ она должна была бы оставить большую армію въ Восточной Азіи. Чѣмъ болѣе растутъ населеніе и культура, тѣмъ уязвимѣе становятся отдаленныя части страны, тѣмъ болѣе должны быть онѣ защищены войсками и крѣпостями отъ враждебныхъ нападений. Но при всемъ томъ, при хорошемъ предусмотрительномъ веденіи дѣла, даже та часть русской арміи, которая можетъ быть отправлена на поле военныхъ дѣйствій, будетъ численно превосходить армію любого сосѣдняго государства. Но именно такого предусмотрительнаго веденія дѣла большею частью, не было, и по качеству русская армія, какъ снова съ очевидностью показали послѣднія событія, уступаетъ не только арміямъ сосѣднихъ европейскихъ государствъ, но и японской. Быть на надлежащей высотѣ въ военномъ дѣлѣ возможно лишь при полной культурности. Для этого требуется не только вся техника и экономическая организація современной культуры, но необходима и предварительная психическая переработка націи. Русский солдатъ физически крѣпокъ, хотя нѣсколько и истощенъ страшными голодовками послѣднихъ лѣтъ, храбръ, удивительно переноситъ муки голода и жажды, непогоду, натиски врага; но въ духовномъ отношеніи онъ малоцѣненъ, ему недостаетъ инициативы, онъ можетъ дѣйствовать только сомкнутыми массами, а не раздробленно, какъ этого требуетъ современная техника. При громадныхъ степныхъ владѣніяхъ Россіи русская кавалерія считается превосходной *), но артиллерія, значеніе кото-

*) Въ японской войнѣ она оказалась однако плохой.

рой становится все болѣе важнымъ, несмотря на крупновскія пушки, неудовлетворительна, такъ какъ она ставитъ значительныя требованія интеллигентности. Снабженіе арміи военными припасами и провіантомъ страдаетъ не столько отъ недостатка денегъ, сколько отъ нецѣлесообразнаго, а часто и нечестнаго распоряженія ими. Въ организаціи и управленіи войсками сказывается постоянно разногласіе, являющаяся однимъ изъ признаковъ русской полукультуры.

Тѣми же и даже болѣе большими недостатками страдаетъ русскій *флотъ*. Послѣ долгой борьбы Россія разрослась до моря, она приобрѣла морскіе интересы, она должна защищать свои берега и эти интересы, а, въ случаѣ нужды, быть въ состояніи перейти и къ нападенію съ моря. Поэтому уже Петръ Великій создалъ флотъ, и съ той поры о немъ продолжали заботиться и дальше. Корабли, конечно, можно купить, но спрашивается, есть ли въ Россіи достаточно пригодное къ морскому дѣлу населеніе для того, чтобы снабдить эти корабли хорошимъ экипажемъ? Къ тому же присоединяются и географическія трудности пользованія флотомъ. Россія получила лишь внутреннія моря, не имѣющія прямого соединенія другъ съ другомъ. Выходы изъ нихъ или находятся въ чужихъ рукахъ, или легко могутъ быть заперты. Поэтому необходимъ для каждаго моря отдѣльный флотъ, стоящій на высотѣ тѣхъ задачъ, которыя могутъ тамъ представиться. Только для Бѣлаго моря, въ виду ничтожности представляемыхъ имъ интересовъ и трудности нападенія на него, не требуется особаго флота. Главнымъ флотомъ является Балтійскій *), имѣющій стоянку въ Петербургѣ и расположенной предъ нимъ морской крѣпости Кронштадтѣ, а также въ Либавѣ, Ревелѣ и Свеаборгѣ. Менѣе силенъ стоящій въ Севастополѣ черноморскій флотъ, не имѣющій правъ оставлять Чернаго моря и поэтому могущій считаться лишь со странами, окружающими это море. Для Каспійскаго моря достаточно немногихъ судовъ для несенія береговой полицейской службы. Напротивъ того, далеко удаленные берега Восточнаго океана открыты для нападеній врага съ моря, и горько отмстило за себя то обстоятельство, что русское правительство, даже во время энергичной наступательной политики, не позаботилось о томъ, чтобы имѣть достаточно

*) Писалось до Цусимы.

сильный флотъ въ обѣихъ восточно-азиатскихъ военныхъ гаваняхъ, Владивостокѣ и Портъ-Артурѣ.

На ряду со свойствами войска и флота, военная мощь государства зависитъ отъ *финансовъ*. Русскіе финансы почти цѣликомъ находятся на службѣ внѣшней политики. Русское правительство въ теченіе многихъ лѣтъ наполняло государственное казначейство, что и дало ему средства для веденія послѣдней войны. Но эти запасы составлялись не изъ избытковъ богатаго населенія, а выжаты изъ бѣднаго народнаго хозяйства. Мы увидимъ, какъ всѣ культурныя задачи государства, какъ весь народъ страдаетъ отъ финансовыхъ требованій внѣшней политики и отъ военныхъ затратъ, и какъ всѣ эти требованія могутъ быть выполнены лишь за счетъ полного, достойнаго всякаго сожалѣнія пренебреженія къ народному благосостоянію. Поэтому и мала финансовая продуктивность русскаго народа; поэтому у финансовъ государства долго не будетъ прочнаго фундамента.

Подведемъ итоги. Географическій мотивъ, который выяснился намъ при разсмотрѣніи природы восточно-европейской низменности, а именно, что Россія болѣе предрасположена къ экстензивному, чѣмъ интензивному развитію, опредѣляетъ характеръ русскаго государства, не только европейской его части, но всего его въ полномъ составѣ. Мощь русскаго государства велика и опасно не оцѣнивать ее. Но она меньше, чѣмъ можно было бы ожидать, судя по огромности его пространства: значительныя части страны мало одарены отъ природы и не могутъ имѣть густаго населенія и цвѣтущаго народнаго хозяйства; экстензивное развитіе не сопровождалось равнымъ ему внутреннимъ развитіемъ силы, наоборотъ, оно отчасти совершилось за счетъ послѣдняго.

Внутренняя сущность русскаго государства.

И во внутренней сущности государства, его строю и управленіи, даютъ себя знать географическія отношенія. Они виной того, что русское государство является восточнымъ созданіемъ и не было захвачено тѣмъ преобразованіемъ, какому подверглась сущность государствъ на западно-европейской почвѣ. Русскія княжества основаны, правда, еще варягами, но свою фizioномію они получили главнымъ образомъ подъ влияніемъ Византіи и великаго княжества

московскаго, изъ котораго и вышло нынѣшнее русское государство, и особенно подъ влияніемъ татаръ. Уже государственная форма Византіи была абсолютной монархіей; подъ влияніемъ татаръ эта форма еще болѣе огрубѣла, и съ той поры Россія является деспотіей въ строгомъ смыслѣ слова. Во всемирной исторіи мало было такихъ деспотій, какъ русская до середины 18 вѣка. Иноземные путешественники поражались рабскимъ отношеніемъ всѣхъ сословій къ царю и грубымъ обращеніемъ съ ними царя. Извѣстна жестокость не только Ивана, но и Петра. Европеизація государства при Петрѣ Великомъ коснулась только внѣшнихъ формъ организаціи и не распространилась на внутреннюю сущность. Россія и сейчасъ еще полуазиатская деспотія. Въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Мнѣнія расходятся только относительно оцѣнки факта. Русскіе націоналисты, а вмѣстѣ съ ними многіе западно-европейскіе, особенно французскіе, писатели, видятъ въ этомъ большое преимущество Россіи, такъ какъ, говорятъ они, абсолютная монархія является не только источникомъ внѣшней силы Россіи, но и позволяетъ лучше обезпечить благосостояніе народа, чѣмъ это было бы возможно въ томъ случаѣ, если бы все опредѣлялось волей массъ. Напротивъ того, русскіе прогрессисты, на сторонѣ которыхъ болѣею частью и общественное мнѣніе Западной Европы, находятъ деспотизмъ невыносимымъ игомъ и относятъ на его счетъ большую часть того зла, которымъ болѣетъ нынѣшняя Россія. Масса русскаго народа, конечно, не на сторонѣ націоналистовъ, но ея сердцу не близки также и стремленія либераловъ. Въ этомъ различіи взглядовъ, которое оставляетъ далеко за собой всѣ остальные различія съ Западной Европой, больше всего сказывается половинчатость Европеизаціи Россіи. То же самое иго, отъ котораго скрежетали бы всѣ классы европейскаго населенія, до послѣдняго времени не чувствовалось, какъ иго, массами населенія Россія. Либеральный, конституціонный строй долженъ поэтому вводиться въ Россіи съ извѣстной осторожностью.

Эта основная черта русскаго государства сказывается настолько же въ его организаціи, насколько и въ ея проявленіяхъ.

По своему строю Россія представляетъ самодержавную монархію или, что можно сказать безъ большой ошибки, деспотію. До Петра Великаго въ ней царилъ патріархальный деспотизмъ восточнаго образца. Вся власть не только исходила отъ царя, но почти

непосредственно имъ самимъ и примѣнялась. Царь, власти котораго, при помощи церковнаго помазанія, придавался религиозный отпечатокъ, былъ батюшкой, который и миловалъ, и сѣкъ своихъ дѣтокъ. Народъ вѣрилъ въ него и въ его любовь, ожидалъ отъ него добра и терпѣливо сносилъ даже обиды. Съ Петра Великаго была введена бюрократія по западно-европейскому, главнымъ образомъ по нѣмецкому образцу. Въ отношеніяхъ народа сказывается патриархальность еще и до сихъ поръ, но въ дѣйствительности патриархальный строй канулъ въ вѣчность. Россія въ настоящее время — чиновничье государство, въ наиболѣе рѣзко выраженныхъ его формахъ; ее можно сравнить только съ Китаемъ. Бюрократія іерархична, какъ нигдѣ, и окаменѣла въ формализмъ, тоже, какъ нигдѣ. Она — огромная машина, обладающая чрезвычайнымъ треніемъ. На бумагѣ вездѣ превосходительшія предписанія, но они не исполняются. Среди полуварварскаго народа, огромное большинство котораго еще недавно состояло изъ крѣпостныхъ, въ которомъ слабо развиты независимое дворянство и классъ независимой буржуазіи, въ которомъ недостаетъ еще контроля общественнаго мнѣнія и парламента, — русская бюрократія совершенно выродилась. Конечно, и среди нея есть способные люди, но въ цѣломъ, по общему мнѣнію, чиновничество мало работоспособно и не надежно, склонно къ грубому произволу, въ высшей степени подкупно и безчестно. Последнія качества находятъ извѣстное извиненіе въ плохомъ вознагражденіи, большею частью недостаточномъ для покрытія издержекъ на первыя потребности жизни.

Сильная административная *централизация*, не имѣющая себѣ равной, также, прежде всего, является результатомъ деспотіи. Если каждое дѣйствіе правительства должно вытекать изъ воли государя, то оно и должно исходить отъ него, а не отъ мѣстныхъ его замѣстителей. Децентрализація всегда уменьшаетъ абсолютную власть государя. Очень можетъ быть, что завоевательная политика также содѣйствовала централизаціи, потому что на стадіи полукультуры поддержаніе цѣлости такой большой монархіи можетъ достигаться только силой. Поддерживается ли она также однообразіемъ страны, какъ это часто утверждали, этотъ вопросъ я оставляю открытымъ. Централизація заходитъ дальше, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ государствѣ. Даже ничтожнѣйшія вещи должны рѣшаться въ Петербургѣ. При огромности разстояній и при медленности русской

бюрократіи это приводитъ къ крайнимъ замедленіямъ. Достаточно припомнить Сибирь и ея отдаленность до постройки сибирской желѣзной дороги. Часто бываетъ совершенно невозможно ожидать рѣшенія петербургскаго правительства. На практикѣ централизація приводитъ прямо къ произволу и своеволію чиновниковъ.

При этой централизаціи *территориальное дѣленіе* государства довольно безразлично. Провинціальныя власти являются скорѣе передаточными и наблюдательными, чѣмъ настоящими административными органами. Принципы управленія вездѣ одни и тѣ же. Что касается самоуправленія, то имѣются лишь слабыя, а въ послѣднее время еще ослабѣвшіе зачатки его, въ видѣ губернскихъ и уѣздныхъ земствъ и городскихъ думъ. Автономныя права Финляндіи (до послѣдняго времени), балтійскихъ провинцій, Польши все больше подавляются.

Въ отношеніи къ подданнымъ Русское государство не правовое, а *полицейское государство*. Личность здѣсь такъ регламентирована, такъ ограничена ея личная свобода, особенно свобода политическихъ мнѣній, какъ нигдѣ изъ государствъ Европы. Я укажу только на паспортную систему, на цензуру, на надзоръ за образовательными учрежденіями, на полицейскій надзоръ за всѣми политически неблаговажными, на суровыя наказанія, налагаемыя на нихъ административнымъ путемъ, на дурное обращеніе чиновниковъ съ народомъ. Свободное слово подавлено, свободные умы — въ Сибири или за границей. Но если оппозиція лишена легальныхъ выходовъ, она переходитъ къ насилію. Террористическихъ преступленій *) нельзя одобрить съ моральной точки зрѣнія, но они понятны, какъ естественная реакція противъ существующей системы правленія. На извѣстной культурной ступени опека надъ народомъ была необходима; безъ нея невозможна была бы европеизація. Но уже и тогда много повредилъ насильственный характеръ ея дѣйствій. При длительности же своего дѣйствія опека ослабляетъ народъ, убиваетъ всякую личную инициативу и, отчуждая отъ государства интеллигенцію, она подтачиваетъ его внутреннюю силу. Именно потому, что государство хочетъ быть всѣмъ, внутренне оно остается пустопорожнимъ. Последняя война показала съ устрашающей ясностью, въ какой степени политическій гнетъ можетъ подорвать живое чувство

*) A. Thun, Geschichte der revolutionären Bewegungen in Russland, Leipzig 1883. (А. Тунъ. Исторія революціонныхъ движеній въ Россіи. Спб. 1906).

преданности государству, и какой удар наносится этимъ и внѣшнему могуществу его.

Способы воздѣйствія русскаго государства на матеріальную и духовную культуру состоятъ главнымъ образомъ лишь въ полицейскихъ мѣропріятіяхъ. Гдѣ и есть добрыя желанія, тамъ не достаетъ для положительныхъ дѣйствій денежныхъ средствъ; тѣ небольшія денежные средства, какія можетъ доставить бѣдная по природѣ и стоящая лишь въ началѣ пути къ культурѣ страна, протавываются на внѣшнюю политику. Для того чтобы добыть необходимые средства на содержание войска и флота и на постройку необходимыхъ для стратегическихъ цѣлей желѣзныхъ дорогъ, правительство выставило, въ видѣ пошлинъ и податей, такія огромныя требованія къ крестьянскому населенію, что оно, какъ увидимъ дальше, на обширныхъ пространствахъ уже разорено. Постройка дорогъ является почти единственнымъ культурнымъ мѣропріятіемъ, а между тѣмъ какъ много еще предстоитъ разрѣшить культурныхъ задачъ! Ни у одного государства нѣтъ такого до смѣшного малаго бюджета на школы. Къ школамъ относятся здѣсь недовѣрчиво, потому что народное образованіе можетъ оказаться опаснымъ для деспотическаго образа правленія.

Русская политика движенія вширь вызвала удивленіе, и, дѣйствительно, въ ней есть величественныя черты. Можетъ быть, въ далекомъ будущемъ она пойдетъ и на благо русскому народу. Но нынѣ живущія поколѣнія должны за славу и благо будущаго расплачиваться цѣной матеріальной и духовной нищеты.

VI. Заселеніе и населеніе.

Заселеніе и преобразование страны.

По мѣрѣ возраставшаго распространенія русскаго народа и русскаго государства страна все больше и больше захватывалась человѣкомъ и преобразовывалась его трудомъ. Почти вся восточно-европейская низменность измѣнила свой первоначальный видъ подъ руками человѣка. Но всѣ эти измѣненія произведены были поздно, и не въ той степени, какъ въ странахъ Западной Европы. Въ общемъ на Западѣ Европы заселеніе закончилось въ средніе вѣка, а съ тѣхъ поръ культурой завоевывались только особенно недоступныя участки, какъ наприм., острова, рѣчныя низины, болота. Между тѣмъ въ Восточной Европѣ и теперь еще существуютъ большія пространства, не представляющія никакихъ затрудненій для заселенія и въ то же время незаселенныя или заселенныя слабо. Хозяйство ведется еще самымъ первобытнымъ способомъ; только въ немногихъ мѣстахъ въ обработкѣ земли перешли уже къ высшей культурѣ. Фермерское хозяйство, при которомъ земля обрабатывается гораздо лучше, и доходность отъ нея больше, сравнительно мало развито. Съ ходомъ развитія огромная разница въ естественныхъ свойствахъ различныхъ районовъ страны и въ занятіяхъ первыхъ поселенцевъ постепенно сгладилась. Сельское хозяйство, въ которомъ соединялись хлѣбопашество и скотоводство, встрѣчалось вначалѣ только въ западной части лѣсной полосы; теперь оно распространилось и въ ея восточной части и почти по всему степному краю; кочевое же скотоводство и чисто захватный способъ землевладѣнія отступили на отдаленный сѣверъ и юго-востокъ. Вслѣдствіе различія въ климатѣ и почвѣ и неоднородныхъ влияній со стороны сосѣднихъ народовъ, въ способахъ обработки земли установились замѣтныя различія. Поэтому и теперь еще мы

различаемъ рядъ типовъ земледѣльческихъ поселеній. Каждый такой типъ приуроченъ къ широкимъ полосамъ, размѣръ которыхъ соответствуетъ общимъ крупнымъ размѣрамъ низменности.

Совсѣмъ особенную область представляетъ *тундра*, т.-е. безлѣсное пространство на крайнемъ сѣверѣ. Эта полоса не доступна ни для земледѣлія, ни для обыкновеннаго скотоводства, а потому тутъ занимаются только разведеніемъ сѣверныхъ оленей. Такъ какъ каждый сѣверный олень сѣдаетъ довольно большое количество оленьяго моха (*Cladonia rangiferina*) и, по Карлу Фогту, необходимо, по крайней мѣрѣ, сто головъ оленей, чтобы прокормить семью, то стада часто должны мѣнять пастбища, приблизительно каждую недѣлю или разъ въ двѣ недѣли. Вслѣдствіе этого возможно только совсѣмъ рѣдкое заселеніе; человекъ со своими стадами теряется среди природы, и его исчезновеніе почти не измѣняетъ однообразнаго ландшафта.

Расположенный къ югу отъ тундры *лѣсной край* представляетъ область земледѣльческой колонизаціи, постепенно производившейся русскими, а на ряду съ ними и литовцами. Изъ исторіи мы видимъ, что русскіе и литовскіе земледѣльцы вначалѣ сосредоточивались на западѣ. По старому ученію, которое и теперь еще многими раздѣляется, они, какъ и германцы, занимались вначалѣ скотоводствомъ и только постепенно перешли къ хлѣбопашеству; но трудно вообще себѣ представить, какъ могли кочевники со своими стадами проникнуть въ дѣвственные лѣса сѣвера; гораздо болѣе вѣроятно предположеніе, что они перешли непосредственно отъ чисто захватнаго земледѣльческаго хозяйства къ болѣе регулярной обработкѣ земли, къ чему скоро присоединилось и скотоводство. Первоначально они вѣроятно селились на естественныхъ лѣсныхъ прогалинахъ, которыхъ особенно много на южной окраинѣ лѣсной полосы; но затѣмъ, и повидимому уже очень рано они перешли къ подсѣчному хозяйству, расчищенію лѣсовъ и обработкѣ лядинъ (вырубленныхъ участковъ лѣса, на которыхъ сожигается затѣмъ хворостъ и производится пахота). Приблизительно съ 1000-го года, съ основанія варяжскаго княжества и принятія византійской культуры, они проникли со своей колонизаціей въ прилегающую съ востока и сѣвера область финскихъ племенъ. Эти племена не занимались уже въ данную эпоху исключительно охотой и рыболовствомъ, но все же стояли еще на довольно первобытной культурной ступени; они

жили разрозненно, а потому не могли дать дружнаго отпора при вторженіи русскихъ.

Колонизація вызывалась различными мотивами и велась разнообразными способами. На сѣверѣ, какъ нѣсколько столѣтій позже для французовъ въ Канадѣ, главной приманкой являлся пушной промыселъ. Всѣ поселенія Приуралья основаны были торговцами изъ Новгорода и Пскова; это были торговые поселки, гдѣ русскіе купцы получали отъ финскихъ звѣролововъ мѣха въ обмѣнъ на произведенія западной промышленности. Какое значеніе имѣла эта колонизація, показываетъ то обстоятельство, что во всей сѣверной Россіи по ту сторону линіи, идущей отъ Пскова въ юго-восточномъ направленіи южнѣ Твери, Владиміра и Нижняго-Новгорода, говорятъ и до сихъ поръ на новгородскомъ нарѣчій. За купцомъ слѣдовалъ хлѣбопашецъ. Монастыри, по Милокову, не были, какъ въ нѣмецкихъ лѣсныхъ странахъ, пионерами земледѣльческой культуры; они шли по слѣдамъ другихъ первоначальныхъ поселенцевъ и умѣли увеличивать свое благосостояніе торговлей. Особенно въ центрѣ, въ нынѣшней Великороссіи, политическому присоединенію земель предшествовала колонизація крестьянскими поселками. Съ теченіемъ вѣковъ все въ большей и большей степени отдѣльные люди и семьи, спасаясь отъ насилій и притѣсненій, позже особенно раскольники, бѣглые крѣпостные и преступники, уходили въ лѣса и селились тутъ среди финскихъ племенъ или въ обширныхъ промежуткахъ между ихъ поселеніями.

Вообще лѣсной край по заселенію можно раздѣлить на двѣ области:

Полоса сѣверной части лѣсного края доходитъ на западѣ приблизительно до 60° параллели, на востокъ же опускается гораздо южнѣе. Поселенія здѣсь совпадаютъ приблизительно съ бассейнами рѣкъ, впадающихъ въ Сѣверный Ледовитый океанъ, а на востокъ захватываютъ и часть бассейна Волги; на западѣ изъ этой сѣверной полосы приходится исключить верховья Сухоны и Вологды, отнеся ихъ уже къ южной части лѣсного края. Частью здѣсь сохранились еще финскія племена, но въ ихъ среду все больше вдвигаются русскіе со своимъ болѣе культурнымъ веденіемъ хозяйства и осѣдлымъ образомъ жизни; но и финскія племена постепенно перенимаютъ русскіе способы обработки земли и образъ жизни, и на примѣръ у зырянъ такой переходъ замѣчается

уже съ XIV вѣка. Земледѣліе въ сѣверной части лѣсного края, совпадающей приблизительно съ поясомъ хвойныхъ и березовыхъ лѣсовъ, даетъ незначительные доходы и можетъ служить только побочнымъ занятіемъ, да и скотоводство, для котораго условія все же благоприятнѣе, только съ недавнихъ поръ становится на твердую почву. Главными средствами къ жизни долгое время служили здѣсь: рыболовство, охота, особенно за пушнымъ звѣремъ, и торговля мѣхами; но, вслѣдствіе истребленія пушного звѣря, мѣховая торговля все больше теряетъ значеніе. Въ настоящее время все большее значеніе получаетъ лѣсной промыселъ и торговля лѣсомъ. Населеніе здѣсь очень рѣдкое. Оно, по большей части, разбросано по рѣкамъ, которыя въ этой лѣсной странѣ являются единственными путями сообщенія. Даже на картахъ небольшого размѣра, какъ на этнографической картѣ Риттиха, можно замѣтить, что поселенія располагаются вдоль опредѣленныхъ линій, между которыми остаются огромныя незаселенныя пространства. Хотя съ лѣсомъ обращаются прямо безжалостно, онъ все же покрываетъ еще большую часть этой области. Итакъ, и здѣсь еще, какъ и въ тундрѣ, человѣкъ со своей культурой отстываетъ на задній планъ передъ природой.

Въ южной части поселеній лѣсного края, гдѣ, кромѣ березы, встрѣчаются и другія лиственные деревья и которую можно сравнить съ болѣе холодной частью сѣверо-германской низменности, вначалѣ занимались тоже только добывающими промыслами. Охота на бобровъ и другихъ пушныхъ звѣрей, собираніе меда и рыболовство являлись главными средствами къ жизни; но хлѣбопашество брало все больше верхъ надъ добывающими занятіями, хотя земледѣліемъ и до сихъ поръ трудно еще здѣсь заниматься, и оно даетъ довольно скудный доходъ. Поселенія въ этой части гораздо старше и не ограничиваются, какъ въ сѣверной части, рѣчными полосами, а расположены уже на болѣе обширныхъ площадяхъ. Но и здѣсь мы ихъ находимъ только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ можно устроиться безъ особой затраты энергіи; отъ болѣе крупныхъ культурныхъ работъ эти поселенцы еще далеки. Только въ послѣднее время отчасти осушены и заселены нѣкоторыя болота по Припяти; но многія огромныя болота все еще остаются неосушенными. При томъ первобытномъ способѣ хлѣбопашества, который и до сихъ поръ еще царитъ на востокѣ этого края, земли, дающія пло-

хой урожай, бросаются и опять зарастаютъ лѣсомъ. Съ другой стороны, съ лѣсами обходятся прямо безпощадно, такъ какъ лѣсъ необходимъ въ большомъ количествѣ для удовлетворенія самыхъ разнообразныхъ потребностей. Дороги во многихъ мѣстахъ лѣсного края уложены бревнами. Всѣ дома построены изъ дерева и, вслѣдствіе частыхъ пожаровъ, должны каждыя двадцать-тридцать лѣтъ строиться заново. Еще недавно единственнымъ горючимъ матеріаломъ были дрова; при длинныхъ суровыхъ зимахъ и привычкѣ русскихъ къ теплу много дровъ требуется уже въ домашнемъ обиходѣ; за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ расходъ лѣса страшно увеличился для удовлетворенія потребностей желѣзныхъ дорогъ, фабрикъ и быстро развивающейся продажи лѣса за границу. Уже въ концѣ XIX вѣка истребленіе лѣса стало такъ замѣтно, что противъ него былъ изданъ законъ, но правильное лѣсоводство развивается все еще слабо. До сихъ поръ лѣсъ занимаетъ мѣстами огромныя пространства и составляетъ гораздо болѣе существенную часть ландшафта, нежели въ Германіи; но онъ рѣдко бываетъ красивъ и густъ; чаще онъ рѣдокъ, съ большими просѣками, поросшими кустарникомъ. Пространства болѣе культурнаго вида мы находимъ въ Прибалтійскомъ краѣ и отчасти на западѣ Малороссіи, гдѣ, благодаря влиянію странъ съ болѣе старой культурой и благодаря болѣе мягкому климату, оказалось возможнымъ перейти къ болѣе высокимъ формамъ сельскаго хозяйства. На востокѣ и въ Бѣлороссіи усовершенствованій въ обработкѣ полей введено еще очень мало, и первыя попытки не были особенно успѣшны. На западѣ еще въ концѣ среднихъ вѣковъ возникли города, но, за немногими исключеніями, они не достигли особеннаго расцвѣта. Востокъ же долгое время оставался настоящимъ крестьянскимъ царствомъ; большинству городовъ тутъ еще до сихъ поръ недостаетъ настоящей городской жизни. Но въ серединѣ прошлаго столѣтія, вслѣдствіе огромнаго переворота въ промышленной жизни, среди лѣсовъ выросли огромныя фабричныя поселки, которые превращаются въ настоящіе города.

Въ переходной полосѣ отъ лѣсного края къ степи первоначальныя поселенія произошли вѣроятно такъ же, какъ и въ лѣсномъ краѣ, но мы можемъ предполагать, что они возникли здѣсь раньше и развились скорѣе. Когда населеніе стало гуще, то началось особенно безжалостное истребленіе лѣса, а такъ какъ лѣсовъ здѣсь

вообще не особенно много, то это было тѣмъ болѣе вредно. Сомнительно, чтобы отъ истребленія лѣсовъ климатъ измѣнился настолько, какъ предполагали вначалѣ, но что условія распредѣленія водъ стали хуже, это несомнѣнно. Вся эта область въ настоящее время почти сплошь представляетъ земледѣльческую страну.

Совершенно иначе началось заселеніе въ степномъ краѣ. Степь лежала свободной предъ человѣкомъ и ему не нужно было вести трудной борьбы съ естественнымъ растительнымъ покровомъ. Именно потому здѣсь одержало первоначально побѣду кочевое скотоводство, и только на сѣверной и западной границѣ степного края занимались, кромѣ того, и хлѣбопашествомъ въ довольно значительномъ размѣрѣ. Въ концѣ среднихъ вѣковъ степной край находился въ рукахъ татаръ. Только съ XIV и XV вѣка, а въ большемъ размѣрѣ только съ завоеванія Астраханскаго и Казанскаго ханствъ въ XVI вѣкѣ, начинается проникать сюда съ сѣвера хлѣбопашество. Селиться отдѣльными поселками или основывать монастыри, какъ въ лѣсномъ краѣ, въ степи было невозможно: этому препятствовала воинственность ихъ кочевыхъ обитателей. Началомъ здѣсь русской колонизаціи можно считать своеобразныя поселенія *казаковъ*. По теченію Днѣпра и особенно у его пороговъ поселились малорусскіе казаки, которые получили названіе запорожцевъ, а по рѣкѣ Дону, и затѣмъ въ XVI столѣтіи по Волгѣ и Тереку, и великорусскіе. Вначалѣ это не были планомѣрныя государственныя поселенія; здѣсь просто селились бѣглецы и любители приключеній, искавшіе себѣ убѣжища. Сосѣдство съ татарами принудило ихъ къ военной организаціи; они образовали большія дружины, во главѣ которыхъ становился выбранный ими атаманъ. Къ польскому и русскому государствамъ они имѣли только косвенное отношеніе; они служили имъ пограничной стражей противъ татаръ, но порой и сами производили разбойничьи набѣги на эти государства. Ихъ образъ жизни напоминалъ татарскій: рыболовство и охота, скотоводство и набѣги за добычей, — при чемъ все это велось артельно, — было, въ той же степени какъ и у татаръ, ихъ средствами существованія. Земледѣіе совсѣмъ отступало на задній планъ, а мѣстами было строго запрещено. Самого высокаго расцвѣта казачество достигло въ первой половинѣ XVII вѣка. Слава объ ихъ геройскихъ побѣдахъ надъ татарами распространилась по всей Россіи. Казакъ являлся идеаломъ свободного человѣка,

онъ сталъ героемъ народной поэзіи. Скоро силы казаковъ стали такъ велики, что русскому и польскому государству пришлось бороться съ ними. Въ концѣ XVIII столѣтія Екатеринѣ II удалось сломить силу и независимость запорожцевъ; они были переселены на Кубань. Умирены были и яицкіе (уральскіе) казаки. Позже были устроены военныя пограничныя линіи по Тереку, въ Оренбургскомъ краѣ, въ Сибири. Въ старыхъ земляхъ казаковъ и въ мало населенномъ прежнемъ татарскомъ краѣ возникли земледѣльческіе поселки, отчасти основанные распространявшимся съ запада малоруссами (переходившими сюда изъ правобережной Украины), отчасти созданные великорусскими земледѣльцами, подвигавшимися къ югу по мѣрѣ выдвиганія сюда военныхъ постовъ и укрѣпленій. Въ XVII вѣкѣ такимъ образомъ были заселены губерніи: Орловская, Курская и Харьковская, а въ слѣдующія два столѣтія вся степь до Чернаго и Азовскаго морей была захвачена колонизаціей. Но еще недавно половина степного края была необработана. Здѣсь занимались главнымъ образомъ овцеводствомъ и коневодствомъ *), теперь же большая часть степей покрыта воздѣланными полями. „Украина казаковъ и Мазены потеряла свою старую дикую прелесть“, говоритъ *Леруа-Болье*. „Плугъ завладѣлъ ею. Пустынные равнины, среди которыхъ терялись когда-то арміи Карла XII, раздѣлены теперь на участки и покрыты хозяйственными постройками. Гоголевскія степи, какъ и преріи Купера, отойдутъ скоро въ область воспоминаній“. Впрочемъ, пока еще главной хозяйственной системой является переложная. При этомъ черезъ нѣсколько лѣтъ или нѣсколько десятковъ лѣтъ плодородіе почвы истощается; земля забрасывается, превращается въ степь и опять на ней начинаютъ пастись стада. Только въ особенно сухихъ степяхъ и полупустыняхъ Манычской низины и на востокъ отъ Волги сохранились еще кочевыя племена съ ихъ жизнью, основанной на кочевомъ скотоводствѣ. Но и въ эти области постепенно проникаютъ, особенно по линіямъ желѣзныхъ дорогъ, осѣдлые русскіе хлѣбопашцы. Благодаря этому все больше и больше урѣзываются пастбища, и ихъ становится уже недостаточно для прокормленія стадъ. Подъ давленіемъ нужды населеніе начинаетъ переходить къ земледѣлію; первоначально кочевникъ старается

*) Живое описаніе прежнихъ условій даетъ *Kohl* („Путешествіе по южной Россіи“. Берлинъ, 1841).

сдать свою землю въ аренду крестьянину, но постепенно онъ и самъ берется за плугъ. Легкія кибитки съ ихъ подушками и коврами замѣняются осѣдлыми жилищами. Особенно рѣзокъ этотъ переходъ у башкировъ; у киргизовъ, калмыковъ и ногайскихъ татаръ онъ замѣчается еще слабо. Въ области Каспійской впадины заниматься земледѣіемъ можно только при помощи крупныхъ оросительныхъ сооружений.

Движеніе и распредѣленіе населенія.

Съ увеличеніемъ населенія и развитіемъ сельскохозяйственной культуры совершенно измѣнилось, конечно, прежнее распредѣленіе населенія; но выразить въ цифрахъ это измѣненіе въ данномъ случаѣ еще трудно, нежели въ другихъ странахъ. Въ древнія времена вѣроятно не было многочисленно ни населеніе лѣсовъ съ ихъ мало прибыльнымъ хлѣбопашествомъ, охотой, рыбной ловлей и еще еле развитымъ кустарнымъ производствомъ, ни кочевое населеніе степей; безпрестанныя, истребительныя войны тоже должны были сильно задерживать ростъ населенія. Только подъ вліяніемъ европейской культуры населеніе стало размножаться быстрѣе; еще въ первой четверти XVIII столѣтія населеніе восточно-европейской равнины въ пять милліоновъ кв. килом. не превышало 20 милліоновъ, т.-е. на одинъ квадратный км. приходилось по четыре человѣка. Къ началу XIX столѣтія населеніе равнялось 35 милліонамъ, т.-е. почти удвоилось. Въ серединѣ XIX вѣка (1851 г.) оно дошло уже до $52\frac{3}{4}$ милліоновъ, а въ концѣ XIX вѣка, по однодневной переписи 1897 года, равнялось $94\frac{1}{4}$ милліонамъ. Изъ этихъ данныхъ мы видимъ, что увеличеніе населенія происходило въ XIX вѣкѣ гораздо быстрѣе, особенно въ его концѣ, нежели въ XVIII. Въ то время, какъ почти весь XVIII вѣкъ населеніе держалось на 15 милліонахъ, оно въ началѣ XIX вѣка увеличилось на $17\frac{1}{2}$ милліоновъ, а въ концѣ, въ 1900 году, доходитъ до 97 милліоновъ, т.-е. умножилось на $44\frac{1}{2}$ милліона, или среднимъ числомъ населеніе возрастало ежегодно на 900.000 человѣкъ. Населеніе въ настоящее время втрое больше, нежели въ началѣ, и вдвое, нежели въ серединѣ протекшаго столѣтія.

Это невѣроятное увеличеніе населенія только до нѣкоторой степени явилось результатомъ иммиграціи, главной же его причиной

былъ естественный приростъ коренного населенія. Правда, что съ царствованія Петра Великаго въ Россію переселилось изъ Германіи не мало разныхъ мастеровыхъ, техниковъ и купцовъ; еще болѣе нѣмецкихъ и другихъ колонистовъ было поселено на югѣ Россіи и въ Приволжскомъ краѣ; но эту колонизацію нельзя сравнить съ европейскими переселеніями въ Сѣверную Америку и Австралію. Европейская колонизація въ увеличеніи населенія Россіи сыграла небольшую роль. Скорѣе можно сказать, что восточная низменность является областью выселенія. Выселеніе евреевъ въ западную Европу представляется сравнительно маловажнымъ. Но выселеніе въ Сибирь, на Кавказъ и въ русскую среднюю Азію довольно значительно и превышаетъ иммиграцію; въ политическомъ отношеніи оно является лишь внутреннимъ переселеніемъ и потому трудно поддается учету, но по отношенію къ восточной низменности оно несомнѣнно—выселеніе. Такимъ образомъ, движеніе населенія въ восточно-европейской низменности всецѣло основано на естественномъ приростѣ и совѣмъ не подходитъ по типу къ колониальнымъ странамъ, въ которыхъ иммиграція играетъ выдающуюся роль; напротивъ, оно гораздо больше приближается въ этомъ отношеніи къ странамъ западной Европы. Но оно отличается отъ послѣднихъ степенью и характеромъ естественнаго прироста. Въ западной Европѣ населеніе ужъ настолько густо, что увеличеніе его не можетъ происходить съ прежней быстротой, въ восточной же Европѣ мы этого еще не замѣчаемъ: страна еще слабо заселена и сельскохозяйственная культура находится въ періодѣ развитія*); къ тому же общинное землевладѣніе избавляетъ отъ необходимости того ограниченія дѣторожденія, которое въ странахъ съ полной частной собственностью вызывается заботами о поддержаніи потомства. Поэтому-то мы и находимъ тутъ такое огромное количество рано заключаемыхъ браковъ и большую рождаемость (около 50‰ по сравненію съ 38‰ въ Германіи). Съ другой стороны, подъ вліяніемъ матеріальной необезпеченности, которая свойственна низкимъ культурамъ, въ зависимости отъ эпидемій, голода, мы тутъ видимъ и большую смертность (среднимъ числомъ 36‰ по сравненію съ 23‰ въ Германіи). Результатомъ все же является, за исключеніемъ года русско-турецкой войны, перевѣсъ рождаемости надъ смертностью

*) О вліяніи страшныхъ голодовокъ послѣдняго десятилѣтія трудно еще судить по статистическимъ даннымъ.

(около 14‰ противъ 12—13‰ въ Германіи). Такое размноженіе относится къ типу, названному Г. Мейеромъ лихорадочнымъ; вполне понятно, что оно представляется менѣе благопріятнымъ, нежели такой же приростъ, который является при меньшей рождаемости и при меньшей смертности. Какихъ-нибудь замѣтныхъ измѣненій въ смертности и рождаемости пока не замѣчается; а такъ какъ въ Россіи развитіе сельскаго хозяйства не идетъ вровень съ приростомъ населенія, то очень возможно, что скоро наступитъ время относительнаго перенаселенія, при которомъ естественные источники продовольствія будутъ недостаточны для прокормленія населенія; спасти отъ этого можетъ лишь полнѣйшее преобразованіе всѣхъ хозяйственныхъ отношеній.

Въ различныхъ областяхъ движеніе населенія очень различно. Хотя восточно-европейская низменность въ общемъ является странною съ замкнутымъ движеніемъ населенія, но все же въ теченіе исторіи въ ней происходили значительныя внутреннія переселенія, не прекращающіяся и до сихъ поръ. Причиной этого является неравномѣрное распредѣленіе населенія: относительная перенаселенность въ однихъ частяхъ и рѣдкость населенія въ другихъ областяхъ страны. Такимъ образомъ эти переселенія вызываются тѣми же мотивами, какъ и въ молодыхъ колониальныхъ странахъ.

Возможность подобнаго явленія съ старомъ государствѣмъ объясняется низкой культурой и низменнымъ характеромъ страны. Русскій, вслѣдствіе болѣе низкой культуры страны, не такъ сильно прикрѣпленъ къ территоріи, какъ житель западной Европы. Впрочемъ, внутреннія передвиженія являются только изрѣдка настоящими переселеніями, болѣе же частью это уходъ на время; крестьяне сельскохозяйственныхъ областей лѣснаго края и изъ черноземнаго края отправляются въ города, на фабрики или на луговья пространства юга на работу, а въ свои деревни возвращаются только къ уборкѣ хлѣба. Приблизительно полтора милліона людей переселяются ежегодно подобнымъ образомъ. Эти временныя переселенія вліяютъ и на численное отношеніе половъ: въ промышленныхъ центрахъ внутренней Россіи, гдѣ особенно развиты отхожіе промыслы, преобладаютъ женщины (до 120 женщинъ на 100 мужчинъ), въ столицахъ, большихъ фабричныхъ городахъ и на югѣ преобладаютъ мужчины (порой только 80 женщинъ на 100 мужчинъ).

Приростъ населенія въ различныхъ частяхъ страны можно съ

извѣстною точностью прослѣдить только за послѣднее полстолѣтіе, въ промежутокъ отъ первой болѣе удовлетворительной переписи (1851 года) до переписи 1897 года. Увеличеніе населенія восточно-европейской низменности среднимъ числомъ равняется 78‰, но въ различныхъ естественныхъ районахъ, которые можно составить изъ нѣсколькихъ губерній, оно колеблется между 35‰ и 165‰. Увеличеніе было сравнительно невелико въ сѣверной Россіи (53‰), въ трехъ Прибалтійскихъ губерніяхъ (54‰), во всей центральной Великороссіи, включая сюда и сѣверную часть черноземной полосы (35—57‰), въ средней части Приволжскихъ губерній (Казанской, Симбирской и Саратовской 61‰). Гораздо больше былъ приростъ въ восточной части лѣснаго края (Пермская и Вятская губернія 71‰), на сѣверо-западѣ Великороссіи (119‰), при чемъ тутъ большая часть прироста приходится на Петербургъ, во всей западной Россіи (приблизительно 100‰), въ западной и южной части черноземной полосы (105 и 80‰), но особенно великъ приростъ въ Новороссіи (165‰) и въ мѣстностяхъ, лежащихъ на востокъ отъ вѣжней Волги (Самарская, Астраханская, Уфимская и Оренбургская губ. 126‰). Итакъ, мы видимъ, что на югѣ и юго-востокѣ, гдѣ населеніе до послѣдняго времени было рѣдко и гдѣ только недавно стало развиваться земледѣліе, населеніе увеличилось болѣе всего; наоборотъ, развитіе промышленности повлекло за собой гораздо меньшее увеличеніе населенія, вѣроятно потому, что на фабрики идутъ обыкновенно окрестные крестьяне. Ростъ населенія въ западной Россіи, вѣроятно, зависитъ отъ того, что культура здѣсь въ болѣе, чѣмъ прежде, степени, завоевываетъ лѣса и болота.

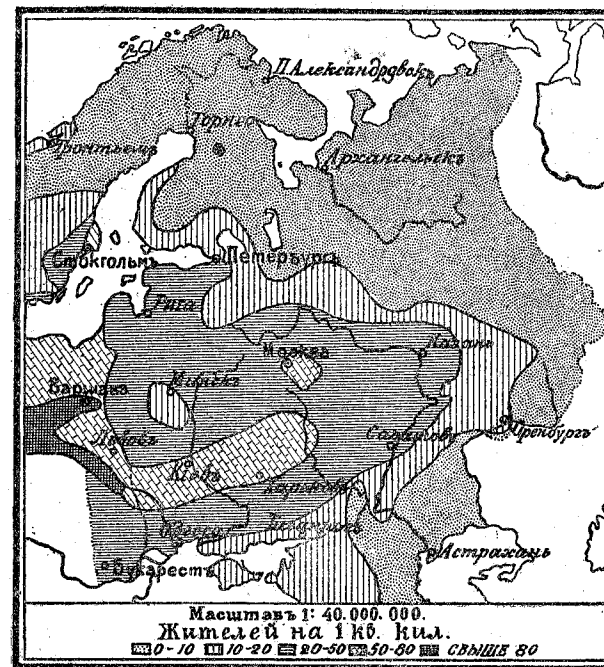
Увеличеніе населенія въ восточной Европѣ идетъ совсѣмъ другими путями, чѣмъ въ западной. Въ то время, какъ въ западной Европѣ въ густо населенныхъ мѣстностяхъ замѣчается самый сильный приростъ, а въ областяхъ, населенныхъ слабѣе, даже нѣкоторое уменьшеніе населенія, (такъ какъ размѣры земледѣльческаго населенія почти что пришли въ равновѣсіе съ естественными источниками пропитанія), то приростъ приходится главнымъ образомъ на фабричное и городское населеніе. Между тѣмъ въ восточной Европѣ съ половины прошлаго столѣтія, а быть можетъ и нѣсколько раньше, произошло извѣстное уравненіе между густо и слабо населенными мѣстностями: слабо населенныя мѣстности получили

большій приростъ, и различія въ количествѣ населенія стали меньше. Въ срединѣ прошлаго столѣтія въ Россіи было еще много мѣстностей, доступныхъ земледѣлію, но оно по разнымъ историческимъ причинамъ было въ зачаточномъ состояніи и только съ середины прошлаго вѣка земледѣліе начинаетъ здѣсь быстро развиваться. Въ нашемъ столѣтіи приростъ населенія будетъ, вѣроятно, идти другими путями, именно подобно тому, какъ въ западной Европѣ, такъ какъ теперь въ восточно-европейской низменности только юго-востокъ представляетъ собою область, населеніе которой еще слишкомъ рѣдко по отношенію къ ея пространству.

Въ мѣстностяхъ съ небольшимъ приростомъ не велика и рождаемость, въ мѣстностяхъ же съ большимъ приростомъ населенія рождаемость велика. Это является доказательствомъ того, что главнымъ факторомъ увеличенія населенія служитъ естественный приростъ. Если, благодаря разницѣ въ приростѣ населенія, густота населенія до извѣстной степени сравнивалась, то все же и до сихъ поръ различія въ ней еще велики и долго еще останутся такими въ зависимости отъ тѣхъ или иныхъ природныхъ условій *). Среднимъ числомъ на восточно-европейской низменности живетъ 20 человѣкъ на 1 кв. км., что составляетъ пятую часть густоты населенія въ Германіи. Въ недоступной земледѣлію сѣверной части лѣсного края и въ тундрѣ приходится 1½ человѣка на 1 кв. км., а въ Архангельской губерніи приходится на каждаго человѣка по 2 кв. км. Южная часть Вологодской губерніи, Новгородской (съ 11), Костромской (съ 17) и Вятской (съ 20 жит. на 1 кв. км.) представляютъ переходъ къ болѣе густо населенной средней Россіи. Во всей земледѣльческой южной части лѣсного края населеніе распределено довольно равномерно; оно колеблется между 20 и 40 чел. на 1 кв. км., т. е. почти то же, что въ мекленбургской, померанской и прусской озерной полосѣ, при чемъ замѣтно увеличеніе густоты населенія къ югу. Промышленные области Московской и Владимірской губерній населены нѣсколько гуще, хотя лишь немного плотнѣе, чѣмъ бѣдныя промышленностью области западнаго края, обладающія зато болѣе мягкимъ климатомъ и болѣе плодородностью почвы. Въ болотистомъ припятьскомъ полѣсьи, несмотря на успѣхи куль-

*) Хорошіе обзоры даютъ *Zupang* „Населеніе земли“ X, стр. 568 и слѣд., и *Литовъ* „Annales de Géographie“, VII, стр. 266 и слѣд. Хорошая карта густоты населенія *Бертрана* приложена къ книгѣ *Бонмарьяжа*.

туры, населеніе все еще остается ниже 20 жит. на 1 кв. км. Большимъ плодородіемъ чернозема обуславливается и большая густота населенія (среднимъ числомъ между 40 и 50 жит. на 1 кв. км.). Ее можно сравнить съ густотой населенія въ плодородной полосѣ сѣверо-германской низменности и менѣе плодородной части средней Германіи; при настоящемъ положеніи народнаго хозяйства въ Россіи эта область уже перенаселена. Въ Кіевской и Подольской гу-

Плотность населенія.

берніяхъ, поставленныхъ въ особенно благоприятныя условія, благодаря ихъ западному положенію, населеніе доходитъ до 70 жит. на 1 кв. км. Густота населенія уменьшается въ нижнемъ Поволжьи и въ Новороссіи вслѣдствіе ихъ болѣе поздняго заселенія и менѣе благоприятныхъ условій почвы до 30—40 жит. на одинъ кв. км.; на юго-востокѣ и востокѣ, въ Донской области (16 жит.), въ Самарской (18), Уфимской (19), Пермской (9), Оренбургской (8) и Астраханской губ. (4½) мы находимъ такое же рѣдкое населеніе, какъ и на сѣверѣ.

Села и города.

Поселения человека, по ихъ типу и размѣрамъ, проявляютъ характерныя особенности, въ зависимости отъ способа расселенія и народнаго хозяйства въ той или иной области. Оленеводы тундры живутъ небольшими группами въ легкихъ передвижныхъ чумахъ. Въ сѣверной части лѣсного края поселки тоже очень малы и часто состоятъ изъ отдѣльныхъ дворовъ; человеку тутъ нужно большое пространство земли для пропитанія, и при большихъ деревьяхъ большія разстоянія создали бы существенное неудобство; а такъ какъ никакой опасности со стороны вѣшнихъ враговъ не угрожаетъ, то это тоже не заставляетъ селиться болѣе крупными группами.

Да и въ южной части лѣсного края, по Кесслеру, первоначально преобладали отдѣльные дворы или небольшіе поселки, такъ какъ и здѣсь потребность быть поближе къ лугамъ и пашнямъ была сильнѣе необходимости защиты. Въ Прибалтійскомъ краѣ эти условія сохранились до сихъ поръ; но въ остальной Россіи съ конца XV столѣтія, съ увеличеніемъ населенія, введеніемъ трехпольной системы и общиннаго землевладѣнія замѣчается переходъ къ другой формѣ поселеній: населеніе стягивается въ большія деревни. Въ Бѣлоруссіи, Литвѣ и въ озерномъ краѣ села до сихъ поръ имѣютъ отъ 50—100 жителей, а въ Московской губерніи среднимъ числомъ 160 человекъ; величина сель какъ будто связана здѣсь съ развитіемъ промышленности. Въ степномъ краѣ селенія больше. Станицы казаковъ должны были быть велики уже изъ-за постоянныхъ набѣговъ татаръ; да и теперь вслѣдствіе недостатка въ водѣ поселенія возможны только въ немногихъ мѣстахъ, а потому они бываютъ всегда велики. Въ черноземномъ краѣ и Новороссіи въ селахъ среднимъ числомъ насчитывается отъ 300—400, а по Волгѣ и въ юго-восточной степи отъ 400 до 500 жителей. Разстояніе между деревней и полемъ бываетъ часто очень велико; а потому во время спѣшныхъ сельскохозяйственныхъ работъ крестьяне оставляютъ деревни и живутъ въ полѣ, въ наскоро сдѣланныхъ шалашахъ. По способу постройки всѣ деревни въ лѣсной Россіи сходны; построенны изъ дерева избы вытянуты обыкновенно въ двѣ длинныя параллельныя линіи, между которыми тянется, для предупрежденія пожара, широкая улица,

однимъ рядомъ своихъ избъ часто примыкающая къ рѣкѣ. Въ степной полосѣ избы смѣняются хатами-мазанками, разбросанными иногда менѣе правильно и окруженными обыкновенно плодовыми садами. Совсѣмъ другой типъ поселенія мы находимъ только на юго-востокѣ Россіи, въ стойбищахъ кочевниковъ съ ихъ подвижными войлочными кибитками.

Настоящіе города возникали въ старое время почти только подъ вліяніемъ западно-европейской культуры, особенно въ Прибалтійскомъ краѣ, а также въ Польшѣ и въ Малороссіи. Въ Великороссіи, гдѣ ремесла замѣнялись кустарнымъ производствомъ, а осѣдлая торговля—коробейниками и ярмарками, недоставало необходимыхъ условій для образованія городовъ. Всѣ такъ называемые города болѣе древняго періода имѣли, за немногими исключеніями, чисто деревенскій характеръ; только кремль, игравшій роль замка и крѣпости, отличался, какъ мѣстопробываніе князей и воеводъ, отъ остальныхъ частей города; онъ былъ обнесенъ стѣной съ башнями, иногда каменной. Только въ сѣверо-западныхъ частяхъ Великороссіи, болѣе близкихъ къ Прибалтійскому краю, торговля вызвала возникновеніе такихъ городовъ, какъ Новгородъ и Псковъ. Лишь въ западной Россіи сохранились болѣе древніе города, какъ Гродна, Вильна, Смоленскъ; во всей восточной Россіи они отсутствуютъ. Здѣсь городская жизнь развилась лишь въ позднѣйшее время; въ древне-русскихъ владѣніяхъ эта жизнь особенно развилась въ старыхъ столицахъ, какъ Москва, Кіевъ и т. д. Во вновь завоеванныхъ и недавно заселенныхъ областяхъ возникли новые города. Здѣсь во второй половинѣ прошлаго столѣтія подъ вліяніемъ развитія промышленности и торговли возникло много городовъ, выраставшихъ, какъ грибы, съ американской быстротой. Несмотря на это, городовъ въ восточной Европѣ и до сихъ поръ гораздо менѣе, нежели въ западной Европѣ. Они въ 10—20 разъ отстоятъ дальше одинъ отъ другого, нежели тамъ; только восьмая часть населенія состоитъ въ Россіи изъ горожанъ, тогда какъ въ Германіи горожане составляютъ третью часть населенія. Всего въ Россіи 43 города съ населеніемъ свыше 50.000, 14 городовъ, имѣющихъ свыше 100.000, 5—городовъ—свыше 200.000 и 2 города—свыше 1.000.000 жителей.

Внѣшній видъ городовъ представляетъ много мѣстныхъ отличій. Города западной Россіи строились изъ камня, съ массивными ка-

менными стѣнами, большими монастырями и соборами; они болѣе или менѣе обладали вѣдностью западно-европейскихъ городовъ, хотя всегда отставали отъ послѣднихъ, а особенно отстали за послѣднее время. Прибалтійскіе приморскіе города напоминаютъ нѣмецкіе города побережья Балтійскаго моря, въ то время какъ внутреннимъ городамъ западной Россіи придало особый отпечатокъ многочисленное еврейское населеніе. Города восточной Россіи, наоборотъ, имѣютъ чисто національныя особенности; это, впрочемъ, не придаетъ имъ особой прелести. Они состояли да и теперь по большей части состоятъ изъ деревянныхъ построекъ. Москва лишь со времени большого пожара 1812 г., по крайней мѣрѣ въ своей внутренней части, перешла къ каменнымъ постройкамъ, ея примѣру послѣдовали и большіе губернскіе города. Улицы,—большей частью широкія,—плохо или совсѣмъ не мощены, а потому на нихъ вѣчно или грязь, или ужасная пыль. Церкви построены обыкновенно въ византійскомъ стилѣ съ большими зелеными или вызолоченными куполами. Дома большею частью одноэтажные и, во всякомъ случаѣ, невысокіе, почему даже маленькіе города покрываютъ большія площади; дома построены довольно примитивно и выкрашены яркими красками. Торговля сосредоточена по восточному обычаю на базарѣ (гостинный дворъ). Благодаря этому обстоятельству остальной городъ очень мало оживленъ.

Особенно замѣтна растянутость городовъ въ степномъ краѣ, города котораго какъ бы разливаются по степи. Приходится постоянно остерегаться пожаровъ, что происходитъ не только отъ деревянныхъ построекъ, но и отъ безграничной беззаботности населенія. Деревянная каланча, съ которой сторожъ высматриваетъ пожаръ, является характерной особенностью русскихъ городовъ. Большинство городовъ неоднократно выгорали въ значительной части или даже совершенно. Потому-то русскіе города такъ неисторичны по вѣдшему виду, и въ нихъ почти отсутствуютъ древнія постройки. Въ Кіевѣ только развалины древнихъ воротъ и нѣсколько мозаикъ въ совершенно перестроенномъ Софійскомъ соборѣ напоминаютъ о блескѣ прежней культуры, да и въ Москвѣ только Кремль и нѣсколько церквей могутъ быть отнесены къ болѣе древнему періоду. Магометанско-татарская культура тоже сохранилась только въ немногихъ городахъ: извѣстное впечатлѣніе Востока получаешь въ татарскомъ предмѣстьѣ Казани; настоя-

щимъ своеобразнымъ восточнымъ городомъ осталась только бывшая столица крымскихъ хановъ—Бахчисарай.

Столица Россіи въ теченіе столѣтій нѣсколько разъ мѣняла мѣсто, и это всегда находилось въ зависимости отъ того вѣдшняго вліянія, подѣ которымъ находилась Россія. Во время основанія государства варягами столицей русскаго государства, которое, впрочемъ, скоро распалось, былъ Новгородъ, расположенный на сѣверо-западной окраинѣ русскихъ владѣній. Во время византійскаго вліянія мѣстожителемъ великаго князя былъ Кіевъ. Въ періодъ монгольскаго ига столицами великорусскаго государства, постепенно превращавшагося въ русское царство, стали сперва Суздаль, а затѣмъ Москва. Приморское положеніе Петербурга, напоминающее положеніе главныхъ городовъ большинства колоній, соответствуетъ эпохѣ усвоенія Россіей западно-европейской культуры.

Въ настоящее время *Петербургъ* является первымъ городомъ государства не только въ политическомъ отношеніи, но и по величинѣ, со своимъ 1½ милліономъ жителей. До сихъ поръ многіе держатся того мнѣнія, что Петербургъ—чисто искусственный городъ, и его величину приписываютъ исключительно мощной волѣ Петра Великаго. Правда, что первые поселенцы, особенно дворяне, поселились тутъ не по доброй волѣ, а были принуждены къ тому Петромъ Великимъ. Правда и то, что топографическія условія были здѣсь очень неблагопріятны, что болотистая почва доставляла большія затрудненія при постройкахъ, и они могли быть преодолены только сильной, прямо-таки тиранической волей. И все же такое мнѣніе—странное заблужденіе! Какъ будто воля царя можетъ побѣдить природу! Преимущества положенія были такъ велики, что всѣ трудности отодвинулись на задній планъ; Петръ Великій основалъ городъ, не идя противъ природы, а замѣтивъ, съ геніальной проицательностью, всѣ преимущества естественнаго положенія, и использовалъ ихъ благодаря своей, ни передъ чѣмъ не останавливающейся энергіи. Устье Невы, отъ которой безъ большого труда могли быть проведены водные пути къ Волгѣ и Сѣв. Двинѣ, являлось естественнымъ входомъ въ Великороссію. Поэтому въ то время, когда главной тенденціей русской политики было какъ можно ближе сойтись съ Европой, устье Невы было самымъ подходящимъ мѣстомъ для столицы. Оттого-то Петербургъ такъ быстро превратился въ самую главную прибалтійскую гавань. По

торговому значенію Петербургъ можно сравнить только съ Новгородомъ, перенесеннымъ на берегъ моря. Петербургскія церкви построены въ византійскомъ стилѣ, но во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ это болѣе или менѣе европейскій городъ: его расположение было задумано Петромъ Великимъ въ подражаніе Амстердаму; среди его населенія много иностранцевъ; прекрасная картинная галерея Эрмитажа содержитъ значительное число картинъ нидерландской, испанской и итальянской школы.

Москва, съ населеніемъ болѣе милліона жителей, нѣсколько отстала отъ Петербурга, но обладаетъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ еще большей жизненностью. Она осталась не только городомъ, въ которомъ коронуются русскіе цари, но и настоящей національной столицей, къ которой всегда стремится сердце русскаго. Только тутъ чувствуешь, что находишься не въ западной Европѣ. Не преувеличиваютъ, когда говорятъ, что по дорогѣ отъ Петербурга до Москвы переходишь границу Европы. Кремль, церковь Василия Блаженнаго и многое другое можно найти только въ Россіи. Въ Москвѣ находится національная Третьяковская картинная галерея. Кромѣ того, Москва является центральнымъ желѣзнодорожнымъ узломъ, самымъ большимъ торговымъ городомъ и центромъ русской промышленности. При бѣгломъ взглядѣ на карту кажется страннымъ, что Москва лежитъ не на Волгѣ или Окѣ, а на маленькой Москвѣ-рѣкѣ. Первымъ побужденіемъ къ основанію тутъ города было, вѣроятно, безопасное положеніе мѣста на крутомъ холмѣ; Кремль съ рѣки производитъ впечатлѣніе величественной крѣпости, и съ него открывается великолѣпный видъ на Замоскворѣчье. Москва-рѣка, впрочемъ, не такая ужъ маленькая, и въ прежнее время, въ особенности, она была доступна для торговыхъ судовъ. Благодаря своему центральному положенію между большими рѣками, Москва имѣетъ удобныя сообщенія со многими изъ нихъ, что было бы затруднительнѣе, если бы она лежала на Волгѣ или Окѣ. Москва долгое время была столицей Великороссіи, и въ самомъ дѣлѣ трудно было найти во всей восточной Европѣ мѣсто съ болѣе удобнымъ положеніемъ.

Изъ остальныхъ двухъ прежнихъ столицъ *Новгородъ* потерялъ всякое значеніе. Долгое время Новгородъ былъ блестящей торговой республикой, но онъ былъ завоеванъ и совершенно разрушенъ Иваномъ Грознымъ; его торговля перешла впоследствии къ Петер-

бургу. *Кіевъ*, расположенный на высокомъ берегу средняго Днѣпра, имѣетъ около полмилліона жителей; какъ главный городъ Малороссіи, онъ обладаетъ нѣкоторыми характерными національными особенностями. Въ настоящее время это вполне современный культурный городъ и является однимъ изъ самыхъ симпатичныхъ городовъ всей Россіи; какъ и съ Москвы-рѣки, съ Днѣпра открывается прекрасный видъ на городъ.

Послѣ обѣихъ столицъ, Петербурга и Москвы, самыми большими городами являются два порта: *Рига* (300.000 жит.) и *Одесса* (400.000 жит.). Расцвѣтъ торговли въ Ригѣ относится еще къ тому времени, когда шла ганзейская торговля между Прибалтійскимъ краемъ и западной частью настоящей Россіи. Положеніе при устьѣ Двины, на берегу далеко вдающагося въ сушу Рижскаго залива, безъ сомнѣнія благопріятствовало торговлѣ и способствовало тому, что Рига стала скоро однимъ изъ первыхъ торговыхъ городовъ Балтійскаго побережья. Позднѣе она была отодвинута на задній планъ Петербургомъ, не только потому, что онъ имѣлъ преимущества, какъ столица государства, но и потому, что у него было лучшее сообщеніе съ восточной Россіей, получавшей все большее значеніе. Рига въ своей старой части („Старая Рига“) — нѣмецкій городъ; по населенію въ немъ преобладаютъ нѣмцы и латыши.

Положеніе *Одессы* по первому впечатлѣнію кажется страннымъ; лежитъ онъ на краю степи, и портъ его представляется совершенно искусственнымъ. Забываютъ, что Одесса построена недалеко отъ того мѣста, гдѣ нѣкогда стояла древняя греческая колонія Ольбія. Когда Россія достигла Чернаго моря и на юго-западѣ ей быстро стало развиваться хлѣбопашество, непременно долженъ былъ возникнуть на сѣверо-западныхъ берегахъ Чернаго моря приморскій торговый пунктъ. Лучше всего для этой цѣли, казалось бы, годились устья рѣкъ, но они обыкновенно здѣсь загорожены отмелями и поэтому должны были уступить искусственной гавани Одессы. Одесса — красивый современный городъ; на постройку его домовъ пошло много мрамора, который привозится какъ балластъ итальянскими судами. Населеніе Одессы еще болѣе смѣшано, нежели въ Петербургѣ; кромѣ нѣмцевъ и евреевъ, здѣсь живутъ итальянцы (они особенно играли здѣсь роль въ первой половинѣ XIX вѣка) и греки.

Все остальные города России, за исключением Лодзи съ ея 315.000 населенія, имѣютъ менѣе 200.000 жит. Самые большіе изъ нихъ (съ населеніемъ больше 100.000) распределены довольно равномерно по всей Россіи. *Вильна* была когда то главнымъ городомъ Литвы, а затѣмъ однимъ изъ центровъ польской культуры (до 30-хъ годовъ XIX вѣка здѣсь былъ польскій университетъ); *Харьковъ* развивался какъ торговый центръ Слободской Украины. Возникновеніе *Екатеринослава* объясняется порогами, прерывающими тутъ судоходство по Днѣпру, а его позднѣйшее развитіе было обязано близости желѣзныхъ рудниковъ и многихъ заводовъ. Ростъ *Тулы* былъ вызванъ сосредоточившимся въ ней желѣзнымъ и оружейнымъ производствомъ. У *Нижняго-Новгорода*, при слияніи верхней Волги съ Окой, начинается большое судоходство по Волгѣ, еще недавно поддерживавшей все сообщенія съ восточной и юго-восточной Россіей. Отъ этого Нижегородская ярмарка получила такое огромное значеніе и въ продолженіе лѣтнихъ мѣсяцевъ населеніе Нижняго, вслѣдствіе ярмарки, увеличивается на много тысячъ. *Казань*—древній татарскій городъ—до сихъ поръ очень важенъ по своимъ сношеніямъ съ прикамскимъ краемъ. *Саратовъ*—важнѣйшая хлѣбная пристань на средней Волгѣ. *Ростовъ*—главная пристань на Дону. Если его значеніе увеличивается благодаря тому, что къ нему поступаетъ часть волжскихъ грузовъ, то, съ другой стороны ему вредитъ мелководье Азовскаго моря. *Астрахань*, у дельты Волги, является центральнымъ пунктомъ важнѣйшей рыбной ловли и передаточнымъ мѣстомъ между рѣчнымъ и морскимъ судоходствомъ.

Организованныя формы заселенія и населенія.

По мѣрѣ своего развитія заселеніе и населеніе каждой страны принимаетъ извѣстныя формы, изъ которыхъ вытекаетъ экономическое раздѣленіе труда и сословное распределеніе общества.

Заселеніе восточно-европейской низменности совершалось медленно и произошло значительно позже, чѣмъ въ странахъ западной Европы. Государственная жизнь установилась тоже позднѣе. Переходъ отъ чистаго сельскаго хозяйства къ образованію городской жизни съ обособившейся промышленностью произошелъ гораздо позже и былъ менѣе интенсивенъ. Потому-то и измѣненія организациі произошли тоже въ болѣе позднее время.

Русскій народъ вначалѣ, вѣроятно, состоялъ изъ свободныхъ крестьянъ. Только постепенно образовалось правящее дворянство, бояре, а въ связи съ этимъ произошло и порабощеніе массы населенія. Владѣніе землей все болѣе принимало характеръ помѣщичьяго хозяйства.

Помѣщикъ не могъ существовать безъ рабочихъ, а такъ какъ однообразная природа страны благопріятствовала легкости передвиженій, то онъ долженъ былъ всѣми силами бороться противъ свободы передвиженія крестьянъ. Въ видѣ вознагражденія помѣщиковъ за военную службу государство было принуждено давать имъ все болѣе власти надъ крестьянами. Въ 1592 году царь Борисъ Годуновъ отмѣнилъ свободу передвиженія крестьянъ и утвердилъ этимъ крѣпостное право. Въ продолженіе слѣдующихъ двухъ столѣтій крѣпостное право принимало все болѣе суровыя формы и въ концѣ-концовъ почти ничѣмъ не отличалось отъ рабства. Изъ прикрѣпленія къ клочку земли образовалось и личное рабство: крѣпостного можно было употреблять для работъ, не имѣющихъ никакого отношенія къ землѣ, и продавать безъ земли. Раньше всего крѣпостное право было введено въ лѣсномъ краѣ; отсюда оно распространилось и по черноземной степной полосѣ. Ускользнуть отъ него могли только слабо населенныя области сѣверной части лѣсного края и степи Новороссіи.

Если въ извѣстное время введеніе крѣпостного права вызывалось хозяйственной и государственной необходимостью, то впоследствии, особенно въ его крайней формѣ, оно явилось помѣхой для развитія культуры, такъ какъ было причиной небрежнаго веденія хозяйства, а также отупѣнія и деморализаціи народа. Послѣ тяжкихъ испытаній крымской кампаніи государство вынуждено было рѣшиться на отмѣну крѣпостного права (1861 г.). Это явилось однимъ изъ важнѣйшихъ шаговъ на пути къ культурѣ, какіе сдѣлала Россія. Къ сожалѣнію, шагъ этотъ не былъ сдѣланъ съ достаточной рѣшительностью; въ освободительныя мѣропріятія замѣшались реакціонныя опасенія, приведшія къ такимъ большимъ урѣзкамъ, что результаты освобожденія оказались во многихъ случаяхъ неблагоприятными какъ для крестьянскаго, такъ и для помѣщичьяго хозяйства.

Одновременно съ крѣпостнымъ правомъ утвердилось и ранѣе бывшее обычнымъ общинное землевладѣніе, которое до сихъ поръ

характерно для великорусской Россіи *). Долгое время его считали пережиткомъ того примитивнаго хозяйственнаго устройства, какое до сихъ поръ сохранилось у нѣкоторыхъ народовъ Балканскаго полуострова подъ названіемъ задруги. Но, судя по новѣйшимъ изслѣдованіямъ, кажется, что переходъ къ общинѣ отъ прежняго частнаго владѣнія произошелъ подъ вліяніемъ прироста населенія и перехода къ плановѣрному сельскому хозяйству, какъ это было и въ Германіи въ средніе вѣка. Переходъ совершился, какъ говоритъ Кейслеръ, одновременно и въ связи съ переходомъ отъ единичныхъ поселеній къ поселеніямъ деревнями. Поэтому такого перехода не было въ сѣверной части лѣснаго края, не привилось общинное землевладѣніе и къ Прибалтійскому краю, Ново-и Малороссіи, вѣроятно, потому, что оно тутъ уже раньше исчезло подъ шведскимъ, нѣмецкимъ и польскимъ вліяніемъ.

На мѣсто древняго помѣстнаго дворянства абсолютной монархіей было выдвинуто болѣе податливое служебное дворянство, чиновничество, названіе котораго производятъ отъ татарскаго слова чинъ. Оно образуетъ верхній привилегированный слой, является носителемъ политической власти и долгое время было и единственнымъ носителемъ европейской культуры, или, скорѣе, европейскаго лоска. За послѣднія десятилѣтія значеніе въ странѣ помѣстнаго дворянства значительно уменьшилось, вслѣдствіе того, что многія его имѣнія перешли въ руки купцовъ и крестьянъ.

При ничтожномъ значеніи городовъ *городское населеніе* тоже не играетъ значительной роли, между тѣмъ какъ въ западно-европейскихъ городахъ оно является важнѣйшимъ носителемъ прогресса. Городское населеніе, въ европейскомъ смыслѣ этого слова, существовало съ давнихъ поръ, собственно, только въ прибалтійскихъ городахъ. Въ древне-литовскомъ и польскомъ государствѣ, т.-е. кромѣ настоящей Литвы и въ Ново- и Малороссіи, населеніе городовъ, главнымъ образомъ, составляютъ евреи. Въ Великороссіи городское населеніе слагается изъ русскихъ, но оно сравнительно невелико, немногочисленно, отстало въ умственномъ отношеніи и рѣзко

*) Оно стало главнымъ образомъ извѣстно изъ сочиненія Гакстгаузена: „О внутреннемъ состояніи народной жизни и земельномъ устройствѣ Россіи“. 3 тома. Ганноверъ, 1847—52 гг. Но пониманіе его значительно измѣнилось, благодаря изслѣдованіямъ Кейслера: „Къ исторіи и критикѣ крестьянскаго общиннаго землевладѣнія въ Россіи“. 2 тома. 1882 г.

раздѣлено на касты: купцы съ одной стороны и мелкіе торговцы и ремесленники—съ другой. Городской классъ духовныхъ работниковъ, такъ называемая интеллигенція, появилась только недавно, фабричный трудъ и кустарничество являются въ общемъ еще побочной работой крестьянина. Особый классъ промышленныхъ рабочихъ только нарождается въ настоящей Россіи и стоитъ въ хозяйственномъ, техническомъ и духовномъ отношеніи еще на довольно низкой ступени развитія, хотя та преданность авторитету, которая еще держится у русскаго крестьянина, начинаетъ уже значительно колебаться у рабочаго класса.

VII. Сообщенія *).

Способы сообщеній въ странѣ прежде всего зависятъ отъ степени культуры и характера государственной жизни: болѣе высокая культура предполагаетъ болѣе оживленный хозяйственный и духовный обмѣнъ, который возможенъ только при хорошихъ условіяхъ сообщенія. Всякое государственное объединеніе обширной страны должно также опираться на возможность хорошаго сообщенія между разными ея частями. Своеобразная двойственность русской культуры и русскаго государственнаго строя проявляется и въ свойствахъ сообщенія. По примѣру азіатскихъ царствъ русское государство распространилось съ большою быстротою по огромнымъ пространствамъ, не выработавъ параллельно съ этимъ соотвѣствующихъ способовъ сообщенія. Но этотъ пробѣлъ постоянно сказывался все новыми чувствительными хозяйственными и политическими убытками, которые указывали на необходимость улучшенія способовъ сообщенія, а также и другихъ мѣръ къ европеизаціи Россіи. Періоды энергичной европеизаціи являлись и періодами наибольшихъ успѣховъ въ области путей сообщенія. Большой контрастъ между полуазиатской, полувосточной Россіей и колониальной, но совершенно европейской культурой Соединенныхъ Штатовъ особенно рѣзко замѣтенъ въ неодинаковомъ развитіи средствъ сообщенія при сходныхъ естественныхъ условіяхъ.

Естественныя условія ставятъ стремленіямъ, вызываемымъ культурой, большія или меньшія препятствія. Они могутъ притомъ благоприятствовать одному способу сообщенія болѣе, чѣмъ другому, такъ

*) Кромѣ общихъ трудовъ, см. приведенныя въ слѣдующей главѣ сочиненія по экономическимъ вопросамъ; особенно интересно сочиненіе Matthaei: „Die wirtschaftliche Hilfsquellen Russlands“ („Экономическіе ресурсы Россіи“), т. II, стр. 250, 331 и сл.

что при равенствѣ культуры во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ, въ разныхъ странахъ не только развитіе и интенсивность сообщенія, но и его форма будетъ различна. Чтобы выдѣлить эти важныя въ географическомъ отношеніи различія, можно установить рядъ типовъ сообщеній, въ которыхъ, конечно, выразятся только главныя ихъ свойства, но не будутъ исчерпаны всѣ частности. Русскій типъ соотвѣтствуетъ полукультурѣ, или, правильнѣе, смѣшанной культурѣ континентальной, богатой рѣками низменности. Онъ не развивался органически; современные виды сообщенія, минуя промежуточные ступени, возникли при довольно низкомъ уровнѣ первоначальныхъ сообщеній и потому не могли достаточно развиться. Вообще сношенія Россіи, а въ особенности сухопутныя, не стоятъ еще на той высотѣ, какъ въ странахъ съ полной культурой; водныя сообщенія играютъ здѣсь сравнительно большую роль, притомъ вслѣдствіе континентальнаго положенія страны морскія сношенія представляютъ меньшую важность, чѣмъ рѣчныя.

Мореплаваніе.

Россія по своей природѣ является внутренней страной, которая граничитъ только съ окраинными и внутренними морями, а на большей части своего пространства совсѣмъ удалена отъ моря. Мы видѣли, какое огромное значеніе для политическаго и культурнаго развитія Россіи имѣло достиженіе моря и завоеваніе его берега.

Важнѣйшими этапами этого развитія были: во-первыхъ, занятіе береговъ Бѣлаго моря и получившаяся благодаря этому впослѣдствіи возможность торговыхъ сношеній съ Англіей; затѣмъ утвержденіе на Балтійскомъ морѣ, расширившее и облегчившее торговля сношенія со странами, прилегающими къ Балтійскому и Нѣмецкому морямъ, и болѣе дальними, и, наконецъ, распространеніе до Чернаго моря, давшее и для южной Россіи возможность морскихъ сообщеній, съ доступомъ къ Средиземному морю.

Въ число задачъ русской политики входятъ: дальнѣйшее улучшеніе морскихъ сношеній, доступъ къ открытому Атлантическому океану, обладаніе болѣе южными и потому свободными отъ льда гаванями Балтійскаго моря, обладаніе Дарданеллами и безпрепятственный доступъ къ Средиземному морю. Россія изъ чисто континентальной страны превратилась въ страну съ морскими берегами,

поддерживающей заграничныя сношенія, по крайней мѣрѣ хотя частью, по морю. Но положеніе и свойства русскихъ береговъ и морей въ общемъ такъ мало благопріятны, разстоянія между внутренними и внѣшними областями такъ велики, что морское сообщеніе имѣетъ для Россіи гораздо меньшее значеніе, чѣмъ для другихъ странъ Европы. Связь между русскими областями при помощи морского плаванія имѣетъ мѣсто лишь въ маломъ масштабѣ, вслѣдствіе большой разобщенности русскихъ морей. Русскіе люди, поздно достигшіе моря, не являются моряками и поэтому вынуждены, несмотря на оказываемую правительствомъ поддержку національному судоходству, предоставлять по большей части морское судоходство инородцамъ (финляндцамъ, нѣмцамъ) или иностранцамъ, особенно англичанамъ, нѣмцамъ, голландцамъ, шведамъ, норвежцамъ. Только 8—10% входящихъ въ русскія гавани судовъ плаваютъ подъ русскимъ флагомъ.

Судоходство въ различныхъ моряхъ должно быть разсмотрѣно отдѣльно *).

Сообщенія по Сѣверному Ледовитому океану неудобны какъ вслѣдствіе отдаленности моря, такъ и вслѣдствіе покрытія его льдомъ въ теченіе 7—8 мѣсяцевъ. Наибольшее значеніе имѣетъ здѣсь *Бѣлое море*, такъ какъ къ нему легче и удобнѣе пути изъ заселенныхъ частей Россіи. Въ прежнее время, когда Россія имѣла только одно море, съ середины XVI до начала XVIII столѣтія, сношенія, поддерживавшіяся англійскими и голландскими судами, мимо Нордкапа, съ лежащимъ у устья Сѣв. Двины Архангельскомъ и другими гаванями сѣвернаго побережья, представляли существенную важность. Но со времени утвержденія на Балтійскомъ морѣ, основанія Петербурга, завоеванія Риги и другихъ балтійскихъ гаваней, здѣсь открылся выходъ въ Европу настолько болѣе удобный, что судоходство по Сѣверному Ледовитому океану потеряло свое значеніе; теперь на Архангельскъ приходится меньше 1% внѣшней торговли. Успѣхи заселенія, новая желѣзная дорога отъ Москвы черезъ Вологду къ Архангельску, постройка новаго Александровскаго порта на Мурманскомъ берегу и примѣненіе ледоколовъ мо-

*) Цепелявъ. Берега и гавани русскаго государства въ Европѣ и на Кавказѣ въ связи съ защитой страны. Военно-географическое изслѣдованіе. Ежегодникъ нѣмецкой арміи и флота. (Jahrb. f. d. deutsche Armee und Marine. Berlin, 1896).

гутъ нѣсколько оживить сношенія, но по существу дѣла они на долгое время останутся незначительными.

Судоходство по Балтійскому морю имѣло значеніе еще во времена Ганзы, да и теперь оно играетъ большую роль вслѣдствіе близости Балтійскаго моря къ населеннымъ частямъ Россіи и удобству сообщеній съ промышленными странами западной Европы, хотя судоходство по Черному морю и обогнало его. Правда, что Зундъ и Скагерракъ не являются особенно удобными проходами, но трудности судоходства тутъ все же гораздо меньше, чѣмъ у Нордкапа, да и ледяной покровъ здѣсь держится болѣе короткое время. Важнѣйшая гавань въ настоящее время—Петербургъ, несмотря на то, что вслѣдствіе своего сѣверо-восточнаго положенія, портъ этотъ надолго замерзаетъ. Петербургъ имѣетъ такое значеніе не только потому, что онъ—столица, но и благодаря удобству водныхъ сношеній, возможныхъ отсюда со всей восточной Россіей до Каспійскаго моря и дальше. Передъ Петербургомъ расположена на небольшомъ островѣ сильная крѣпость—Кронштадтъ. На второмъ мѣстѣ стоитъ старинный ганзейскій городъ Рига, которая, благодаря своему положенію у устья Зап. Двины, несмотря на замерзаніе зимою ея порта, какъ бы предназначена быть естественной гаванью для бѣльшей части сѣверо-западной Россіи. Нарва, Ревель, Балтійскій портъ, Перновъ, Виндава и Либавъ имѣютъ только небольшія пристани, такъ что, несмотря на болѣе короткій срокъ замерзанія, они далеко отстаютъ въ значеніи отъ первыхъ двухъ портовъ. Либавъ за послѣднее время очень поднялась и въ ней устроенъ также военный портъ.

На *Черномъ морѣ* въ древнее время поддерживали судоходство греки, а въ средніе вѣка итальянцы. Съ занятіемъ его береговъ татарами и съ началомъ турецкаго владычества, сообщенія здѣсь пришли въ упадокъ и возобновились только со времени русскаго завоеванія. Особенно развилось здѣсь мореплаваніе съ ростомъ сельскаго хозяйства во второй половинѣ прошлаго столѣтія. Потребовался вывозъ хлѣба и другихъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ юга Россіи, доставляемыхъ къ берегу частью по рѣкамъ, частью сухопутнымъ путемъ.

Черное море могло казаться негостепріимнымъ грекамъ, но по сравненію съ сѣверными морями судоходство здѣсь не встрѣчаетъ большихъ затрудненій. То обстоятельство, что выходъ изъ Черна-

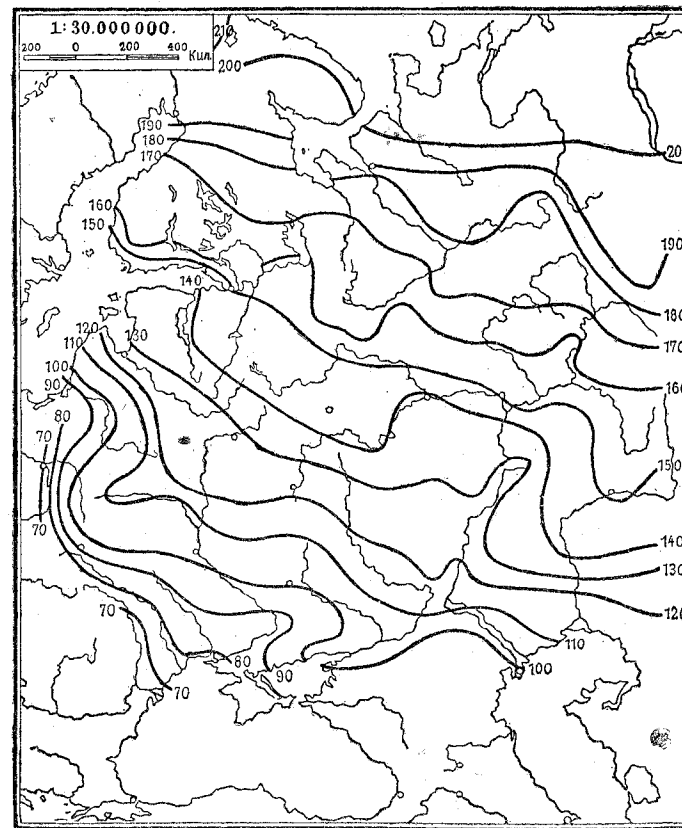
го моря находится въ чужихъ рукахъ, не важно для мирной торговли, но мѣшаетъ пользованію военнымъ флотомъ, который является запертымъ въ Черномъ морѣ. Свойства русскихъ береговъ, во всякомъ случаѣ, здѣсь не особенно благоприятны. Въ западной части рѣки изливаются въ лиманы, которые часто отшнурованы отъ моря косами. Устроенная въ сторонѣ отъ рѣчнаго устья искусственная гавань Одесса далеко оставила за собой рѣчныя гавани, вродѣ Аккермана, Николаева и Херсона. Размѣры ея торговли приближаются къ размѣрамъ торговли Амстердама. Хорошія гавани южнаго побережья Крыма, которыя въ средніе вѣка являлись основными пунктами итальянской торговли, для настоящаго времени являются расположенными слишкомъ далеко, чтобы имѣть оживленную торговлю. Севастополь важенъ только какъ военный портъ. Лишь Керчь, какъ входная гавань мелкаго Азовскаго моря, имѣетъ большое значеніе, такъ какъ тутъ останавливаются или, по крайней мѣрѣ, освобождаются отъ лишняго груза болѣе крупныя суда. До гаваней, расположенныхъ въ сѣверной части Азовскаго моря, особенно до Ростова, лежащаго у устья Дона, до Таганрога и потерявшаго совершенно свое прежнее значеніе Азова, могутъ доходить только мелкія суда. Быстро возросъ со времени постройки желѣзной дороги Новороссійскъ, расположенный у прекрасной бухты.

Каспійское море, какъ совершенно замкнутое срединное море, пригодно, конечно, только для сношеній между жителями его береговъ, но, вслѣдствіе богатыхъ мѣсторожденій нефти въ Баку и развитія торговли съ Туркестаномъ и Персіей, оно имѣетъ довольно большое и быстро растущее значеніе. Сношеніямъ этого моря благоприятствуетъ то, что Волга представляетъ для него прекрасное соединеніе съ внутренней Россіей. Самой важной гаванью на русской сторонѣ Каспійскаго моря является поэтому гавань приволжской дельты, расположенная нѣсколько вверхъ по рѣкѣ, именно Астрахань, которая поддерживаетъ живое пароходное сообщеніе съ Баку и Красноводскомъ, крайнимъ пунктомъ закаспійской желѣзной дороги.

Рѣчное судоходство.

Если морское судоходство имѣетъ для Россіи сравнительно не такое большое значеніе, какъ для странъ западной Европы, то

зато гораздо болѣе важную важность имѣетъ рѣчное судоходство. Оно, правда, не царитъ здѣсь надъ всѣми остальными способами сообщенія, какъ, на примѣръ, въ Амазонской низменности, гдѣ всѣ сношенія сводятся къ рѣчнымъ, но оно и не отодвинуто настолько на задній планъ, какъ въ Зап. Европѣ; оно служитъ не только для товарнаго и для мѣстнаго движенія, но и для прямого и

Продолжительность замерзанія рѣкъ въ дняхъ.

скорого. Такимъ образомъ, Россія можетъ быть названа страной съ полурѣчнымъ характеромъ сообщеній. Причина этого явленія лежитъ, съ одной стороны, въ благоприятныхъ свойствахъ водныхъ путей, которые сдѣлали возможнымъ такое развитіе рѣчного судоходства, а съ другой—въ незначительной высотѣ культуры, при которой сухопутный транспортъ не могъ еще настолько развиться, чтобы захватить важнѣйшія отрасли торговли.

При всемъ томъ рѣчное судоходство за послѣдніе десятки лѣтъ значительно отодвинуто на задній планъ желѣзными дорогами.

Плавню текущая рѣка этой обширной низменности, имѣющая даже у истоковъ малое паденіе, а ниже соединяющаяся въ широкіе потоки, даютъ богато-развѣтвленную сѣть естественныхъ водныхъ путей, замерзающихъ впрочемъ на значительную часть года: на сѣверѣ на 7—8, въ центрѣ на 5—6, а на югѣ на 3 мѣсяца. Въ срединѣ лѣта рѣки сильно мелѣютъ; зато весной, во время таянія снѣговъ, онѣ такъ полноводны, что даже маленькія рѣчки становятся судоходными или пригодными для сплава. Люди съ древнихъ временъ пользовались этими естественными путями и по большей части только благодаря имъ народъ могъ вывозить произведенія своей страны и расселяться въ отдаленныхъ частяхъ лѣсного края. Для улучшенія рѣкъ, правда, имъ еще очень мало сдѣлано, и только за послѣднее время на западныхъ рѣкахъ, особенно на Зап. Двинѣ и Днѣпрѣ, предприняты работы по ихъ урегулированію. Рѣки до сихъ поръ находятся по большей части въ своемъ естественномъ состояніи; онѣ часто раздѣляются на много рукавовъ, усѣяны островами и мелями и потому почти непригодны для судоходства во время мелководья къ концу лѣта. Даже по Волгѣ до устья Камы судоходству приходится бороться съ затрудненіями; суда часто садятся на перекатахъ. Только богатая водой Кама и Волга, ниже устья Камы, не представляютъ особенныхъ препятствій для судоходства. Въ дѣлѣ урегулированія рѣкъ русскимъ предстоитъ еще большая работа, которая имъ, впрочемъ, принесетъ и большую пользу.

Важную побѣду надъ природными условіями представляетъ прорытіе *каналовъ* и созданіе водныхъ путей, связывающихъ одно море съ другимъ. Починъ въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ Петру I; его примѣру особенно слѣдовали Екатерина II и Александръ I. Такимъ образомъ, созданіемъ своихъ искусственныхъ водныхъ путей Россія обязана сторонникамъ европеизаціи. Позднѣе водные пути были заброшены ради желѣзныхъ дорогъ; но въ послѣднее время опять стала сознаваться необходимость дальнѣйшей постройки новыхъ каналовъ.

Различаютъ юго-западную и сѣверо-восточную систему каналовъ.

Первою соединяются западные притоки Балтійскаго моря съ Днѣпромъ и, такимъ образомъ, съ Чернымъ моремъ: одинъ каналъ

идетъ отъ Буга, притока Вислы, къ Припяти, другой, Огинскій каналъ, отъ Нѣмана къ Припяти, третій отъ Зап. Двины къ Березинѣ. Судоходный водный путь этихъ системъ имѣетъ въ длину около 9.000 км.; навигаціонный періодъ продолжается отъ 8 до 10 мѣсяцевъ.

Гораздо большее значеніе имѣетъ сѣверо-восточная система каналовъ, которая соединяетъ Неву, впадающую въ Финскій заливъ, Сѣв. Двину, текущую въ Бѣлое море, и Волгу, направляющуюся къ Каспійскому морю. Нева соединена съ Волгой тремя системами. Первая идетъ отъ Ладожскаго озера по Волхову, черезъ Ильмень по Мстѣ, черезъ Вышневолоцкій каналъ въ Тверцу, а изъ нея въ Волгу, но вслѣдствіе быстринъ Мсты имъ можно пользоваться только въ направленіи съ юга на сѣверъ. Второй путь образуютъ маленькій притокъ Сяси, впадающей въ Ладожское озеро, Тихвинка, Тихвинскій каналъ и Молога, которая впадаетъ въ Волгу въ томъ мѣстѣ, гдѣ она дѣлаетъ поворотъ съ сѣверо-востока на юго-востокъ; это самый короткій путь, но вслѣдствіе узости и незначительной глубины, онъ пригоденъ только для небольшихъ судовъ. Третій, самый длинный, но и самый важный путь—это состоящая изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ каналовъ Маринская система. Отъ Шлиссельбурга, гдѣ Нева выходитъ изъ Ладожскаго озера, идутъ Ладожскій каналъ, Сяскій и Свирискій каналы по южной сторонѣ Ладожскаго озера, а потомъ сообщеніе идетъ по Свири, по Онежскому каналу вдоль южной стороны Онежскаго озера, далѣе теченіемъ Вытегры, Маринскимъ каналомъ и Ковжей къ Бѣлому озеру, съ его обходнымъ каналомъ, а изъ озера по Шекснѣ въ Волгу; Шексна впадаетъ въ Волгу у Рыбинска, нѣсколько ниже устья Мологи. Разстояніе между Петербургомъ и Рыбинскомъ равняется 1.150 км.

Изъ Шексны тоже ведетъ каналъ, названный именемъ Александра Вюртембергскаго, къ Кубенскому озеру, а изъ него внизъ по те-

чению можно войти въ Сухону, западный истокъ Сѣверной Двины, которая такимъ образомъ связана какъ съ Невой, такъ и съ Волгой. Между Сѣверной Двиной и Волгой существуетъ еще другое соединеніе, далеко на востокъ, посредствомъ Екатерининскаго канала, который идетъ отъ сѣверной Кельтмы, притока Вычегды, къ южной Кельтмѣ, притоку Камы; это соединеніе вслѣдствіе своей отдаленности имѣетъ ничтожное значеніе. Вся восточная система обнимаетъ около 23.000 км. судоходныхъ водныхъ путей; это такое протяженіе, которое повторяется въ немногихъ мѣстахъ земного шара; судоходство впрочемъ совершенно прерывается здѣсь на $4\frac{1}{2}$ —6 мѣсяцевъ, и суда, которыя идутъ отъ Волги къ Петербургу, употребляютъ на переходъ болѣе чѣмъ одинъ навигаціонный періодъ и должны зимовать въ дорогѣ.

Если въ западной и восточной части южно-европейской низменности проходить много водныхъ путей съ сѣвера на югъ, то зато чувствуется большой ихъ недостатокъ въ западно-восточномъ направленіи. Несмотря на близость верховій Западной Двины и Днѣпра къ верховьямъ Волги и Оки, между ними не проведено еще канала. Еще большая потребность чувствуется въ каналѣ отъ нижней Волги къ Дону, такъ какъ такимъ образомъ Волга соединилась бы прямо съ моремъ и былъ бы созданъ водный путь между рудниками и заводами Урала и каменно-угольными копями Донца. Правда, что вслѣдствіе различій въ уровнѣ этотъ каналъ потребуетъ много шлюзовъ; почему, несмотря на близость обѣихъ рѣкъ, проведеніе и устройство его представить много затрудненій. Общая длина судоходныхъ водныхъ путей равняется 45.000 км.; изъ этого протяженія половина доступна пароходамъ. Приблизительно половина судоходныхъ водныхъ путей приходится на волжскую систему. Почти на всѣхъ рѣкахъ развитъ довольно сильно сплавъ, при чемъ дерево изъ русскихъ лѣсовъ идетъ внизъ по теченію иногда до самаго моря.

Судоходство въ настоящее время разрастается. Не паровыя суда или барки идутъ большей частью лишь внизъ по теченію; они сколачиваются на скорую руку, разбираются въ гаваняхъ и продаются на дрова. Хотя пароходство проникло въ Россію поздно, а въ большемъ размѣрѣ только въ пятидесятихъ годахъ, но въ настоящее время оно, по количеству перевозимыхъ грузовъ, перегнало ненаровое судоходство. Въ 1900 году на рѣкахъ Европейской Россіи

въ общемъ насчитывалось около 3.300 пароходовъ и 22.860 другихъ судовъ. Больше половины этихъ судовъ приходилось на волжскую систему, которая не только по своей природѣ представляетъ самый большой водяной путь, но къ которой лишь за послѣднее время подошла желѣзная дорога, такъ что тутъ еще недавно все пассажирское и грузовое сообщеніе производилось водой. Большіе, многоэтажные, построенные по образцу американскихъ рѣчныхъ пароходовъ, суда съ плоскимъ килемъ, отапливаемые дровами или нефтью, разсѣкаютъ воды Волги отъ Н.-Новгорода до Астрахани, Перми и Уфы. Кромѣ того, здѣсь можно видѣть и большія буксирныя суда. Въ противоположность другимъ рѣкамъ, судоходство по Волгѣ совершается въ той же степени какъ вверхъ, такъ и внизъ; вверхъ идетъ и нефть изъ Баку, отправляемая по большей части на особо приспособленныхъ пароходахъ, и хлѣбъ со средней Волги, направляющійся вверхъ, по каналамъ, къ Петербургу.

Сухопутные способы сообщенія.

Въ противоположность рѣчному судоходству сухопутное сообщеніе было долгое время первобытнымъ; только на довольно высокой культурной ступени на него обращаютъ необходимое вниманіе; къ тому же и удобство водныхъ путей Россіи не заставляло чувствовать такой сильной потребности въ другихъ путяхъ. Развитие сухопутныхъ путей совершилось здѣсь подобно тому, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ и другихъ колониальныхъ странахъ; ступень шоссейныхъ дорогъ была почти что опущена. Правда, послѣ войны 1812 года начали строить шоссе, но постройка ихъ плохо подвигалась впередъ; когда послѣ крымской войны начали строить желѣзныя дороги, то почти совсѣмъ забросили шоссейныя, и только съ недавнихъ поръ на нихъ опять обратили вниманіе. Большинство дорогъ въ Россіи грунтовыя; столбовыя совершенно заброшены и часто ихъ можно узнать только по расположеннымъ вдоль нихъ рядамъ деревьевъ; сообщеніе болѣе обходитъ ихъ, чѣмъ ищетъ. По большей части дороги въ ужасномъ состояніи.

Какъ ледниковыя наносы, со своими многочисленными болотами и трясинами, такъ и лёссъ и черноземъ даютъ плохое полотно дорогамъ. Во всей южной Россіи чувствуется недостатокъ въ камнѣ для замощенія, да и дерева, которымъ укладываютъ дороги въ лѣсномъ

краю, здѣсь мало. Весною, во время таянія снѣговъ и сильныхъ дождей, на дорогахъ образуется невылазная грязь, а въ концѣ сухого лѣта онѣ, по крайней мѣрѣ въ южной Россіи, ужасно пыльны. Мосты по большей части въ плохомъ состояніи и иногда такъ опасны, что охотнѣе проѣзжаютъ прямо вбродъ около моста. Лучшимъ временемъ для сухопутнаго сообщенія во всей сѣверной и средней Россіи является зима, съ ея плотнымъ снѣжнымъ покровомъ; зимою пользуются не только для отправки дровъ изъ лѣса, какъ въ горныхъ мѣстностяхъ Германіи, но и для транспорта хлѣба и другихъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ къ рѣкамъ, по которымъ они весной, во время половодья, отправляются дальше. Считается, что транспортъ по проѣзжимъ дорогамъ лѣтомъ обходится приблизительно въ четыре раза дороже, чѣмъ зимой. Въ южной Россіи снѣжный покровъ слишкомъ тонокъ и непостояненъ, чтобы могло установиться по нему правильное сообщеніе.

Въ связи съ этимъ различіемъ находится, вѣроятно, и отличіе транспорта въ Великороссіи, расположенной на сѣверѣ, отъ транспорта въ Малороссіи, лежащей къ югу: тамъ оказываютъ предпочтеніе лошади, здѣсь волю. Обыкновенный почтовой экипажъ для пассажирскаго передвиженія—это безрессорный тарантасъ. При довольно большой скорости передвиженія, большихъ разстояніяхъ и ужасномъ состояніи дорогъ, путешествіе нерѣдко превращается въ мученіе. Такъ какъ перевозка грузовъ приурочена къ извѣстному времени, къ концу зимы, то она производится обыкновенно обозами.

Постройка *железныхъ дорогъ* началась въ Россіи поздно. Только въ 1851 г. была проведена съ огромными затратами желѣзная дорога отъ Петербурга до Москвы; невѣроятныя затраты на эту дорогу, которая зависѣли впрочемъ не столько отъ естественныхъ трудностей, сколько отъ особенностей русскихъ государственныхъ предприятий, отпугивали отъ дальнѣйшихъ построекъ желѣзныхъ дорогъ. Послѣ того какъ крымская война показала военную необходимость желѣзныхъ путей, начали проводиться новыя линіи или государствомъ, или частными обществами съ правительственной гарантіей; но только въ семидесятыхъ годахъ постройка желѣзныхъ дорогъ пошла впередъ болѣе быстрымъ темпомъ. Русская желѣзно-дорожная сѣть и до сихъ поръ еще довольно рѣдка. Вся Европейская Россія вмѣстѣ съ Польшей имѣетъ на пространствѣ въ 5 милл.

кв. килм. только около 45.000 килм. желѣзной дороги, слѣдовательно, на 10.000 кв. килм. приходится приблизительно 90 килм., въ то время какъ въ Германіи на то же пространство приходится больше 1.000 килм. Распределеніе желѣзныхъ дорогъ, конечно, очень неравномѣрно. Западъ имѣетъ сравнительно довольно густую желѣзно-дорожную сѣть, которая только въ немногихъ мѣстахъ примыкаетъ къ западно-европейской желѣзно-дорожной сѣти. Только по недавнему договору соединеніе между русской и нѣмецкой желѣзно-дорожной сѣтью устроено въ большемъ количествѣ пунктовъ. Русская желѣзно-дорожная сѣть, связанная съ западно-европейской, доходитъ до Петербурга, Москвы, Воронежа, Ростова, а за послѣднее время и дальше, до Волги. Сѣверъ только за послѣднее время получилъ желѣзную дорогу, при чемъ путь отъ Москвы до Ярославля былъ удлинень до Архангельска. Другая дорога ведетъ отъ Котласа на Двинѣ, чрезъ Вятку къ Перми, еще одна отъ Петербурга чрезъ Вологду къ Вяткѣ, а такимъ образомъ и къ Перми.

Отъ Перми желѣзная дорога идетъ черезъ Уралъ въ Екатеринбургъ и Тюмень, гдѣ она пока кончается; отъ Екатеринбурга отходить вѣтка къ Челябинску, гдѣ начинается сибирская желѣзная дорога. Долгое время Н.-Новгородъ былъ конечнымъ пунктомъ желѣзной дороги къ Волгѣ, гдѣ всѣ товары перегружались на суда. Волгу пересѣкаютъ или подходятъ къ ней много желѣзнодорожныхъ путей на пространствѣ между Казанью и Царицынымъ. Къ Казани и Симбирску подходятъ дороги, идущія изъ Москвы черезъ Рязань; у Батраковъ, нѣсколько восточнѣ Сызрани, надъ Волгой вздымается исполинскій мостъ сибирской дороги; отъ Сибирской дороги отвѣтвляется за Самарой путь къ Оренбургу, у Саратова Волгу пересѣкаетъ (моста нѣтъ) путь къ Уральску; другіе пути доходятъ до Волги у Камышина и Царицына. Дорога къ Царицыну важна потому, что она, вмѣстѣ съ нижней Волгой, образуетъ довольно прямое сообщеніе между внутренней Россіей и Каспійскимъ моремъ. Къ Каспійскому морю тоже подходитъ желѣзная дорога. Она идетъ изъ Ростова, гдѣ соединяется съ желѣзной дорогой изъ Москвы, послѣ чего направляется чрезъ Владикавказъ къ Петровску, а отсюда продолжается по берегу Каспійскаго моря до Баку. Желѣзная дорога, которая должна пройти отъ Владикавказа къ Тифлису, несмотря на долгіе разговоры о ней, еще не начата,

зато Кавказъ связанъ съ Россіей на западѣ желѣзной дорогой, идущей отъ Царицына и Волги; дорога эта кончается въ Новороссійскѣ у Чернаго моря.

Въ проведеніи и устройствѣ русскихъ желѣзныхъ дорогъ замѣчаются нѣкоторыя особенности, которыя находятся въ связи съ естественными и культурными условіями страны. Прежде всего характерно проведеніе желѣзно-дорожныхъ линій по прямому направленію.

Это зависитъ частью отъ равниннаго характера страны, частью отъ самодержавнаго централизованнаго управленія. Общеизвѣстенъ анекдотъ, что царь Николай I назначилъ путь, по которому должна была пройти дорога отъ Петербурга до Москвы, проведя по линейкѣ на лежащей передъ нимъ картѣ прямую черту между этими двумя городами. Помимо того интересами мѣстнаго сообщенія обыкновенно жертвовали ради интересовъ прямого сообщенія, и большинство городовъ отстоятъ на нѣсколько верстъ отъ своихъ желѣзнодорожныхъ станцій. Большинство путей—въ одну колею и только въ недавнее время нѣкоторые изъ нихъ передѣланы въ двухколейные. Ширина большинства путей больше, чѣмъ нормальная ширина западно-европейскихъ путей, такъ какъ, вслѣдствіе равнинности страны и малой цѣнности земли, большая ширина путей обходится не на много дороже, а разница въ ширинѣ путей съ сосѣдними странами считается русскими выгодной въ военномъ отношеніи. Такъ же, какъ и на западѣ Америки, дороги построены очень непрочны; строители думали главнымъ образомъ о томъ, чтобы провести хоть какую-нибудь дорогу. На обширной равнинѣ не приходилось, конечно, преодолѣвать большихъ трудностей: туннели, большія выемки и т. п. были не нужны; мосты чрезъ болота являлись единственными техническими приспособленіями. Причина, что дороги все-таки, по большей части, обходились очень дорого, лежитъ въ незначительномъ развитіи промышленности и въ недобросовѣстномъ веденіи дѣла, въ зависимости отъ котораго значительная часть денегъ, ассигнованныхъ на постройку, переходила въ карманы подрядчиковъ и контролирующихъ чиновниковъ. Развитіе сношеній по большей части слабо и на многихъ дорогахъ ограничивается двумя или даже только однимъ (пассажирскимъ) поѣздомъ ежедневно; по дорогѣ между Царицынымъ и Калачевской пристанью раньше ходили только два поѣзда въ недѣлю. Вслѣд-

ствіе недостаточной прочности постройки дорогъ и малой стоимости времени въ Россіи быстрота передвиженія очень незначительна; даже скорый поѣздъ между Варшавой и Москвой проходитъ только 44 км. въ часъ. При большихъ разстояніяхъ путешествія продолжаются поэтому очень долго: отъ Москвы до Петербурга курьерскій поѣздъ идетъ 12 часовъ, до Варшавы 30 часовъ, до Одессы 40 час., до Севастополя $1\frac{1}{2}$, до Баку $2\frac{1}{2}$, до Архангельска $2\frac{1}{4}$, до Златоуста $2\frac{1}{2}$ дня. При такихъ длинныхъ путешествіяхъ пришлось позаботиться объ удобствахъ устройства вагоновъ, по крайней мѣрѣ для высшихъ классовъ; устройство третьяго класса соотвѣтствуетъ ограниченнымъ потребностямъ русскаго простонародья. Характерными являются двойныя окна, которыя служатъ защитой противъ зимней стужи. Въ сѣверо-западной части лѣснаго края локомотивы по большей части отапливаются дровами, на югѣ и востокѣ—главнымъ образомъ мазутомъ, остатками отъ очистки нефти, добываемой въ большомъ количествѣ въ Баку. Соотвѣтственно этому и станціи тамъ и здѣсь выглядятъ совершенно различно: въ лѣсномъ краѣ мы видимъ огромные склады дровъ, на югѣ и востокѣ резервуары для нефти. Пассажирскій тарифъ низокъ и уменьшается соотвѣтственно разстояніямъ, чтобы облегчить дальнее сообщеніе. Грузовой тарифъ, вслѣдствіе большихъ издержекъ по постройкѣ дорогъ, довольно высокъ, такъ что желѣзная дорога менѣе развиваетъ торговлю, чѣмъ въ Сѣверной Америкѣ.

Въ устройствѣ почты и телеграфа географическія особенности имѣютъ меньшее значеніе. Обращаетъ на себя вниманіе только малая густота телеграфной сѣти, незначительное число почтовыхъ и телеграфныхъ учреждений, медленность и ненадежность доставки. Все это характерно для культурныхъ условій страны.

VIII. Народное хозяйство *)

Общій характеръ народнаго хозяйства.

Въ старину въ восточно-европейской низменности можно было отмѣтить четыре типа хозяйства, расположенные, сообразно съ областями поселеній, рядомъ, независимо другъ отъ друга. На сѣверо-западѣ, въ Прибалтійскомъ краѣ и прилегающей съ юга части лѣснаго края до лѣсостепи, слѣдовательно въ области литовцевъ и русскихъ, господствовало довольно примитивное натуральное хозяйство, опиравшееся на земледѣліе. Въ болѣе сѣверныхъ и восточныхъ частяхъ лѣснаго края финскія племена, кажется, тоже занимались земледѣліемъ, но, главнымъ образомъ,

*) Богатый матеріалъ по народному хозяйству и хозяйственной географіи, помимо болѣе старыхъ сочиненій, находится у Matthaei, „Die wirtschaftlichen Hilfsquellen Russlands“, 2 Bde. Dresden. 1883/84, въ изданномъ для всемірной выставки въ Чикаго трудѣ: „The Industries of Russia“, 5 vol. С.-Петербургъ, 1893 г. и въ другихъ, изданныхъ бывшимъ товарищемъ мин. финансовъ, Ковалевскимъ сборникахъ: „Производительныя силы Россіи“, 1896 г. и „Россія въ концѣ XIX вѣка“. Но нужно помнить, что оба эти сочиненія являются офиціозными трудами, сужденія которыхъ нужно принимать съ большей осторожностью и ограниченіями, о чемъ позабыли новѣйшіе французскіе писатели, которые приняли все за чистую монету, а потому изобразили русскую дѣйствительность слишкомъ въ розовомъ свѣтѣ. Имъ должно противопоставить реальныя описанія ужасной нищеты, которыя мы находимъ въ „Голодной Россіи“ В. Лемана и Парвуса. Хорошія описанія встрѣчаются у Роскошнаго (Roskoschny) „Бѣдная Россія“. Лейпцигъ 1890 г. Экономическія условія изложены у Schulze-Gaevernitz, Volkswirtschaftliche Studien aus Russland. Leipzig. 1899 г. (Политико-экономическіе этюды о Россіи) и у М. Ковалевского „Экономическій режимъ Россіи“ (Le régime économique de la Russie“, Paris, 1898 г.) Хозяйственно-географическую характеристику дали: O. Krümmel, Russlands Gliederung in Produktionzonen. Deutsche geogr. Blätter. 1877. S. 117 ff. (также Peschel-Krümmel, Europäische Staatenkunde I Bd. Leipzig. 1880) и Machat, Le développement économique de la Russie, Paris, 1902. Последнее сочиненіе написано безъ достаточной критики матеріала.

они жили охотой и рыбной ловлей. Въ степи хлѣбопашество было совершенно оттѣснено на задній планъ номаднымъ скотоводствомъ постоянно смѣняющихся племенъ; ихъ хозяйственный строй былъ подобенъ нынѣшнему строю въ киргизскихъ степяхъ. На южной окраинѣ, именно въ Крыму, подъ вліяніемъ болѣе влажнаго и мягкаго климата и сношеній съ средиземноморскими народами, развилось хлѣбопашество, а отчасти и торговля и ремесла.

Извѣстные успѣхи можно отмѣтить приблизительно съ 1000 года; они являются слѣдствіемъ основанія государства варягами и внесенія византійской культуры.* Рука объ руку съ этническимъ и политическимъ распространеніемъ русскихъ, первобытное хозяйство финскихъ народностей и номадное скотоводство степныхъ племенъ смѣняются земледѣльческимъ. Въ прибалтійскомъ и западно-русскомъ краяхъ, доступныхъ для западно-европейскаго вліянія, образовались, какъ мы уже видѣли, въ концѣ среднихъ вѣковъ, города, которые, правда, не достигли того расцвѣта, какъ германскіе, но все же походили на нихъ и находились въ тѣхъ же правовыхъ условіяхъ; въ нихъ развивались торговля и ремесла, какъ самостоятельныя, даже пространственно отдѣлившіяся отъ сельскаго хозяйства занятія. Центральная Россія не принимала участія въ этомъ развитіи городовъ; наоборотъ, здѣсь, какъ въ нѣмецкихъ горныхъ областяхъ при сходныхъ условіяхъ, развился кустарный промыселъ, произведенія котораго распространялись корабельниками или продавались на ярмаркахъ и базарахъ. Внѣшняя торговля была, конечно, незначительна и ограничивалась немногими продуктами. Подъ вліяніемъ болѣе тѣснаго соприкосновенія съ Западной Европой, какъ это особенно стало замѣтно съ начала 18 столѣтія, народное хозяйство тоже стало принимать нѣкоторыя европейскія черты. Вызывались въ большомъ количествѣ европейскіе мастера; они начали вводить европейскіе методы ремесла и хозяйства. Основывались правительственныя фабрики по западно-европейскому образцу. Но вся структура народнаго хозяйства оставалась еще старая; это было все то же натуральное хозяйство, основанное на крѣпостничествѣ и общинной собственности; торговля и самостоятельное ремесло играли только второстепенную роль. Значительнѣе были лишь успѣхи движенія вширь, вызванныя вторженіемъ русскихъ въ южную часть степнаго края и дальнѣйшимъ расселеніемъ въ лѣсномъ краѣ.

Значительныя измѣненія наступили только во второй половинѣ XIX вѣка, послѣ крымской войны. Важныя реформы въ области общественныхъ отношеній и способовъ сообщенія должны были произвести переворотъ во всемъ строѣ народнаго хозяйства. Отмена крѣпостного права и оплата правительствомъ выкупныхъ свидѣтельствъ привели къ полнѣйшему перевороту производительныхъ и денежныхъ отношеній; на мѣсто стараго, основаннаго на барщинномъ трудѣ, натурального хозяйства, направленнаго къ удовлетворенію собственными средствами, по крайней мѣрѣ, большинства своихъ потребностей, начинаетъ выступать наемный трудъ и хозяйственное раздѣленіе труда. Постройка желѣзнодорожной сѣти дала возможность производить массовый транспортъ продуктовъ и перенесла такимъ образомъ Россію со ступени мелкаго хозяйства на ступень широкаго обмѣна продуктовъ, на которой обмѣнъ съ другими странами не являлся уже чѣмъ-то случайнымъ, а сталъ все развивавшейся, постоянной частью народнаго хозяйства.

При незначительности своей предварительной хозяйственной подготовки Россія могла занять только такое мѣсто, какое обыкновенно занимаютъ въ мировомъ хозяйствѣ молодыя колоніальныя страны. Подобно тому, какъ это было съ Соединенными Штатами, а нѣсколько позже съ Аргентиной, Россія выступила на мировой рынокъ, главнымъ образомъ, поставщикомъ продуктовъ скотоводства, а потомъ и хлѣба. Хлѣбопашество распространилось по всему степному краю, приспособленному для того самой природой, и совершенно завладѣло имъ; масса хлѣба, продаваемаго за границу, дала возможность закупать произведенія заграничной промышленности, колоніальныя товары и т. п., и Россія превратилась въ важный рынокъ сбыта для промышленности Западной Европы.

Въ связи съ развитіемъ вывоза и покупательной способности сельскаго хозяйства, могла расцвѣсть и русская промышленность, потому что предъ ней открывалась обширная область сбыта. Чтобы облегчить конкуренцію съ развитой западной промышленностью, русская индустрія ограждалась высокими таможенными пошлинами. Совершенно такъ же, какъ и въ Соединенныхъ Штатахъ, крѣпло стремленіе отстранить по возможности произведенія иностранной промышленности, а также чужое сырье и питательные продукты, и превратить русское государство въ замкнутую хозяйственную

единицу, сдѣлавъ зависимыми отъ нея въ хозяйственномъ отношеніи и сосѣднія азіатскія страны.

Такое развитіе является цѣлью русской хозяйственной политики за послѣднія десятилѣтія. Эта цѣль, съ русской точки зрѣнія, совершенно правомѣрна: современное большое государство не можетъ долго оставаться чисто земледѣльческой страной, не можетъ не обращать вниманія на развитіе фабричной промышленности, самой выгодной отрасли народнаго хозяйства, не можетъ предоставлять удовлетвореніе своей потребности въ фабричныхъ издѣліяхъ иностраннымъ государствамъ. Напротивъ, оно должно стремиться стать самостоятельнымъ въ промышленномъ отношеніи и подчинить своему промышленному господству сосѣднія, ниже стоящія страны. Именно такая страна какъ Россія, въ которой многія мѣстности мало пригодны для земледѣлія, но въ то же время представляютъ естественныя условія для развитія промышленности, въ высокой степени пригодна для того, чтобы развить въ этихъ мѣстностяхъ фабричную производительность и обезпечить для нея сбытъ какъ въ самомъ государствѣ, такъ и въ политически зависимыхъ отъ него сосѣднихъ странахъ.

Это стремленіе русскаго правительства къ выработкѣ изъ Россіи самостоятельной хозяйственной области грозитъ въ будущемъ Западной Европѣ экономическими осложнениями, о которыхъ тамъ мало еще думаютъ. Такъ какъ Россія пока еще не достигла своей цѣли и продолжаетъ находиться въ зависимости отъ западно-европейской промышленности, то на Западѣ предполагаютъ, что и ея азіатскія владѣнія останутся открытыми для его торговли и промышленности. Но и правительство, назначающее высокія охранительныя пошлины и настаивающее на соответственныхъ торговыхъ договорахъ, можетъ этимъ содѣйствовать успѣхамъ болѣе низкой промышленности передъ болѣе высокой. Побѣда Россіи надъ Японіей дала бы ей не только политическое, но, въ будущемъ, и экономическое преобладаніе въ Восточной Азіи, особенно въ Китаѣ или по крайней мѣрѣ въ сѣверномъ Китаѣ, а это явилось бы угрозой для хозяйственныхъ интересовъ всѣхъ морскихъ державъ.

Пока Россія однако еще далека отъ достиженія этой цѣли. Притомъ и идутъ къ ней слишкомъ по-азиатски. Подобно тому какъ Петръ Великій хотѣлъ насильственно европеизировать Россію въ

теченіе немногихъ лѣтъ, а вмѣсто этого успѣлъ только навести европейскій лоскъ, такъ и теперь снова слишкомъ насильственно принялись за экономическое преобразованіе и слишкомъ мало приняли въ расчетъ такіе факторы какъ скудость природы, малообразованность народа, непригодность органовъ государства. Одной воли правительства еще недостаточно. Достигнуть высокой ступени народное хозяйство можетъ лишь постепенно, въ соответствіи одновременно съ духовнымъ развитіемъ народа и политическимъ освобожденіемъ государства.

Русское народное хозяйство можно сравнить съ хозяйствомъ Сѣверной Америки и другихъ колониальныхъ странъ. Оба прошли черезъ ту же стадію развитія, да и теперь отличаются тѣмъ же характеромъ не только въ общемъ, но и въ деталяхъ. Всѣмъ имъ присущи извѣстныя черты молодости, вродѣ недостаточно отчетливаго экономическаго раздѣленія труда. Но развитіе Россіи отличается въ худшую сторону отъ развитія этихъ колониальныхъ странъ и заявляетъ себя меньшей энергіей. Въ старой странѣ, у своеобразно воспитаннаго народа сказываются препятствія и затрудненія, которыхъ нѣтъ въ новой странѣ, у энергичнаго, переселившагося сюда населенія. Къ началу своего новаго развитія территория колоній была еще нетронутой, русская же территория была уже лишена части своихъ естественныхъ богатствъ. Колониальный дѣятель былъ современнымъ человѣкомъ, не знавшимъ никакихъ внѣшнихъ путей, внутренне свободнымъ, воспитавшимъ въ себѣ, благодаря обширности имѣвшагося въ его распоряженіи пространства, широкой кругозоръ, практическій смыслъ, рѣшительную волю, непреклонный оптимизмъ. Въ Россіи же высшіе классы, хотя и получили европейское образованіе, но, вслѣдствіе продолжавшейся столѣтіями системы опеки и неподвижности хозяйственныхъ отношеній, остались несамостоятельными и непрактичными, безъ хозяйственной сметки и предприимчивости. А массы народа подавлены, духовно неразвиты, глубоко невѣжественны, не подготовлены къ принятію и усвоенію современной культуры. Колониальные народы не только усвоили всѣ техническіе и экономическіе успѣхи Европы и примѣнили ихъ къ своимъ условіямъ, но и самостоятельно усовершенствовали технику и экономическую организацію. Россія же осталась при одномъ усвоеніи и притомъ недостаточномъ—западно-европейскихъ изобрѣтеній и учрежденій, и

не была въ состояніи проявить собственное творчество и перегнать Западную Европу. Тамъ, въ колоніяхъ, мы видимъ свободное государство, предоставляющее широкій просторъ развитію экономическихъ силъ и не знающее, при изолированности своего положенія, особенныхъ заботъ о сильной военной охранѣ. Здѣсь, въ Россіи, передъ нами автократическое государство, опасющееся всякаго свободнаго движенія, государство всевластнаго, но бездарнаго чиновничества, вынуждаемое въ теченіе пѣлыхъ столѣтій своимъ географическимъ положеніемъ и внутренней сущностью къ империалистической и завоевательной политикѣ, требующей напряженія всѣхъ силъ и нуждающейся для своего проведенія въ усиленныхъ налогахъ. Развитіе русскаго народнаго хозяйства затрудняется не столько скудостью природы, сколько характеромъ государственнаго строя и исторіей народа.

Сельское хозяйство *).

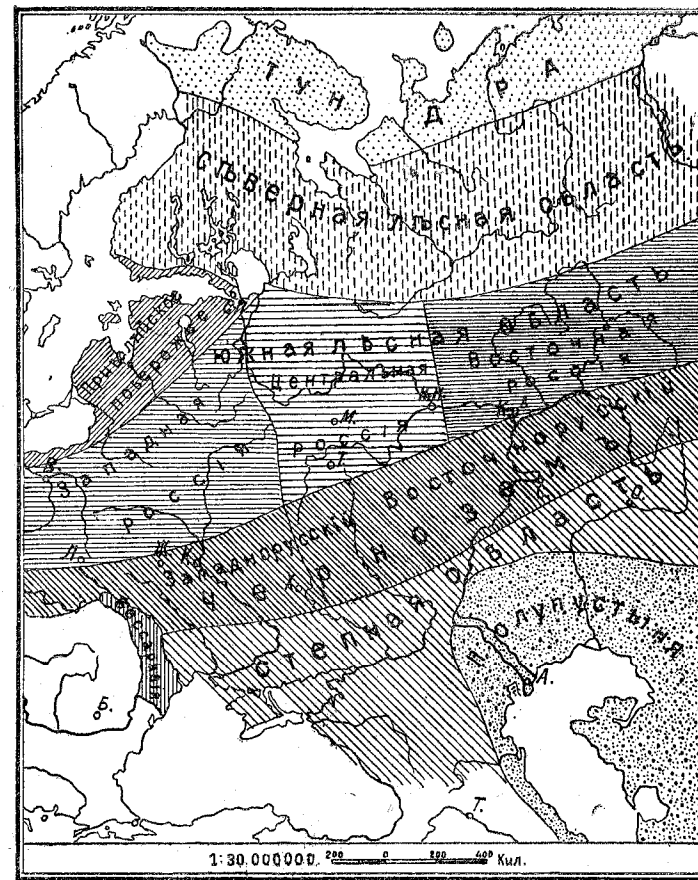
Физическія и политическія условія страны отражаются уже на сельскомъ хозяйствѣ, такъ какъ несмотря на всѣ различія, зависящія отъ естественныхъ особенностей, вся Россія имѣетъ нѣкоторыя общія черты, объясняющіяся низкимъ уровнемъ цивилизаціи. Въ Великороссіи отсутствуютъ почти всѣ физическія и хозяйственные условія для развитія болѣе высокой культуры. Успѣхамъ ея особенно мѣшало крѣпостное право, да и по отмѣнѣ его было совершенно столько ошибокъ, что вслѣдствіе ихъ очень была затруднена возможность какихъ бы то ни было улучшеній какъ въ помѣщичьемъ, такъ и въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Въ помѣщичьемъ—потому, что помѣщики быстро растратили полученные выкупныя деньги или на необдуманныя попытки ввести западно-европейскія формы интенсивнаго хозяйства, или на роскошную жизнь, а позже и вслѣдствіе недостатка въ рабочихъ рукахъ. Въ крестьянскихъ хозяйствахъ дѣлу мѣшало то, что крестьяне получили боль-

*) Кромѣ большого труда *Engelbrecht'a* „Die Landbauzonen der aussertropischen Länder“ („Сельскохозяйственные зоны внѣтропич. странъ), съ атласомъ, Berlin 1899 (извлеченіе *Геттнера* въ *Geogr. Ztschr.* Т. VII, 1901, стр. 271) и указанныхъ выше общихъ сочиненій по народному хозяйству Россіи см. также *A. Kraus* „Landbau und Landbauzonen Russlands“. Programm der Pragerhandelsakademie 1899 („Сельское хозяйство и сельскохозяйственные зоны Россіи“).

шей частью очень мало земли, и выкупные платежи легли на них тяжелым налоговым бременем. Даже развитие фабричной промышленности и железнодорожного движения больше повредило, чем принесло пользы сельскому хозяйству, по крайней мере крестьянам, так как этим у них были отняты такие подсобные промыслы как кустарный и извозный. Вследствие всех этих обстоятельств только в немногих местах земледелие вышло из трехпольного хозяйства, и почти везде под паром оставляются огромные пространства. Методы обработки земли совершенно примитивны: поле в большинстве случаев лишь слегка разрыхляется сверху стародавней сохой; только в более прогрессивных хозяйствах земля достаточно унавоживается; искусственное удобрение и орошение почти неизвестны. Применение хороших сельскохозяйственных орудий и машин затрудняется еще их высокими ценами, которые являются следствием охранительных пошлин. От этого доход с сельского хозяйства очень ограничен; даже в хорошие года, вследствие несовершенной организации хлебной торговли, цены так понижаются купцами, что сельский хозяин получает мало прибыли.

В общем 19% всей поверхности Европ. России составляет земля, негодная для обработки, 39%—занята лесами, 16%—лугами и 26%—пахотной землей. Продуктивных земель, следовательно, гораздо меньше, чем в западно-европейских странах; притом и доход с одинакового по размерам участка земли много меньше. В частности продуктивность почвы в разных местах страны различна. Уже с давних пор здесь отличают несколько сельскохозяйственных районов, обособление которых основывается прежде всего на климатических различиях. В этих районах замечается поразительная аналогия с сельскохозяйственными областями восточных Соединенных Штатов, с которыми восточно-европейская низменность, в противоположность более континентальной Западной Европе, сближается своим более континентальным климатом. Только их распределение несколько различно; в Америке они следуют в общем одна за другой с С.-В. на Ю.-З.; в России они расположены широкими полосами, следующими с С.-З. на Ю.-В. и имеющими направление с Ю.-З. на С.-В. Тундра соответствует американским „Barren Grounds“, лесной край северной России—канадскому лес-

ному краю, центральная Россия соответствует приблизительно юго-восточной Канаде и северо-восточной части Соединенных Штатов, южная Россия—прериям, каспийская впадина—„Великому бассейну“ и Крым—Калифорнии. Но как различно, вследствие различной высоты культуры, были использованы там и

Области сельского хозяйства.

здесь, при известном сходстве климата и хозяйственных условий, эти обстоятельства человеком!

На крайнем севере, в тундре и прилегающих к ней частях лесного края, хозяйство лопарей и самоёдов является нормальным оленеводством и нельзя предвидеть даже, что сюда могут проникнуть другие формы хозяйства. Да и во всей север-

ной части лѣснаго края, на пространствѣ въ $1\frac{1}{3}$ мил. кв. клм., сельскому хозяйству приходится бороться съ большими затрудненіями. Образовавшаяся изъ моренныхъ отложеній почва въ большинствѣ случаевъ плоха, болотиста или песчана. Кромѣ того, и вслѣдствіе суроваго климата въ распоряженіи хлѣбопашца имѣется лишь отъ трехъ до четырехъ мѣсяцевъ въ году.

Главное содержаніе хозяйственной жизни составляютъ здѣсь лѣсные промыслы. Если они раньше состояли въ охотѣ за пушнымъ звѣремъ и птицей, а также въ добываніи меда и воска, то позднѣе, когда лѣса въ Западной Европѣ перестали удовлетворять потребности въ нихъ населенія, на первый планъ выступила рубка лѣса, а также гонка смолы и дегтя. Вблизи рѣкъ, посредствомъ которыхъ только и возможенъ сплавъ лѣса, лѣсная площадь значительно уменьшилась; но въ сторонѣ отъ нихъ расположены еще большіе лѣса, ожидающіе разработки въ будущемъ. Хлѣбопашество играетъ только подчиненную роль въ хозяйственной жизни, и поля занимаютъ сравнительно небольшое пространство. Земледѣліе является здѣсь въ формѣ подсѣчнаго хозяйства. Поле, которое получается послѣ очистки отъ лѣса, обрабатывается нѣсколько лѣтъ, а какъ только производительность земли уменьшится, его покидаютъ, такъ какъ свободной земли еще много. Въ самой сѣверной полосѣ разводятъ только ячмень, рѣпу и капусту, нѣсколько южнѣе рожь и овесъ; но доходъ отъ всего этого очень незначителенъ. Лучше полей сочные луга, и тамъ, гдѣ открывается возможность сбыта, разводятъ рогатый скотъ, главнымъ образомъ въ цѣляхъ молочнаго хозяйства.

Область, гдѣ преобладаетъ уже хлѣбопашество, а лѣсное хозяйство отступаетъ на второй планъ, начинается только въ южной части лѣснаго края, приблизительно нѣсколько южнѣе шестидесятой параллели. На югѣ границей этой области можетъ служить линія, проходящая отъ Кременца черезъ Житомиръ и Тулу къ Н.-Новгороду и Казани. На западѣ ширина этой области имѣетъ около десяти градусовъ широты, на востокѣ—только отъ 3—4 градусовъ; вообще она постепенно суживается къ востоку, и въ общемъ охватываетъ $1\frac{1}{2}$ мил. кв. клм.

Средняя температура лѣта здѣсь приблизительно та же, что въ сѣверной Германіи, да и почва имѣетъ большое сходство съ тамошней. Сельское хозяйство требуетъ здѣсь много труда и даетъ

мало прибыли, но оно почти вездѣ возможно, такъ что, за исключеніемъ отдаленныхъ восточныхъ окраинъ, подъ нимъ находятся въ этой области огромныя пространства, хотя между ними остаются еще многіе лѣсные острова. Въ связи съ большимъ распространеніемъ и значеніемъ здѣсь хлѣбопашества и обработка почвы тутъ лучше чѣмъ на сѣверѣ. На первомъ планѣ стоятъ посѣвы хлѣба, особенно ржи и овса, а также ячменя и пшеницы; кромѣ того разводится ленъ и т. п. Довольно значительно и скотоводство; лѣтомъ скотъ выгоняютъ на пастбище, но въ продолженіе холодной зимы его приходится держать въ хлѣвахъ.

Вслѣдствіе разнообразія климатическихъ и культурныхъ условій въ разныхъ частяхъ этой области, въ сельскомъ хозяйствѣ наблюдаются большія различія, почему ее удобно раздѣлить на рядъ подобластей. Первой подобластью является *Прибалтійскій край*. Онъ отличается болѣе влажнымъ умѣреннымъ климатомъ, лучшимъ доступомъ къ морю и отчасти болѣе высокой культурной жизнью, основанной на болѣе продолжительномъ соприкосновеніи съ Западомъ, и большимъ развитіемъ городовъ. Результатомъ этого являются и лучшія условія сбыта. На ряду съ крупными нѣмецкими помѣщиками здѣсь есть и среднее землевладѣльческое сословіе, да и сельскій работникъ здѣсь, вслѣдствіе болѣе ранней отмѣны крѣпостного права, болѣе развитъ, чѣмъ русскій крестьянинъ. Поэтому сельское хозяйство стоитъ тутъ на болѣе высокой ступени развитія. Трехпольная система замѣнена въ большинствѣ случаевъ рациональнымъ многопольнымъ хозяйствомъ, культура гораздо интенсивнѣе, а потому и урожай гораздо больше, чѣмъ въ центральной Россіи. На ряду съ посѣвомъ хлѣба, который даетъ хорошую прибыль, большую роль играетъ и разведеніе льна для добыванія волокна. Картофель разводится здѣсь больше, чѣмъ въ остальной Россіи, что является слѣдствіемъ болѣе тѣснаго соприкосновенія съ Западной Европой, особенно съ Германіей. Садоводству (главнымъ образомъ разведенію яблокъ, сливъ и вишенъ) благоприятствуетъ болѣе мягкій климатъ. Большая влажность способствуетъ луговодству, а слѣд. и скотоводству, продукты котораго находятъ сбытъ въ городахъ и за границей. Да и ремесла, стоящія въ связи съ сельскимъ хозяйствомъ, здѣсь больше развиты, чѣмъ во всѣхъ остальныхъ частяхъ Россіи.

Въ западной части внутренней Россіи въ области верхняго

Нѣмана, верхней З. Двины, Припети и верхняго Днѣпра, климатъ еще сравнительно мягокъ и вегетационный періодъ довольно продолжителенъ, такъ что нѣкоторыя растенія, которыя отсутствуютъ въ центральной Россіи, какъ, напримѣръ, озимая пшеница и различные виды фруктовыхъ деревьевъ, здѣсь еще произрастаютъ свободно. Со времени большихъ осушительныхъ работъ и почвенныя условія стали благопріятнѣе. Но культура вслѣдствіе удаленности отъ моря и Европы отстала; трехпольное хозяйство еще не исчезло. Какъ помѣщикамъ такъ и крестьянамъ недостаетъ капитала и сельскохозяйственнаго образованія; они находятся въ большой зависимости отъ крупныхъ и мелкихъ еврейскихъ торговцевъ. Въ связи съ задолженностью находится ужасное истребленіе лѣсовъ, которые продаются задолжавшими помѣщиками купцамъ и вырубаются ими безжалостно. На ряду съ лѣсомъ вывозится главнымъ образомъ ленъ. Хлѣба же не хватаетъ даже для мѣстнаго потребленія.

Центральная Россія имѣетъ болѣе длинныя и суровыя зимы, чѣмъ двѣ предыдущія области, такъ что хлѣбопашеству приходится бороться съ большими затрудненіями. Пока крѣпостное право давало въ распоряженіе помѣщиковъ богатая рабочія силы, эти затрудненія можно было еще преодолѣть, тѣмъ болѣе что можно было пользоваться и домашнимъ производствомъ крестьянъ. Но со времени отмены крѣпостного права, сопровождавшейся значительнымъ хозяйственнымъ переворотомъ, рабочіе уходятъ въ болѣе плодородныя мѣстности юга или на фабрики, отчего обнаруживается сильный недостатокъ въ сельскохозяйственныхъ рабочихъ силахъ. Сельское хозяйство поэтому почти не даетъ дохода крупному землевладѣльцу, многіе совсѣмъ забросили хозяйство и усадьбы ихъ стоятъ пустыми, да и въ крестьянскомъ хозяйствѣ не наблюдается прогресса. Земледѣліе очень примитивно: трехпольная система царитъ еще вполне, современные успѣхи въ дѣлѣ обработки земли мало сюда проникли. Поэтому то и прибыль незначительна: пахотная земля не даетъ даже урожая самъ-три. Посѣвъ пшеницы по климатическимъ условіямъ возможенъ только въ незначительной мѣрѣ; главнымъ хлѣбнымъ продуктомъ является рожь. Очень распространено и разведеніе гречихи, а также капуста и льна, пряжу изъ котораго крестьяне обыкновенно изготовляютъ сами. Разведеніе картофеля лишь постепенно получаетъ большее распространеніе. Изъ фруктовыхъ деревьевъ произрастаетъ

только яблоня. Да и разведеніе скота затруднительно, вслѣдствіе необходимости кормить его около пяти мѣсяцевъ въ хлѣбахъ. Сельскохозяйственные второстепенные промыслы мало развиты. Лѣсъ уже сильно порѣдѣлъ, и дрова идутъ почти исключительно для мѣстнаго потребленія, очень возросшаго вслѣдствіе развитія промышленности; вывозъ дровъ за границу не играетъ большой роли вслѣдствіе отсутствія водныхъ путей.

Въ *восточной части лѣснаго края*, въ области средней Волги и Камы, находимъ почти тѣ же сельскохозяйственныя отношенія, но населеніе менѣе густо, климатъ суровѣе, фабричная промышленность не развита.

Къ югу идетъ *черноземный край*, извѣстный своимъ плодородіемъ. По природѣ—это переходная ступень отъ лѣса къ степи. Въ настоящее время этотъ край всецѣло захваченъ хлѣбопашествомъ, которое здѣсь находитъ лучшую почву и болѣе мягкій климатъ. Въ западной и восточной части его наблюдаются различія въ состояніи сельскаго хозяйства, въ зависимости отъ различія климата и культуры.

Западная часть черноземнаго края, охватывающая малороссійскія губерніи, Подольскую, Кіевскую и Полтавскую до Харьковской, не только имѣетъ болѣе мягкій климатъ, но и болѣе высоко развитую культуру. Потому-то и сельское хозяйство стоитъ здѣсь на болѣе высокой ступени развитія; оно частью перешло чрезъ трехпольное хозяйство къ болѣе интенсивнымъ культурнымъ системамъ; сельскохозяйственныя машины общеупотребительны, по крайней мѣрѣ въ большихъ имѣніяхъ. Вслѣдствіе болѣе мягкаго климата здѣсь можно сѣять болѣе прибыльно озимый хлѣбъ, и не только рожь, но и пшеницу. Въ то время, какъ на востокѣ исключительно господствуетъ посѣвъ хлѣба, здѣсь разводится также много свеклы, а также растеній, дающихъ волокно и маслянистыя сѣмена, а къ западу отъ Днѣпра—фруктовыя деревья и виноградъ. Скотъ разводятъ, главнымъ образомъ, на убой. Побочные сельскохозяйственныя промыслы, какъ гончарный, пивовареніе, мукомольное дѣло и сахарное производство, тоже значительно развиты.

Въ *восточной части* этой области, куда входятъ губерніи Орловская, Курская, Харьковская и дальше губерніи до Волги и за нею, почва состоитъ тоже изъ плодороднаго чернозема, но климатъ менѣе благопріятенъ: зима продолжительнѣе и суровѣе, осадки болѣе

скудны и менѣ постоянны, часто бываютъ засухи и неурожаи. Да и культура отстала отъ культуры западной области. Раньше здѣсь царило помѣщичье хозяйство съ крѣпостнымъ трудомъ; производили, главнымъ образомъ, для собственнаго потребления. Во второй половинѣ прошлаго столѣтія здѣсь произошелъ поливій переворотъ; вслѣдствіе постройки желѣзныхъ дорогъ стало возможнымъ экспортировать хлѣбъ и его начали сѣять все въ большихъ размѣрахъ. Благодаря этому въ страну стали притекать деньги, и сельское хозяйство поднялось. Но рабочіе, которые теперь уже не были прикрѣплены къ своему клочку земли, устремились на югъ и скоро почувствовался недостатокъ въ сельскохозяйственныхъ рабочихъ, не восполненный успѣхами техники. Господствующей хозяйственной системой осталось трехпольное хозяйство съ неудобреннымъ паромъ. Особенно плоха обработка земли въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Да и все хозяйство вообще односторонне. Здѣсь, правда, также дѣлали попытку разводить свеклу, но это оказалось мало прибыльнымъ, такъ какъ при краткости вегетационнаго періода и при обработкѣ полей безъ удобренія въ буракахъ было слишкомъ незначительное количество сахара. На первомъ планѣ стоитъ посѣвъ хлѣба для вывоза. Если на западѣ, главнымъ образомъ, сѣютъ пшеницу, то на востокѣ все больше беретъ верхъ выносивая рожь и полба, а пшеницу сѣютъ только яровую. Край по обѣ стороны средней Волги является областью, откуда особенно вывозится русская рожь. Овесъ и гречиха тоже занимаютъ большія пространства. Скотоводство, вслѣдствіе огромнаго развитія полей и отсутствія луговъ, для которыхъ сухой климатъ не благопріятенъ, незначительно; разводятъ почти исключительно необходимый рабочій скотъ; для пастбищъ приходится пользоваться полями, оставшимися подъ паромъ. Сельскохозяйственные побочные промыслы мало развиты.

Это одностороннее направленіе сельскаго хозяйства, сводящееся лишь къ посѣвамъ хлѣба и носящее характеръ чисто хищническаго хозяйства, въ связи съ общими политическими и хозяйственными условиями, имѣло плохія послѣдствія. Считать черноземъ неистощимымъ было роковымъ заблужденіемъ. Лишь поверхностно вспаханная первобытнымъ плугомъ, никогда не удобряемая почва истратила несмотря на свое естественное плодородіе запасъ питательныхъ своихъ солей, а короткіе періоды отдыха, которые

даютъ почвѣ, недостаточны, чтобы возстановить это плодородіе. Урожаи дѣлаются все незначительнѣе, хлѣбъ вырождается и сорная трава все больше заглушаетъ его. Въ года, богатые осадками, урожай еще удовлетворителенъ, но въ сухіе года, которые въ этомъ степномъ климатѣ очень часты, наступаютъ ужасные неурожаи; самыми тяжелыми были годы 1890 и 1898. Такъ какъ 90-е годы, по *Брокнеру*, являются періодомъ сухого и жаркаго лѣта, то причинная связь между урожаемъ и климатомъ становится очевидна; но что при этомъ извѣстную роль играли и хозяйственныя причины, видно изъ того обстоятельства, что неурожаи чувствовались гораздо сильнѣе на плохо обработанной и рѣдко засѣянной крестьянской землѣ, чѣмъ на помѣщичьей. Во время такихъ неурожаевъ почва немного отдыхаетъ; они подобны вынужденному природой оставленію подъ паромъ. Но этотъ отдыхъ недостаточенъ. Вся эта область, которая такъ приспособлена къ хлѣбопашеству, какъ немногія другія страны, и которую можно сравнивать только съ лучшими сельскохозяйственными областями Сѣверной Америки, совершенно разорена. Правда, она и теперь вывозитъ хлѣбъ, но только за счетъ пропитанія мѣстнаго населенія. Да и скотоводство вслѣдствіе недостатка въ кормѣ и общей нужды дѣлается все незначительнѣе. Крестьянское хозяйство этой мѣстности находится почти въ полномъ разстройствѣ.

Совершенно другую печать носить сельское хозяйство *южной части степного края*. Здѣсь мы должны также различать нѣсколько подобластей съ запада на востокъ.

Западная часть, Бессарабія, по своему сельскому хозяйству примыкаетъ къ Румыніи. Населеніе ея состоитъ изъ румынъ (молдаванъ), да раньше она и политически принадлежала Румыніи. Болѣе мягкій и сырой климатъ допускаетъ здѣсь воздѣлываніе такихъ растений, которыя затруднительно разводить далѣе къ востоку. Характерно обширное разведеніе кукурузы, которая служить хлѣбомъ для молдаванъ, значительно распространено также разведеніе винограда, при чемъ качество его уступаетъ количеству, и, наконецъ, разведеніе плодовыхъ деревьевъ, особенно сливъ, которыя являются любимыми фруктовыми деревьями всего Балканскаго полуострова.

Въ *южной Россіи* или собственно *Новороссіи* особенности сельскаго хозяйства прежде всего опредѣляются недавностью и не-

устроенностью поселений, а потомъ сухостью климата. Возникновение русских поселений относится здѣсь только къ концу XVIII столѣтія. Лишь съ этихъ поръ въ эту область проникло хлѣбопашество, до тѣхъ поръ здѣсь господствовало номадное скотоводство. И въ русскомъ хозяйствѣ вначалѣ большую роль играло полуномадное степное скотоводство, главнымъ образомъ, разведение лошадей и овецъ, и если постепенно дикая степь все больше суживается, то все же и до сихъ поръ огромныя пространства, лежащія подъ паромъ, представляютъ прекрасныя пастбища для стада. Сельское хозяйство въ Новороссіи—это еще дикое луговое хозяйство, при которомъ поле, если оно начинаетъ немного терять свое плодородіе, забрасывается и опять превращается въ степь, по которой плугъ проходитъ не раньше какъ черезъ три года. Скотоводство до сихъ поръ ведется въ довольно грубой формѣ. Скотъ остается весь годъ на пастбищѣ, и во время сильныхъ зимнихъ бурановъ часто гибнуть цѣлыя стада. Самымъ важнымъ является разведение лошадей и овецъ; стада послѣднихъ часто бываютъ огромны, овецъ раньше разводили ради тонкой шерсти, теперь же больше для получения мясныхъ продуктовъ.

Хлѣбопашество является здѣсь еще болѣе одностороннимъ воздѣлываніемъ хлѣба, чѣмъ въ восточной части черноземной полосы; на мѣсто степи тутъ появились широко раскинувшіяся пахотныя поля. Въ то время какъ сѣвернѣе по большей части сѣютъ рожь, здѣсь беретъ перевѣсъ пшеница, которая занимаетъ приблизительно половину всей пахотной земли. Но вслѣдствіе тонкаго снѣжнаго покрова, который не представляетъ достаточной защиты противъ зимнихъ холодовъ, здѣсь сѣютъ только яровую пшеницу. Послѣ пшеницы главнымъ хлѣбнымъ продуктомъ является ячмень, такъ какъ онъ легче переноситъ сушь и жару, въ то время какъ рожь и овесъ требуютъ болѣе прохладнаго и сырого климата. Другими произведеніями земледѣлія являются арбузы, ленъ, который здѣсь служитъ не для получения волоконъ, какъ въ сѣверной Россіи, а для добыванія масла, а по Волгѣ подсолнечникъ, изъ котораго выжимаютъ масло, идущее также въ пищу. Разведение свекловицы пришлось оставить вслѣдствіе частыхъ засухъ, недостатка въ рабочихъ силахъ и отсутствія топлива для заводовъ. Разведение винограда тоже стоитъ на второмъ планѣ; изъ винограда по большей части не выжимаютъ сока для

винодѣлія, а рассылаютъ его свѣжимъ. Для сельскохозяйственныхъ побочныхъ промысловъ недостаетъ рабочихъ силъ и топлива.

Даже въ этомъ поясѣ положеніе сельскаго хозяйства далеко не такъ блестяще, какъ это можно было бы ожидать отъ такой молодой области. Большимъ неудобствомъ, какъ во всѣхъ колоніальныхъ странахъ, является недостатокъ въ рабочихъ силахъ, чувствующійся при отсутствіи капитала и образованія еще сильнѣе, чѣмъ въ Сѣверной Америкѣ, гдѣ все больше развивается примѣненіе машинъ, берегающихъ рабочія силы. Въ помѣщичьихъ экономіяхъ именно во время хорошаго урожая недостаетъ рукъ, чтобы убрать его. Съ недостаткомъ капитала и рабочихъ силъ находится въ связи плохая обработка почвы, а съ отсутствіемъ дерева въ степи—употребленіе навоза на топливо вмѣсто удобренія.

Этой-то недостаточной обработкой и объясняется особая опасность наступающихъ порой засухъ. Далеко не случайно то обстоятельство, что нѣмецкіе колонисты, которые глубже пахутъ и удобряютъ почву, менѣе страдаютъ отъ неурожаевъ. Быть можетъ, обработкѣ подвергли уже слишкомъ большую часть степи и дальнѣйшее расширеніе обработки ея можетъ имѣть мѣсто только въ томъ случаѣ, если перейдутъ къ болѣе интенсивной обработкѣ земли и даже, пожалуй, къ искусственному орошенію. Земледѣліе распространяется все дальше на юго-востокъ и вытѣсняетъ номадное скотоводство тюркскихъ и монгольскихъ племенъ, но его распространенію здѣсь поставленъ предѣлъ сухостью климата, которая можетъ быть устранена только при посредствѣ искусственнаго орошенія въ большомъ масштабѣ.

На южномъ берегу Крыма, въ связи съ сильной влажностью зимы, существуетъ совершенно другая система земледѣльческой культуры, соответствующая средиземноморскому характеру мѣстности. Начало ей было здѣсь положено уже греками и итальянцами. Для апельсиновъ и лимоновъ климатъ Крыма еще слишкомъ суровъ, да и разведение оливковыхъ деревьевъ тутъ незначительно, но прекрасныя миндальныя, орѣховыя, грушевыя и персиковыя сады, а также большіе виноградники, которые даютъ хорошее, хотя и относительно дорогое вино, — напоминаютъ уже берега Средиземнаго моря. Большее распространеніе собственно субтропической культуры можно найти только въ Закавказьѣ, которое находится уже внѣ сферы нашего изслѣдованія.

Рыболовство.

Рыбные промыслы по своему значению далеко уступают сельскому хозяйству, но играют все-таки в России не маловажную роль. В старину рыболовство велось главным образом по верховьям рек и в болѣе мелких рѣках; постепенно имъ стали заниматься все ниже по течению, и теперь главными его пунктами являются устья рек и прибрежные моря, хотя собственно морское рыболовство еще не развито. В связи съ этимъ географическимъ передвиженіемъ стоялъ переходъ отъ мелкаго къ крупному капиталистическому промыслу. Рыболовство поэтому играетъ въ настоящее время въ русской народной жизни меньшую роль, хотя доходъ съ него сталъ и больше. Значительнѣе всего оно въ устьяхъ Дона, по нижней Волгѣ, Уралу и по берегамъ Каспійскаго моря; правомъ рыболовства въ р. Уралѣ пользуются казаки, которые и производятъ его своеобразнымъ образомъ. Второе мѣсто занимаетъ рыболовство на большихъ сѣверо-западныхъ озерахъ и по берегамъ Бѣлаго и Балтійскаго морей; рыболовство въ открытомъ Ледовитомъ океанѣ и въ Черномъ морѣ незначительно.

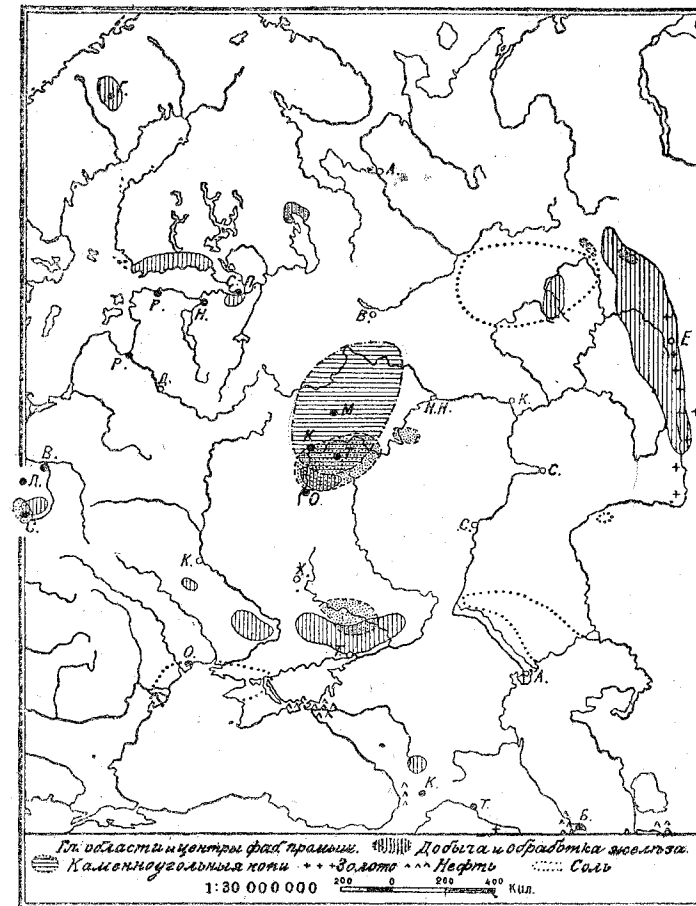
Искусственное разведеніе рыбы находится еще въ зачаточномъ состояніи.

Горный промыселъ.

Нѣкоторыми видами горнаго промысла, именно добычей мѣди, золота и камней, занимаются уже на низкихъ ступеняхъ культуры. Но добываніе металловъ и каменнаго угля получаетъ значеніе только въ вѣкъ фабричной промышленности. В связи съ этимъ находится техника горнаго промысла и руднаго дѣла и надлежащее развитіе способовъ перевозки, безъ котораго невозможно дальнѣйшее развитіе горнаго дѣла.

Въ общемъ Европейская Россія довольно бѣдна минеральными богатствами. Важнѣйшія минеральныя залежи находятся на восточномъ, азиатскомъ склонѣ Урала или еще въ болѣе отдаленныхъ азиатскихъ мѣстностяхъ, какъ Алтай, Амурская область и т. д. Мѣсторожденія свинца и цинка находятся въ южной Польшѣ, тоже уже не относящейся къ восточно-европейской низменности. Въ послѣдней, кромѣ соли, которая добывается въ прибрежныхъ озерахъ Чернаго моря и степныхъ озерахъ Каспійской котловины, а также

въ соляныхъ копияхъ (около Бахмута и др.) и изъ соляныхъ источниковъ (на сѣверѣ), встрѣчаются главнымъ образомъ желѣзная руда и каменный уголь. Важнѣйшія залежи желѣзной руды, главнымъ образомъ, магнитнаго желѣзняка, находятся на среднемъ Уралѣ, а

Горное дѣло и промышленность.

другихъ рудъ на Донцѣ у Кривого Рога, внутри большого днѣпровскаго изгиба, между Херсономъ и Екатеринославомъ, гдѣ онѣ, повидимому, уже нѣсколько истощены, у Тулы и Калуги, а также въ отложенияхъ Олонецкой губерніи. Уральскія залежи разрабатывались уже издавна, южно-русскія же начали разрабатываться только съ 1860 г.; ихъ разработка долгое время задерживалась

трудностями, которыя представляло устройство шахтъ, и только за послѣднее время она получила сильное развитіе.

Каменный уголь добывается во многихъ мѣстностяхъ. Ближайшая къ западной Европѣ каменно-угольная область находится внѣ собственно восточно-европейской низменности, близъ Домброва, у верхне-силезской границы. Вторымъ каменно-угольнымъ бассейномъ является московскій; онъ не очень великъ и даетъ уголь плохого качества. Бассейнъ этотъ имѣлъ значеніе только по своему положенію въ области старой кустарной промышленности, на переходъ которой къ фабричному производству залежи каменнаго угля не остались безъ вліянія. Также незначительны залежи каменнаго угля на восточной сторонѣ Урала, въ Пермской губерніи. Напротивъ того Донецкій бассейнъ очень богатъ мѣсторожденіями легко добываемаго каменнаго угля, количество котораго опредѣляется въ 10 миллиардовъ тоннъ. Это тѣмъ важнѣе, что здѣсь въ степи нѣтъ другого горючаго матеріала. Въ восточной части этого бассейна добывается антрацитъ, а въ западной—сорта каменнаго угля, легко превращающагося въ коксъ, который такъ необходимъ для фабричнаго производства.

До середины XIX вѣка добываніе угля въ этой мѣстности было незначительно; быстрое развитіе оно получило только съ семидесятыхъ годовъ и удовлетворяетъ теперь больше чѣмъ наполовину русской потребности въ углѣ, которая въ общемъ равняется отъ 8 до 9 миллиардовъ килгр. въ годъ (въ Германіи—болѣе 100 миллиардовъ килгр.). Въ сѣверо-западной Россіи отсутствуетъ каменный уголь; вслѣдствіе далекаго разстоянія южно-русскій уголь, не смотря на высокую пошлину на иностранный уголь, не можетъ конкурировать съ англійскимъ углемъ, ввозимымъ морскимъ путемъ. Въ извѣстной степени его замѣняетъ торфъ, добываемый на сѣверѣ въ большомъ количествѣ, а въ Приволжскомъ краѣ—нефть изъ Баку.

Ремесла и промышленность.

Развитіе ремеслъ шло въ восточно-европейской низменности по другимъ путямъ, чѣмъ въ западно-европейскихъ странахъ. Въ то время какъ въ послѣднихъ вмѣстѣ съ городами расцвѣло и городское ремесло, въ Россіи оно отсутствовало, какъ и вообще не было городской жизни, и только въ періодъ европеизаціи оно

было внесено какъ нѣчто чуждое, и долгое время оставалось въ рукахъ иностранцевъ. Только въ Прибалтійскомъ краѣ, съ его древними, образовавшимися подъ нѣмецкимъ вліяніемъ городами, и, въ небольшомъ количествѣ, въ польско-литовскомъ государствѣ, издавна существовали городскія ремесла. Въ Россіи собственно вмѣсто нихъ возникъ кустарный промыселъ, т.-е. домашнее крестьянское производство, вырабатывавшее больше чѣмъ было необходимо для собственнаго потребленія.

Развитіе кустарныхъ промысловъ было возможно вслѣдствіе отсутствія городовъ и городскихъ ремеслъ, но впослѣдствіи оно же задерживало развитіе городскихъ промысловъ. Настоящей причиной развитія кустарнаго производства являются климатическія условія, скудный доходъ отъ земледѣлія, которое вслѣдствіе краткости времени, подходящаго для полевыхъ работъ, требуетъ много рабочихъ силъ, но въ то же время не доставляетъ достаточно продуктовъ для пропитанія рабочихъ во время долгой зимы, когда прерываются сельскохозяйственныя работы; даже вспомогательными сельскохозяйственными работами зимой приходится заниматься меньше, чѣмъ въ Германіи. Поэтому вполнѣ естественно, что зимой крестьянинъ обращается къ кустарнымъ промысламъ, и что они въ центральной Россіи стали развиваться уже съ давнихъ поръ. Приростъ населенія повелъ къ развитію этой промышленности и къ распространенію излишка производства посредствомъ офеней и коробейниковъ. Кустарныя произведенія иногда проникали даже за границу, на примѣръ, съ XVI вѣка они вывозились чрезъ Архангельскъ въ Англію, пока, вслѣдствіе успѣховъ западно-европейской индустріи, примитивныя произведенія русскаго кустарнаго производства перестали удовлетворять болѣе требовательный вкусъ. Къ странствующимъ торговцамъ скоро присоединились и кочующіе ремесленники. Еще и теперь идутъ тысячи столяровъ, каменщиковъ, стекольщиковъ и т. п. изъ Владиміра, Костромы и Вятки въ столицы и на сельскохозяйственный югъ, гдѣ они предлагаютъ свои услуги. Въ то же время, какъ и въ Германіи, въ Россіи произошло извѣстное раздѣленіе труда. Различныя деревни имѣютъ особыя ремесла: въ одной дѣлаютъ лапти, въ другой шьютъ иконы, въ третьей—прядуть льняныя ткани, въ четвертой—дѣлаютъ деревянные ложки и т. д. Первымъ толчкомъ къ такой специализаціи, въ большинствѣ случаевъ, служило вѣроятно, нахожденіе въ раз-

личныхъ мѣстахъ неодинаковаго сырого матерьяла. Порой же, вѣроятно, объяснялось совершенной случайностью, что кто-либо брался именно за это ремесло, а не за другое; стремление къ подражанію вело къ тому, что остальные обитатели деревни начинали заниматься тѣмъ же производствомъ.

Въ общемъ кустарный промыселъ свойственъ главнымъ образомъ центральной Россіи. Въ черноземной полосѣ и въ собственно степномъ краѣ онъ мало распространился, такъ какъ здѣсь земледѣліе болѣе производительно, а болѣе короткая зима менѣе благоприятствуетъ побочнымъ занятіямъ. За послѣднія десятилѣтія кустарничество вытѣсняется фабричной промышленностью, или скорѣе переходитъ въ нее, такъ какъ развитіе фабричной индустріи въ центральной Россіи связано, какъ мы потомъ увидимъ, со старымъ кустарнымъ промысломъ.

Развитіе *фабричной промышленности* *) является слѣдствіемъ европеизаціи Россіи. Эта форма промышленности возникла при Петрѣ Великомъ, а на болѣе высокую ступень поднялась только послѣ Крымской войны, вслѣдствіе постройки желѣзныхъ дорогъ, отмены крѣпостного права, организаціи денежнаго хозяйства и увеличившейся покупательной способности сельскаго хозяйства.

Она является подражаніемъ западно-европейской промышленности. Владѣльцы фабрикъ, техническіе руководители, мастера были вначалѣ почти все иностранцы, и только постепенно они стали замѣщаться русскими. Высокія охранительныя пошлины и другія государственныя мѣропріятія, какъ, напр., большіе заказы для желѣзныхъ дорогъ, быстро двинули впередъ промышленность, отчасти на счетъ сельскаго хозяйства, но спрашивается, имѣло ли это быстрое развитіе достаточно прочное основаніе. Большой крахъ 1900 г. произвелъ ужасныя опустошенія. Трудно учесть размѣры фабричной производительности; высокія числа, приводимыя сторонниками охранительныхъ пошлинъ, во всякомъ случаѣ преувеличены **).

Географически, въ распространеніи русской промышленности можно различать четыре, а если считать и сельскохозяйственную индустрію, то пять главныхъ промышленныхъ областей.

*) См. цитированную выше книгу *Schulze-Gävernitz'a*, а также *W. Gotz'e* „Die Industriegebiete des östlichen und südöstlichen Russlands“, *Geogr. Zeitschr.* 1898, стр. 557 и сл.

**) См. у *Balod'a* въ „*Schmollers Jahrbüchern*“ Bd. XXII, Heft 2, стр. 2.

Первая изъ этихъ промышленныхъ областей лежитъ вѣ собственно восточно-европейской низменности—въ западной Польшѣ.

Главный ея центръ, это непосредственно прилегающій къ нѣмецкой границѣ городъ Лодзь; за послѣднее время и около Сосновицъ, слѣдовательно въ ближайшемъ разстояніи отъ каменно-угольныхъ копей, образовалось довольно много фабрикъ, да и въ Варшавѣ замѣтно сильное промышленное развитіе. Промышленность этой области совершенно западно-европейская: фабрики основаны здѣсь иностранными, въ большинствѣ случаевъ нѣмецкими фабрикантами, чтобы избѣгать высокихъ русскихъ охранительныхъ пошлинъ. Сюда можно было перенести всю западно-европейскую технику и организацію; здѣсь выработался особый типъ рабочаго, сходный съ европейскимъ. Такимъ образомъ эта промышленность, несмотря на то, что положеніе Лодзи не представляетъ никакихъ особенныхъ естественныхъ преимуществъ, развилась гораздо быстрѣе и значительнѣе, чѣмъ собственно русская индустрія, и могла завоевать себѣ гораздо большій рынокъ сбыта не только въ западной и южной Россіи, но и въ русской Азіи.

Второй промышленной областью являются прибалтійскіе приморскіе города, особенно Петербургъ, Рига и Нарва; сюда же могутъ быть причислены и черноморскія гавани, особенно Одесса, менѣе значительныя однако въ промышленномъ отношеніи; хотя онѣ и отдѣлены большимъ пространствомъ, но родственны по существу. И эта промышленность имѣетъ почти западно-европейскій характеръ. Она работаетъ чужимъ, чаще всего англійскимъ, углемъ и обрабатываетъ заграничное, привозимое моремъ сырье и полуфабрикаты, частью, впрочемъ, и русское сырье, для вывоза за границу. Такъ же какъ и польская индустрія, она является неприятнымъ конкурентомъ собственно національной центрально-русской промышленности.

Главная область великорусской промышленности—центральная Россія, особенно губерніи Московская и Владимірская. Далекое не случайно эта собственно русская фабричная промышленность развилась въ области древняго кустарнаго производства: она выросла изъ послѣдняго, подобно тому какъ фабричная промышленность Германіи произошла изъ ея домашней промышленности. Вначалѣ образовались большія помѣщичьи предпріятія, гдѣ работали крѣпостные, по большей части, безъ машинъ; государ-

ственные фабрики прежнего времени носили тот же характер. Когда было уничтожено крепостное право, то эти предприятия могли удержаться или вновь образоваться только при условии перехода к машинному производству и других технических нововведений. В то же время постройка железных дорог, благодаря которой Москва получила еще большее значение, как центральный железнодорожный узел, в связи с введением пароходства на Волгу, сдѣлала возможным транспорт на большія расстоянія. Сельское хозяйство южной Россіи, вслѣдствіе вывоза хлѣба и перехода к денежному хозяйству приобрѣло большую покупательную способность. Съ расширеніемъ государства и увеличеніемъ его политическаго вліянія были завоеваны и азіатскіе рынки сбыта. Вслѣдствіе увеличенія сбыта, стало возможнымъ примѣненіе болѣе дорогихъ и большихъ, но и болѣе выгодныхъ по своей производительности машинъ. Предприятия могли также все болѣе расширяться. Но того спеціальнаго раздѣленія труда, какое сдѣлалось обычнымъ въ Западной Европѣ, все еще нѣтъ. При несовершенствѣ способовъ сообщенія стараются соединить въ одномъ предприятии различные виды производства, напримѣръ, пряденіе, ткачество, крашеніе. Такъ выросли—по большей части, среди лѣса, вслѣдствіе большаго удобства доставки топлива,—исполнинскія фабрики, которыя даютъ работу многихъ тысячамъ рабочихъ. Хотя великорусская фабричная промышленность образовалась изъ готовой домашней промышленности, но какъ разъ вопросъ о рабочихъ силахъ представлялъ здѣсь большія затрудненія. Только постепенно сталъ формироваться особый рабочій классъ; такъ же какъ и въ кустарничествѣ, большинство рабочихъ мѣняетъ съ временемъ года сельскохозяйственную работу на промышленную. Потому-то выучка у нихъ очень недостаточна. Заработная плата невѣроятно дешева, но и производительность работы невѣроятно мала, такъ что работа обходится дороже, чѣмъ въ Англіи или Германіи. Имѣя участки въ общинной собственности, рабочіе въ время жатвы сами оставляютъ фабрики, и послѣднія принуждены бываютъ иногда на два или три мѣсяца совершенно прекращать производство. Да и въ остальные времена года на производствѣ чувствительно отражается большое количество русскихъ праздниковъ, которые въ общемъ составляютъ около трети года. Вслѣдствіе этихъ перерывовъ въ работѣ, ростъ капитала не очень быстръ.

Къ тому же деньги, какъ это всегда случается въ странахъ съ мало развитымъ хозяйствомъ, вообще дороги; кредитъ еще мало развитъ. Топлива, въ видѣ дровъ изъ окружающихъ лѣсовъ, вначалѣ было вполне достаточно, но вслѣдствіе сильнаго и неосторожнаго расходованія, его скоро уже оказалось мало и пришлось перейти къ употребленію другихъ горючихъ матеріаловъ. Московскій каменный уголь довольно плохъ, а привозимый съ Донца, Польши и изъ-за границы обходится, вслѣдствіе долгаго железнодорожнаго транспорта, довольно дорого. Часто примѣняютъ теперь добываемый изъ нефти въ Баку мазутъ, который привозится воднымъ путемъ до Нижняго и потому обходится довольно дешево. Но по мнѣнію знаменитаго химика *Мендѣлева* мазутъ скоро станетъ слишкомъ дорогимъ для топлива, такъ какъ, при болѣе совершенной очисткѣ, ему можно будетъ найти лучшее примѣненіе. Да и сырье, вслѣдствіе большихъ разстояній отъ гаваней и фабричныхъ центровъ, по большей части довольно дорого; при плохой работѣ пропадаетъ также много матеріала. Центрально-русская промышленность, несмотря на всѣ улучшенія, производитъ товары худшаго качества и болѣе дорогие, чѣмъ западно-европейская индустрія. Она не въ состояніи еще въ большинствѣ случаевъ производить тонкихъ товаровъ и сортовъ; она поставяетъ главнымъ образомъ болѣе простой товаръ для массоваго потребленія. Она не можетъ разсчитывать на конкуренцію съ западно-европейскою индустріей на чужихъ рынкахъ, она имѣетъ сбытъ только въ Россіи и въ сосѣднихъ восточныхъ полукультурныхъ странахъ. Но и этотъ сбытъ можетъ удерживаться только при помощи очень высокихъ охранительныхъ пошлинъ или вынужденныхъ торговыхъ договоровъ. Промышленники центральной Россіи и связанные съ ними московскіе купцы, по Шульце-Гевернитцу, являются главными защитниками русской таможенной политики. Охранительныя пошлины на фабричныя издѣлія должны удерживать подалѣе произведенія западно-европейской промышленности; охранительныя пошлины на заграничное сырье, особенно хлопокъ, защитить промышленность центральной Россіи, которая получаетъ хлопокъ изъ Туркестана, отъ балтійской и польской индустріи и въ то же время поддерживать производство хлопка въ Туркестанѣ. Ту же цѣль должны преслѣдовать охранительныя пошлины на уголь, которымъ обслуживается только балтійская и польская промышленность. Такъ какъ

нѣмецко-польская промышленность является еще болѣе опаснымъ конкурентомъ, чѣмъ балтійская промышленность, то на сухопутной границѣ взимаются еще большія пошлины, чѣмъ на морской. Центрально-русская промышленность это, главнымъ образомъ, текстильное производство. Если вначалѣ на первомъ планѣ стояла обработка сельскихъ продуктовъ, какъ льна, конопли и шерсти, то за послѣднее время на первое мѣсто выступаетъ хлопокъ. Вначалѣ онъ получался изъ Америки, но потомъ все болѣе изъ Центральной Азии. Соотвѣтственно съ потребностями русскаго спроса и со сбытомъ на азиатскихъ рынкахъ здѣсь изготовляютъ, преимущественно, грубыя ткани. Шерстепрядильная промышленность отстала, тѣмъ болѣе, что вслѣдствіе плохой обработки русской шерсти по большей части приходится пользоваться ввозной. Зато производство болѣе грубыхъ шелковыхъ тканей за послѣднее время сдѣлало большіе успѣхи. Да и многія другія отрасли промышленности, кромѣ горной, проникли въ центрально-русскую промышленную область.

Совершенно отлична отъ центрально-русской южно-русская и уральская промышленность. Въ то время какъ первая развилась изъ старинной кустарной промышленности и первоначально опредѣлялась наличностью рабочихъ силъ, обѣ послѣднія возникли позднѣе и связаны съ залежами минеральныхъ богатствъ. Въ бассейнѣ Дона, а также Днѣпра, главнымъ образомъ у Екатеринослава, господствуетъ, въ связи съ добычей каменнаго угля и желѣзной руды, металлургическое производство. Оно здѣсь еще совершенно ново, возникло только въ 1868 г., и носитъ отпечатокъ колониальныхъ странъ. Какъ бы волшебствомъ возникла въ степи крупная промышленность вслѣдствіе проведенія желѣзной дороги и примѣненія къ дѣлу большихъ капиталовъ. Металлургическіе заводы служатъ для удовлетворенія нуждъ желѣзныхъ дорогъ и фабрикъ центральной Россіи. Металлическое производство страдаетъ отъ тѣхъ же недостатковъ, какъ и центрально-русская текстильная промышленность, именно отъ большого отдаленія желѣзныхъ рудниковъ отъ залежей угля, что особенно чувствительно благодаря отсутствію подходящихъ водныхъ путей и желѣзныхъ дорогъ и плохому матеріалу. Это приходится возмѣщать большимъ количествомъ рабочихъ, отчего дорожаетъ производство.

Время расцвѣта уральскихъ заводовъ прошло. Разбросанные

по горнымъ долинамъ, часто очень удаленные отъ рудниковъ, они имѣютъ въ своемъ распоряженіи только древесный уголь, а для транспорта плохіе водные пути. Отдаленное положеніе и въ будущемъ затруднитъ постройку здѣсь желѣзныхъ дорогъ. Онѣ будутъ возникать лишь постепенно, а уральская руда будетъ отправляться на донецкіе металлургическіе заводы или на только что возникающіе волжскіе, на которыхъ выплавка производится нефтью изъ Баку.

Торговля.

Торговля въ нѣкоторыхъ областяхъ Россіи велась еще въ древности. Ею занимались еще греческія колоніи по Черному морю, вывозившія не только произведенія скотоводства и земледѣлія южной Россіи, но и мѣха лѣсного края. Позднѣе подобныя же торговыя сношенія поддерживали Византія и итальянскія торговыя факторіи. Въ концѣ среднихъ вѣковъ нѣмцы основали у Балтійскаго моря торговые пункты, и подъ ихъ вліяніемъ возникли русскія торговыя республики—Новгородъ и Псковъ, которыя, главнымъ образомъ, вели оживленную торговлю мѣхами и другими продуктами лѣсного края, а также минералами Урала. Татары являлись посредниками обмѣна съ внутренней и восточной Азіей. Во второй половинѣ шестнадцатаго вѣка англичане и голландцы завязали торговыя сношенія на Бѣломъ морѣ. Съ начала восемнадцатаго вѣка, вслѣдствіе достиженія русскими береговъ Балтійскаго моря, вновь оживилась торговля по Балтійскому морю. Съ конца восемнадцатаго столѣтія стала развиваться черноморская торговля.

Но, вообще, торговля до послѣдняго времени играла лишь второстепенную роль въ русскомъ народномъ хозяйствѣ и ограничивалась только продажей немногихъ цѣнныхъ, легко поддающихся перевозкѣ, произведеній. Долгое время важнѣйшими предметами вывоза являлись мѣха, пухъ и перья, медъ и воскъ, рыба и икра, слѣдовательно все продукты охоты и рыболовства, а въ древности еще рабы. Позднѣе къ этому прибавились конопля и ленъ изъ прибалтійскихъ провинцій, лѣсъ, смола, нефть, нѣкоторыя произведенія кустарнаго промысла лѣсного края, металлы съ Урала, сало, шерсть, кожи, щетина, а также немного хлѣба изъ степного края.

Только съ половины девятнадцатаго столѣтія могла развиваться оптовая торговля какъ между отдѣльными мѣстностями Россіи,

такъ и съ заграницей; начиная съ этого времени торговля налагаетъ свою печать на все народное хозяйство. Въ лѣсномъ краѣ, особенно въ сѣверной его части, еще не лишенной лѣса, торговля лѣсомъ принимала все большіе размѣры, и въ настоящее время она далеко превосходитъ по значенію торговлю мѣхами, рыбой и тому подобными продуктами. Западныя, особенно прибалтійскія мѣстности, начали вывозить, кромѣ льна и конопли, масло, яйца, птицу, живой скотъ и мясо, а на внутренній рынокъ и продукты промышленности. Въ нѣкоторыхъ частяхъ центральной Россіи народное хозяйство все больше стало опираться на вывозъ фабричныхъ произведеній, доходами съ котораго покрывался недостатокъ пищевыхъ продуктовъ. Степной край, напротивъ, являлся областью вывоза хлѣба. Какъ во всѣхъ молодыхъ земледѣльческихъ странахъ, вмѣстѣ съ увеличеніемъ населенія, вывозъ хлѣба отвоевалъ первое мѣсто у экспорта скота.

Вывозъ изъ разныхъ областей направляется въ различныя мѣста. Вывозъ земледѣльческихъ продуктовъ съ юга и съ балтійскаго побережья, какъ и часть вывоза лѣса, направлены, главнымъ образомъ въ Западную Европу. При этомъ замѣчается характерное различіе между рожью и пшеницей: рожь идетъ только въ Германію и ей приходится конкурировать только съ тамошними сборами хлѣба; пшеница же идетъ во всѣ европейскія страны, гдѣ ей приходится бороться съ соперничествомъ Сѣверной и Южной Америки. Вывозъ фабричныхъ издѣлій центра находить, напротивъ, сбытъ въ другихъ частяхъ Россіи, въ сосѣднихъ областяхъ Азіи и въ странахъ Балканскаго полуострова. Европейская Россія имѣетъ, слѣдовательно, два различныя торгово-политическія фронта: по отношенію къ Западу она является экспортеромъ хлѣба, льна, продуктовъ скотоводства и импортеромъ болѣе тонкихъ произведеній промышленности, нѣкотораго количества сырья и полуфабрикатовъ, а также и колониальныхъ товаровъ; въ Азію она вывозитъ грубыя произведенія своей промышленности и получаетъ оттуда сырье и нѣкоторые предметы собственнаго, потребления, какъ, напримѣръ, чай.

Въ прежнее время продукты отправлялись, главнымъ образомъ, водными путями, къ которымъ они доставлялись крестьянами больше всего зимой на саняхъ. Во второй половинѣ девятнадцатаго вѣка все большее значеніе стали приобрѣтать желѣзнодорожный транспортъ

Сношеніе съ заграницей сухимъ путемъ, а именно съ Германіей и Австріей, соответственно получало такое же значеніе, какъ и морская торговля. И все же въ разныхъ отрасляхъ торговли наблюдаются характерныя различія. Вывозъ до сихъ поръ производится, главнымъ образомъ, морскимъ путемъ. Въ этомъ экспортѣ первое мѣсто среди другихъ морей отвоевало себѣ Черное море, такъ какъ вблизи него находятся огромныя области разведенія пшеницы; только рожь, которая разводится больше всего въ области средней Волги, идетъ, главнымъ образомъ, вверхъ по ней, чрезъ каналы въ Петербургъ и дальше по Балтійскому морю. При ввозѣ болѣе цѣнныхъ произведеній издержки транспорта принимаются во вниманіе уже меньше, и онъ производится, главнымъ образомъ, чрезъ сухопутную границу; для этого транспорта гораздо большее значеніе имѣютъ гавани Балтійскаго моря, чѣмъ Чернаго, такъ какъ онѣ занимаютъ болѣе удобное положеніе какъ относительно промышленныхъ странъ Западной Европы, такъ и главныхъ областей русскаго потребленія. Въ связи съ растущимъ значеніемъ торговли, постепенно измѣнилась и ея *организация*. Первобытная торговля, по крайней мѣрѣ собственно русская, была главнымъ образомъ, ярмарочной и развозной торговлей офеней. При недостаточномъ удобствѣ сношеній, которыя, вслѣдствіе плохого состоянія дорогъ, совершенно прерывались на нѣсколько мѣсяцевъ въ году, торговля сосредоточивалась, по большей части, на ярмаркахъ, которыхъ было много, хотя онѣ, въ большинствѣ случаевъ, имѣли только мѣстный характеръ. Вслѣдствіе развитія путей сообщенія, а особенно постройки желѣзныхъ дорогъ, развозная торговля вытѣснена регулярной, осѣдлой торговлей, а ярмарки—продажей на базарахъ и въ магазинахъ. Сохранившіяся еще ярмарки, какъ, напримѣръ, большая Нижегородская ярмарка или ярмарки въ Харьковѣ и Ирбитѣ, получили совершенно другое значеніе: онѣ являются теперь посредниками обмѣна русскихъ произведеній, особенно фабричныхъ издѣлій, на сельскохозяйственные продукты Азіи. Хлѣбъ и другіе продукты сельскаго хозяйства скупаются обыкновенно агентами на средства купцовъ, живущихъ въ большихъ городахъ. Хлѣбные элеваторы и связанныя съ нимъ устройства, которые такъ облегчаютъ торговлю хлѣбомъ въ Америкѣ, введены только въ послѣднее время. Иностранцы купцы мало принимаютъ участія въ этой торговлѣ; въ Бѣлороссіи и Ма-

лороссіи она находится въ рукахъ евреевъ, въ Великороссіи въ рукахъ русскихъ. И тѣ и другіе, въ своемъ родѣ, являются ловкими купцами, великороссы по меньшей мѣрѣ такими же ловкими, какъ и евреи, но это не купцы въ современномъ значеніи этого слова, съ широкимъ взглядомъ и большой хозяйственной инициативой, а просто ловкіе торгаша, сила которыхъ заключается въ хитрости и обманѣ. Уоллесъ ставить русскую торговлю на одну доску съ англійскимъ барышничествомъ лошадами: русскій купецъ еще не научился той истинѣ, что наиболѣе прочный доходъ даетъ честность.

Такимъ образомъ, Россія выступаетъ передъ нами со своимъ народнымъ хозяйствомъ какъ страна противорѣчій. Виѣшность блестяща, и вполне понятно, что мимолетные туристы и читатели официальныхъ рекламныхъ работъ, съ ихъ ярко подкрашенными статистическими данными, легко вводятся въ заблужденіе. Но „не все то золото, что блеститъ“. Русская промышленность, безъ сомнѣнія, сдѣлала большіе успѣхи; но они часто форсировались искусственно. Сельское хозяйство въ продолженіе долгихъ лѣтъ производило за счетъ почвы, вывозило за счетъ пропитанія населенія; наказаніемъ за это явилось истощеніе почвы, ужасныя голодовки, обѣднѣніе и огромная смертность населенія какъ разъ въ самыхъ плодородныхъ частяхъ государства. Много времени потребуетъ Россіи, чтобы залѣчить эти раны, еще растравленные ударами послѣдней войны. Простое измѣненіе таможенной политики въ пользу сельскихъ хозяевъ, какъ это требуютъ въ настоящее время многіе русскіе, слѣдовательно, отказъ отъ завоеванной хозяйственной самостоятельности, не можетъ принести исцѣленія; къ тому же фабричная промышленность пустила слишкомъ глубокіе корни, и населеніе слишкомъ велико. Помочь могутъ коренныя реформы не только народнаго хозяйства въ собственномъ смыслѣ, но и всей народной жизни, всего государственнаго строя. Только свободный и сильный народъ можетъ одержать рѣшительную побѣду надъ природой сѣверной страны.

IX. Матеріальная и духовная культура.

Матеріальная и духовная культура народа лишь въ исключительныхъ случаяхъ представляютъ собою нѣчто единое; обыкновенно въ разныхъ классахъ каждая изъ нихъ получаетъ далеко не одинаковое развитіе. Для Россіи это вѣрно еще въ большей степени, чѣмъ для западноевропейскихъ или даже для колониальныхъ странъ.

До второй половины прошлаго столѣтія весь русскій народъ рѣзко распадался на нѣсколько классовъ, и до сихъ поръ еще законъ относится къ нимъ неодинаково. Фактически старыя отличія и противоположности сохранились еще довольно сильно; разные классы населенія отличаются не только по богатству и образованію, какъ въ Западной Европѣ, но они являются по отношенію другъ къ другу какъ бы двумя различными народами. До сихъ поръ еще характеристика русской культуры должна считаться съ рѣзкими различіями разныхъ классовъ населенія.

Матеріальная культура.

Русскій народъ въ общемъ бѣденъ, а со времени великаго хозяйственнаго переворота прошлаго столѣтія онъ сталъ еще бѣднѣе. Возрастаніе населенія шло гораздо быстрѣе, чѣмъ увеличеніе экономическихъ ресурсовъ. При общинномъ землевладѣніи каждый долженъ получить надѣлъ, со всѣми правами и обязанностями, связанными съ нимъ. Но земельные надѣлы, бывшіе недостаточными уже во время раскрѣпощенія, становились все меньше вслѣдствіе новыхъ передѣловъ между большимъ числомъ лицъ, и скоро доходовъ съ нихъ стало уже совершенно нехватать для прокормленія семьи. Къ тому же почва все больше истощается и даетъ все меньшій урожай. Въ томъ же направленіи дѣйствуютъ

высокіе налоги, выколачиваемые съ немилосердной строгостью, а также притѣсненія и обиды со стороны землевладѣльцевъ, которые со времени отмены крѣпостного права не интересуются благосостояніемъ крестьянъ. Заработная плата на фабрикахъ и въ городскихъ ремесленныхъ мастерскихъ, въ соответствіи съ незначительной производительностью ихъ, мала. Вслѣдствіе всего этого уже давно сказывается особенно обострившееся теперь несоответствіе между потребностями и средствами ихъ удовлетворенія. Это несоответствіе даетъ уже о себѣ знать въ вопросѣ питанія. Русскій народъ долженъ довольствоваться скудной пищей. „Подъ сѣвернымъ небомъ онъ живетъ, какъ народъ юга“. Да и долгіе строгіе посты, перенесенные сюда съ юга, тоже способствуютъ отощанію. Пища русскаго народа по преимуществу растительная. Она состоитъ изъ щей, овсяной, ячной или гречневой каши и плохого ржаного хлѣба. Картофеля и мяса употребляютъ гораздо меньше, чѣмъ въ Германіи. Важную постоянную часть пищи образуетъ, во время долгихъ постовъ, рыба, которая, вслѣдствіе сухого холоднаго климата, можетъ перевозиться въ сушеномъ и соленомъ видѣ по всей странѣ, несмотря на плохія условія транспорта. Національные напитки составляютъ: чай, квасъ и вода. Обыкновенно русскій крестьянинъ немного пьетъ, но время отъ времени онъ напивается до потери сознания. За послѣдніе годы пьянство, вслѣдствіе введенія государственной винной монополіи, стало еще сильнѣе.

Одежда приурочена къ климатическимъ условіямъ. Если до послѣдняго времени она изготовлялась преимущественно самимъ крестьяниномъ, то теперь все больше и больше распространяются фабричныя издѣлія. На верхнюю одежду идутъ грубыя ткани изъ овечьей шерсти; въ нижнемъ бѣльѣ полотно въ значительной мѣрѣ вытѣснено хлопчатобумажными тканями. Характерны русскія мужскія рубашки, обыкновенно цвѣтныя, ситцевыя на сѣверѣ, бѣлыя холщевыя, иногда съ вышивками, на югѣ. Во время холодной зимы носятъ бараньи полушубки и тулупы. Бѣдность народа связана съ нечистоплотностью, проявляющею себя всюду, несмотря на бани.

Жилища въ общемъ убоги. Это большей частью грубо сколоченныя бревенчатыя избы съ толстыми деревянными стѣнами, причемъ щели между бревнами законопачены мохомъ или паклей, и съ соломенными крышами, которыя въ мѣстахъ обильныхъ лѣсомъ за-

мѣняются тесовыми. Такія избы, конечно, легко сгораютъ. Вычислено, что средняя продолжительность существованія дома въ нѣкоторыхъ мѣстахъ короче средней человѣческой жизни. Уже вслѣдствіе такой непрочности строеній мало заботятся объ ихъ убранствѣ; да народъ и слишкомъ бѣденъ, чтобы завести себѣ лучшую обстановку. Дома въ продолженіе зимы вплоть до самаго лѣта согрѣваются огромными печами, отапливаемыми въ лѣсномъ краѣ дровами, а въ степномъ — соломою или кизякомъ (высушеннымъ навозомъ). Въ степномъ краѣ избы уступаютъ свое мѣсто хатамъ или мазанкамъ, также часто съ соломенной крышей, но обыкновенно болѣе чистымъ, чѣмъ избы. Чтобы удержать тепло, въ которомъ русскій чувствуетъ большую потребность, вслѣдствіе недостаточнаго количества жира въ пищѣ, всѣ отверстія усердно закрываются, что препятствуетъ доступу воздуха и свѣта. Зимой въ избахъ бываетъ тяжелый, вредный для здоровья воздухъ. Заразительныя болѣзни распространяются тогда легко. Замѣчено, что весною ихъ количество быстро уменьшается. Жилища, конечно, полны насѣкомыми.

При подобномъ питаніи, одеждѣ и жилищахъ *здоровье народа* не можетъ быть хорошо. Хотя нѣкоторыя болѣзни становятся болѣе частыми лишь по мѣрѣ развитія культуры, но все же большинство самыхъ ужасныхъ болѣзней находятъ лучшую почву въ плохихъ условіяхъ жизни, которыя создаются полукulturой сѣверной страны. Если недостаточное питаніе дѣлаетъ человѣка мало устойчивымъ, то грязная одежда, тѣсныя, плохо провѣтриваемыя жилища и обычай ѣсть изъ одной миски и спать часто вповалку на полатахъ способствуютъ распространенію инфекціонныхъ заболѣваній. Другимъ слѣдствіемъ низкой культуры и рѣдкаго населенія является недостатокъ во врачахъ и развитіе суевѣрій, мѣшающихъ правильному лѣченію. Рѣзкія смѣны температуры, особенно въ переходныя времена года, и часто плохое качество воды также вредно дѣйствуютъ на здоровье. Очень распространенными народными болѣзнями являются малокровіе, чахотка, глазныя болѣзни, сифилисъ, который нерѣдко запускается, почему выступаетъ часто въ ужасныхъ формахъ, оспа, предохранительная прививка противъ которой примѣняется далеко не въ достаточной степени, брюшная тифъ, который главнымъ образомъ является слѣдствіемъ дурной воды, а во многихъ мѣстностяхъ также лихорадка и ди-

зентерія. Если образъ жизни простого русскаго народа и въ обыкновенное время очень жалокъ, то за послѣднее десятилѣтіе, вслѣдствіе цѣлаго ряда неурожаевъ, началась ужасная нужда какъ разъ въ самыхъ плодородныхъ земледѣльческихъ мѣстностяхъ. Хотя производимаго хлѣба мѣстами и не хватаетъ для собственнаго потребленія, крестьянинъ все же долженъ его продавать, такъ какъ налоги и сдѣланные передъ уборкой хлѣба долги государству и ростовщику взыскиваются съ жестокой и беспощадной строгостью. У крестьянина не остается ни зерна для посѣва, ни корма для скота. Такимъ образомъ приходится продавать и скотъ; скотоводство за послѣднія десятилѣтія сильно опустилось. Приходится продавать даже инвентарь, а между тѣмъ достатки становятся все меньше. Чтобы достать кормъ для оставшагося скота и получить топливо, крестьянинъ снимаетъ нерѣдко солому съ крышъ и даже сноситъ постройки, а самъ ютится, гдѣ попало. Но самымъ ужаснымъ является голодь съ его послѣдствіями. При замѣнѣ хлѣба его суррогатами (лебедой, желудями и пр.), появляется голодный тифъ, внѣшнимъ признакомъ котораго является сильно раздутый животъ. Другое слѣдствіе—это недостаточная теплота тѣла: голодающій всегда зябнетъ. Голодные лежатъ по угламъ и спятъ, чтобы забыться отъ голода и не растрчивать силъ. Мускульная сила, вслѣдствіе недоѣданія, терпитъ тоже большую потерю; это дѣйствуетъ также на дыханіе и кровообращеніе, и тѣло теряетъ способность сопротивляться заболѣваніямъ. Прямыми слѣдствіями плохого питанія являются цинга и голодный или пятнистый тифъ, которые нерѣдко наступаютъ въ мѣстностяхъ съ повторяющимися голодовками, особенно зимой. Въ общемъ, женщины, вслѣдствіе ихъ низкаго соціального положенія, страдаютъ больше мужчинъ, особенно замѣтно это у магометанъ, татаръ. Появляющіяся на свѣтъ во время голодовокъ дѣти обладаютъ слабымъ сложеніемъ.

Правительство относилось вначалѣ къ этимъ голодовкамъ съ характерной для русскихъ безграничной безпечностью; оно долгое время ихъ просто замалчивало и продолжало вымогать налоги съ разореннаго населенія. Слишкомъ поздно стало оно являться со своей помощью, да и та, вслѣдствіе плохой организаціи, приносила часто мало пользы. Многіе помѣщики и купцы пользовались этой нуждой чтобы лучше устроить свои дѣлишки. Но въ общемъ какъ разъ эта нужда освѣтила любовь къ ближнему и способность къ само-

пожертвованію русскихъ, особенно такъ называемой интеллигенціи, и показала, какіе хорошіе задатки живутъ въ русскомъ народѣ; чтобы расцвѣсти въ полномъ блескѣ, ему нужно только освободиться отъ остатковъ варварства.

Глубокая пропасть лежитъ между мишурнымъ богатствомъ и расточительной жизнью высшаго дворянства и бѣдностью и нуждой простого русскаго народа. И въ западно-европейскихъ странахъ существуютъ большія противоположности между помѣщиками и сельско-хозяйственными рабочими, фабрикантами и фабричными рабочими, но все же они не такъ рѣзки какъ въ Россіи.

Духовная культура.

То же самое можно сказать и о духовной жизни; въ Россіи она отличается гораздо большими противоположностями, чѣмъ въ Западной Европѣ. Духовная жизнь высшихъ классовъ и народа покоится на совершенно различныхъ основахъ. Въ то время какъ первые еще со времени Петра Великаго стали принимать европейское образованіе, послѣдній какъ бы застылъ въ первобытномъ состояніи.

Образованіе народа еще очень незначительно. Мы уже видѣли, какъ мало дѣлаетъ государство для школьнаго дѣла. Посѣщающая школу молодежь равняется только $2\frac{1}{2}\%$ всего населенія, сравнительно съ $18\frac{1}{2}\%$ въ Германіи и 10—11% въ Италіи и Испаніи. Во многихъ деревняхъ никто не умѣетъ читать. Да и купечество и духовенство обладаютъ очень скуднымъ образованіемъ. Притомъ же русскій не такъ быстро воспринимаетъ, какъ житель юга, которому эта восприимчивость часто замѣняетъ обученіе. Уровень его духовнаго развитія очень низокъ; у русскаго крестьянина совершенно отсутствуетъ знаніе окружающаго міра и пониманіе связи явленій. Онъ духовно еще совсѣмъ живетъ въ средневѣковьи. И пока еще почти незамѣтно перехода къ лучшему. Скудное народное образованіе не только не признается всѣми зломъ, но даже считается правительствомъ и вліятельной правительственной партией преимуществомъ, защитой противъ западнаго социализма и атеизма. Самоотверженная работа интеллигенціи на поприщѣ устройства школъ и вообще распространенія въ народѣ образованія сильно подавляется правительствомъ и церковью. Прежде всего русское государство должно стать свободнымъ, и народное обра-

званіе только тогда можетъ улучшиться, когда руководящіе круги убѣдятся въ необходимости духовнаго развитія. Потребуется еще много тяжелой борьбы и долгой работы, пока русскій народъ проснется отъ своего духовнаго сна.

Образованіе и духовная жизнь высшихъ классовъ, къ которымъ въ настоящее время можно причислить не только дворянство, но и выходящіе изъ народа классы, родственно съ образованіемъ и духовной жизнью западной Европы. Различныя умственныя теченія, которыя возникали въ Германіи, Англіи и Франціи, переживались и въ Россіи. При умственной молодости русскаго народа вполне понятно, что образованіе здѣсь, какъ во всѣхъ колониальныхъ странахъ, больше распространяется вширь, чѣмъ вглубь; русскіе знаютъ много, но рѣдко что-нибудь основательно. Именно вслѣдствіе недостаточно основательнаго знанія сути дѣла, ихъ взгляды по большей части теоретически абстрактны, поверхностны, незрѣлы; сила ихъ лежитъ въ ихъ воспримчивости, а не въ ихъ продуктивности. В. Гринъ замѣчаетъ: „Можно было бы смѣло вычеркнуть Россію изъ ряда народовъ безъ всякаго ощутительнаго вреда для цивилизаціи“. Одинъ русскій совершенно справедливо сказалъ: мы русскіе обладаемъ, прежде всего, гениемъ подражанія. Но это вовсе не является, какъ раньше предполагали, особенностью русской расы, а признакомъ прежняго и современнаго состоянія культуры, и возможно, что въ будущемъ русскіе проявятъ большую продуктивность. Особенно задерживалось развитіе умственной жизни тѣмъ отсутствіемъ религіозной и политической свободы убѣжденій, преслѣдованіемъ со стороны цензуры всякаго выраженія либеральныхъ мнѣній, что привело къ молчанію много способныхъ и свободныхъ головъ.

Россія прежде имѣла самостоятельное *искусство*. Оно стало развиваться подъ влияніемъ Византіи и Востока и потому заключало въ себѣ главнымъ образомъ восточные элементы, въ которыхъ есть сродство съ ассиро-вавилонскимъ, арабскимъ и индійскимъ искусствами. Но подъ влияніемъ религіи, другого климата и другихъ матеріаловъ (русской архитектурѣ въ прежнія времена приходилось исключительно пользоваться деревомъ)—русское искусство получило своеобразное развитіе. Европейцу кажутся странными эти шатровые главы и купола церквей, часто имѣющіе форму луковицъ. Скульптура и живопись были въ прежнія времена исклю-

чительно религіозными. Онѣ какъ бы застыли въ подражаніи примитивнымъ произведеніямъ византійскаго искусства; живопись сводилась къ иконописи. На ряду съ этимъ искусствомъ при Петрѣ Великомъ возникло заимствованное изъ западной Европы, которое не имѣло органической связи съ національнымъ русскимъ искусствомъ и потому не находило отклика въ народѣ. Неудивительно, что оно создавало въ теченіе полутора столѣтій слабыя, рыночныя вещи. Только за послѣднія десятилѣтія оно стало обращаться къ народной жизни и черпать свои силы изъ глубины народной души. Выше стоитъ *поэзія*, для развитія которой естественныя условія страны были благопріятны, такъ какъ для нея большее значеніе имѣетъ настроеніе, чѣмъ прекрасныя формы. Многіе русскіе романы и повѣсти отличаются тонкой психологіей. Быть можетъ, именно своеобразность умственнаго развитія, совершенно особенная духовная жизнь народа — способствовала и особенно глубокому и острому пониманію психологіи русскими писателями.

Наука во многихъ отношеніяхъ можетъ быть сравниваема съ сѣверо-американской. Она также молода, какъ и та; главнымъ образомъ ей приходится воспринимать и перерабатывать произведенія западно-европейской науки. Но работаетъ она при болѣе неблагопріятныхъ условіяхъ. Именно наука, успѣхъ которой означаетъ разрушеніе традиціи и которую нерѣдко обвиняютъ, что она расшатываетъ „основы трона и алтаря“, можетъ развиваться только въ атмосферѣ свободнаго государства и церкви, когда государство и церковь чувствуютъ себя настолько сильными, что могутъ выносить самыя сильныя противорѣчія, или не обладаютъ больше властью подавлять ненавистныя имъ нападки науки. Большое затрудненіе для русской науки составляетъ языкъ, трудность изученія котораго не даетъ возможности міру познакомиться шире съ русскими изслѣдованіями.

Заключеніе.

Во всѣхъ областяхъ человѣческой жизни въ Россіи выступаетъ то своеобразное смѣшеніе двухъ различныхъ культуръ и та вытекающая изъ этого двойственность, которая была основной чертой русской народности и русской культуры, и которую мы пытались объяснить географическими условіями. Россія является полувосточной, полуварварской страной. Она сдѣлала попытку заим-

ствовать военную и хозяйственную силу у европейской цивилизации. а также плоды ея просвѣщенія, и въ то же время сохранить старый строй. Она безъ сомнѣнія достигла въ этомъ большого внѣшняго успѣха. Русское государство и русская народность заняли огромное пространство, что является основой для блестящаго будущаго. Сельскохозяйственная производительность поднялась тоже на болѣе высокую ступень; экономическая отсталость Россіи отъ западно-европейскихъ странъ стала меньше; надъ сосѣдними азіатскими государствами (кромѣ Японіи и Китая) она приобрѣла экономическій перевѣсъ. Высшіе классы населенія принимаютъ участіе въ умственной жизни Западной Европы. Но если взглянуть на обратную сторону медали, то сердце сжимается при видѣ огромной ужающей нужды, низкаго развитія массъ и духовнаго порабощенія всего народа. Внѣшнее величіе и блескъ достигнута цѣной счастья и душевнаго спокойствія народа. Величію и блеску тутъ недостаетъ прочныхъ основъ, которыми могутъ быть только свобода и умственное развитіе народа. Долгое время внѣшніе успѣхи не могутъ обманывать: сильный толчокъ заставитъ содрогнуться гнилое зданіе по всѣмъ швамъ. Вѣра націоналистовъ въ большую внутреннюю силу русскаго народа по сравненію съ европейской культурой опровергается фактами. Принятіе внѣшнихъ благъ европейской культуры невозможно при долгомъ сохраненіи средне-вѣкового полувосточнаго государственнаго строя. Россія можетъ завоевать великое будущее, о которомъ она мечтаетъ, только при условіи, если она внутренне переродится.

Кто вѣритъ въ прогрессъ человѣчества, тотъ не будетъ сомнѣваться, что такой переворотъ совершится. Огромность Россіи и та внутренняя сила, которая дремлетъ въ этомъ сѣверномъ народѣ, заставляютъ ожидать, что этотъ переворотъ удастся совершить самому русскому народу, и что онъ не будетъ связанъ съ порабощеніемъ его другимъ народомъ. Тутъ возможны два пути; реформа и революція. Постыдное пораженіе уже однажды показало русскому правительству внутреннюю слабость Россіи и явилось толчкомъ къ большимъ внутреннимъ реформамъ, которыя все же были выполнены только наполовину. Долгій періодъ внѣшнихъ успѣховъ затемнилъ сознание этой внутренней слабости и реформы опять приостановились. Быть можетъ, постыдный опытъ японской войны приведетъ къ новому періоду реформъ и доставитъ рус-

скому народу постепенное уменьшеніе матеріальной нужды и такъ страстно желанное, по крайней мѣрѣ образованными классами, благо правовой обезпеченности, свободы совѣсти, народнаго образованія, участія въ управленіи, т.-е. всѣ тѣ блага, при которыхъ Россія вообще только и можетъ вступить въ рядъ культурныхъ націй. Безъ реформъ противорѣчія между лучшими людьми изъ народа и правительствомъ будутъ становиться все рѣзче и будутъ выражаться въ дѣйствіяхъ, которыя можно осуждать съ нравственной точки зрѣнія, но которыя все же слишкомъ понятны. Безъ уменьшенія нужды народъ, который пока еще не понимаетъ стремленій либераловъ, постепенно начнетъ прислушиваться къ ихъ внушеніямъ. Но кто можетъ предугадать ходъ народной русской революціи?!

Этими словами я закончилъ въ августѣ 1904 г. первое изданіе настоящаго этюда.

Развитіе событій съ того времени пошло быстро впередъ. Паль Портъ-Артуръ, къ югу отъ Мукдена русская армія потерпѣла рѣшительное пораженіе, уничтоженъ посланный въ восточную Азію русскій флотъ, въ Черноморскомъ флотѣ разразились мятежи, слѣдовали одно за другимъ террористическія покушенія. Была обширная рабочая забастовка, были пущены въ ходъ кровавыя карательныя экспедиціи, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ происходили аграрныя и крестьянскія беспорядки. Въ Закавказьи шла кровавая борьба между національностями, въ Прибалтійскомъ краѣ идетъ въ народѣ сильное социалистическое движеніе, направленное противъ помѣщиковъ-нѣмцевъ, подавленная Польша требуетъ автономіи и раздражается въ то же время внутренней борьбой между партіями и классами. Въ руководящихъ кругахъ все еще борется реакціонное и либеральное направленіе и никто не знаетъ, что явится результатомъ этой борьбы и насколько онъ будетъ соответствовать желаніямъ и потребностямъ народа. Полицейскій произволъ становится чуть ли не сильнѣе, несмотря на провозглашенныя свободы. Въ связи съ этимъ невольно поднимается роковой вопросъ, возможны ли вообще еще реформы. Даже если бы было серьезное намѣреніе выполнить обѣщанія, то, чтобы привести ихъ въ исполненіе, придется преодолѣть большія препятствія. Одно затрудненіе состоитъ въ томъ, чтобы сломить противодѣйствіе всевластной до сихъ поръ

бюрократіи. Другое, еще большее затрудненіе и опасность состоятъ въ двойственности русской жизни и въ глубокой противоположности между различными классами населенія. Въ образованныхъ классахъ пустили корни не только либеральныя, но и болѣе радикальныя социалистическія направленія; для осуществленія постепеннаго преобразованія большинству недостаетъ пониманія; хотятъ слѣдовать Петру Великому и сразу перенести на русскую почву передовые идеалы западной Европы. Умѣренная реформа не удовлетворитъ эти круги населенія и едва ли будетъ въ состояніи примирить ихъ съ правительствомъ. Къ радикальному же преобразованію государственнаго строя массы русскаго народа въ дѣйствительности еще не подготовлены. Народъ пока еще не стремится къ политической и духовной свободѣ, а думаетъ объ уменьшеніи налоговъ, прирѣзкѣ земли и вообще объ улучшеніи положенія хозяйства. О своихъ нуждахъ крестьянинъ имѣетъ правильное сужденіе, но дальше онъ не идетъ; до пониманія современной культуры онъ еще не дошелъ. Стремленія, которыя можно сравнить со стремленіями западно-европейской социаль-демократіи, существуютъ только у фабричныхъ рабочихъ; настроеніе русскаго крестьянства имѣетъ извѣстное сходство съ настроеніемъ нѣмецкихъ крестьянъ передъ крестьянскими войнами временъ реформаціи.

Вслѣдствіе того, что правительство долгое время не проводило никакихъ реформъ, что оно не воспользовалось для ихъ проведенія удобнымъ моментомъ передъ началомъ войны, что оно не могло остановить революціоннаго движенія, какъ разъ въ то самое время, когда всѣ убѣдились въ неспособности и безсиліи полицейско-бюрократическаго строя, — трудности проведенія коренныхъ реформъ особенно усилились.

Требуется большой умъ и сильная воля, чтобы побѣдить всѣ эти затрудненія. Да пошлетъ судьба Россіи, наконецъ, такого человѣка! Небо все больше заволакивается тучами и чѣмъ дальше, тѣмъ труднѣе становится путь къ реформамъ, и все тревожнѣе выступаетъ на заднемъ планѣ призракъ революціи.

„ЗЕМЛЕВѢДѢНІЕ“

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ
ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛЕНІЯ

ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей
Естествознанія, Антропологиі и Этнографиі
подъ редакціей проф. Д. Н. Анучина.

Выходитъ 4-мя книжками въ годъ, размѣромъ около 10—12 печатныхъ листовъ, съ приложеніемъ картъ, фототипій и рисунковъ въ текстѣ. (Двѣ книжки могутъ быть иногда соединяемы въ одну.) Цѣна годовому изданію **шесть** рублей съ пересылкой. Гг. иногородніе благоволятъ обращаться по адресу: Москва, Университетъ, Географическій Музей.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія журналъ „Землевѣдѣніе“ рекомендованъ особенному вниманію педагогическихъ совѣтовъ гимназій, реальныхъ училищъ, учительскихъ институтовъ и городскихъ училищъ для приобрѣтенія въ фундаментальныя и учительскія бібліотеки.

Прежніе годы „Землевѣдѣнія“ и 1906 могутъ быть получаемы каждый за 5 руб.; 1894 г. кн. 2, 3 и 4—за 3 рубля. Первая книжка этого года осталась въ немногихъ экземплярахъ и можетъ быть уступаема только по возвышенной цѣнѣ при выпискѣ полной серіи журнала 1894—1905 гг.

ПОЛНАЯ СЕРІЯ „Землевѣдѣнія“ за 13 лѣтъ (1894—1906), безъ 1-й книжки 1894 г., можетъ быть приобрѣтаема за 65 р., съ подпиской на 1907 г.—за 70 р., а съ 1-й книжкой 1894 г.—за 80 р.

— Отдѣльныя изданія —

Географическаго Отдѣленія:

А. Н. Красновъ. Травяныя степи сѣвернаго полушарія. Цѣна 1 р. 50 к.

Ф. Нансенъ. Среди льдовъ и во мракѣ полярной ночи. Перев. А. А. Крубера подъ ред. проф. Д. Н. Анучина. Цѣна 2 р.

Полный переводъ описанія знаменитаго путешествія Нансена на „Фрамъ“ въ 1893—96 г.г. съ 3 картами, свыше 30 иллюстрацій на отдѣл. табл. и мног. иллюстр. въ текстѣ.

Г. Н. Потанинъ. Восточные мотивы въ средневѣковомъ европейскомъ эпосѣ. Цѣна 2 р.

З. Гюнтеръ. Исторія географическихъ открытій и успѣхи научнаго землевѣдѣнія въ XIX в. Перев. Л. Д. Синицкаго, подъ ред. проф. Д. Н. Анучина. Цѣна 1 р.

Уч. Ком. М. Н. П. **рекомендована** для приобр. въ фундам. библ. ср. уч. зав. и въ спец. педаг. библ. при педаг. кл. женск. гимн.—Гл. Упр. Воен.-Учебн. Зав. **рекомендована** для чтенія кадетск. VI и VII кл.

Гуго Гроте. По Европейской и Азіатской Турціи. Переводъ О. И. Романовой, подъ редакціей С. Г. Григорьева. Цѣна 1 руб.

Уч. Ком. М. Н. П. **допущена** въ учечич., стар. возр., библ. средн.-учебн. зав.

Лица, выписывающія изъ редакціи или изъ книжнаго склада Т-ва **И. Н. КУШНЕРЕВЪ** и К^о (Москва, Пименовская ул. с. д.) за пересылку не платятъ.

ЗТП (2)
Г 446